

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

5.3 Психология

5.3.3 — Психология труда,
инженерная психология,
когнитивная эргономика

5.4 Социология

5.4.4. — Социальная структура,
социальные институты и
процессы
5.4.7. — Социология управления

5.8 Педагогика

5.8.7. — Методология и технология
профессионального образования

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года

Научный журнал
«Социально-гуманитарные технологии»
№ 3 (23), 2022
ISSN (Online) 2500-4202

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ЭЛ № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 г.

Учредитель Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия (141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д.42) / 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Кирилина Т.Ю., доктор социологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афонин И.Д., кандидат педагогических наук, доцент
Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
Гайдабрус Н.В., кандидат философских наук, доцент
Долгорукова И.В., доктор социологических наук, профессор
Захарова Н.Л., доктор психологических наук, профессор
Капранова М.В., кандидат психологических наук, доцент
Костыря С.С., кандидат психологических наук, доцент
Красикова Т.И., кандидат филологических наук, профессор
Лапшинова К.В., кандидат социологических наук, доцент
Ларионов А.Э., кандидат исторических наук, доцент
Магомедов К.О., доктор социологических наук, профессор
Морозюк С.Н., доктор психологических наук, профессор
Морозюк Ю.В., доктор психологических наук, профессор
Романов П.С., доктор педагогических наук, доцент
Старцева Т.Е., доктор педагогических наук, профессор
Тавокин Е.П., доктор социологических наук, профессор

EDITOR-IN-CHIEF:

Kirilina T.Yu., Doctor of Sociology, Professor

EDITORIAL BOARD:

Afonin I.D., PhD {Pedagogy}, Associate professor
Barkov A.S., Doctor of Sociology, Professor
Gaydabrus N.V., PhD, Associate professor
Dolgorukova I.V., Doctor of Sociology, Professor
Zakharova N.L., Doctor of Psychology, Professor
Kapranova M.V., PhD {Psychology}, Associate professor
Kostyrya S.S., PhD {Psychology}, Associate professor
Krasikova T.I., PhD {Philology}, Professor
Lapshinova K.V., PhD {Sociology}, Associate professor
Larionov A.E., PhD {History}, Associate professor
Magomedov K.O., Doctor of Sociology, Professor
Morozyuk S.N., Doctor of Psychology, Professor
Morozyuk Yu.V., Doctor of Psychology, Professor
Romanov P.S., Doctor of Pedagogy, Associate professor
Startseva T.E., Doctor of Pedagogy, Professor
Tavokin E.P., Doctor of Sociology, Professor

Над выпуском работали:

Паршина Ю.С.

Когтева У.А.

23.09.2022 г.

Адрес редакции:

141070, Королев, Ул. Октябрьская, 10а Тел. (495)543-34-31

e-mail: sgtjournal@mail.ru

www.sgtjournal.ru

© «Технологический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ	3
<i>Ефанова Е.В.</i> «Fake news» в современном медиапространстве: теоретические и практические аспекты	3
<i>Лапишинова К.В., Подольская А.А.</i> Феномен информационной войны в оценках молодежи московского региона.....	11
<i>Ларионов А.Э., Новичков А.В.</i> Воронка социального регресса и модусы исторического времени.	17
5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	25
<i>Асташев Р.В.</i> К вопросу о специфике личности руководителя в органах государственной власти. ...	25
<i>Кирилина Т.Ю.</i> Системный подход в теории управления	32
<i>Когтева У.А.</i> Влияние процесса цифровизации на информационные компетенции участников образовательного процесса до и после пандемии: сравнительный анализ (на примере ГБОУ ВО МО «Технологический университет»).....	39
5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА	47
<i>Жарких Н.Г., Костыря С.С.</i> Психологические защиты у лиц с разным уровнем субъективного контроля	47
<i>Лисичкина Ю.В.</i> Результаты апробации опросника «Профессиональное Я-перспективное»	54
<i>Разварина И.Н., Шматова Ю.Е.</i> Нервно-психическое развитие 17-летних подростков по результатам когортного мониторинга в Вологодской области	64
5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	73
<i>Диденко А.В.</i> Коадаптация интерактивных методов оценки компетенций студентов спо в условиях реализации федерального проекта "Профессионалитет"	73
<i>Красикова Т.И.</i> Тема-рематическое членение в английских научно-технических текстах.	81
<i>Романов П.С.</i> Развитие учебных программ инженерного образования в университетах и колледжах Канады	87

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ОБ АВТОРЕ:

Е.В. Ефанова,
кандидат политических наук, доцент кафедры
социологии и политологии
Волгоградский государственный университет.

ABOUT THE AUTHOR:

E.V. Efanova,
Candidate of Sciences (Politics), Associate
Professor, Department of Sociology and
Political Science, Volgograd State University.

УДК 316.4

«FAKE NEWS» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ефанова Е.В.

Актуальность данной работы определяется возрастающим количеством фейков в массмедиа. В статье представлен теоретический анализ феномена фейка в зарубежном и российском научном дискурсе. Артикулируется проблема идентификации фейковых новостей в российском медиапространстве. Установлено, что распространение медиафейков носит стратегический и целенаправленный характер.

Фейки распространяются влиятельными медиа-агентами для достижения политических или коммерческих целей, легитимируются СМИ и воспринимаются целевыми группами как достоверная информация. В частности, выборы Президента Франции в 2022 году характеризуются наличием в политическом медиапространстве ложных новостей. Предвыборные заявления кандидатов в Президенты от «левых» в лице Эммануэля Макрона и «правых» в лице Марин Лё Пен и Эрика Земмура содержат медиафейки для получения максимально возможной поддержки избирателей и устранения политических конкурентов.

Фейк, медиафейк, фейковые новости, медиапространство.

Для цитирования: Ефанова Е.В. «Fake news» в современном медиапространстве: теоретические и практические аспекты // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 3-10.

«FAKE NEWS» IN MODERN MEDIA SPACE: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Efanova E.V.

The relevance of this work is determined by the increasing number of fakes in the mass media. The article presents a theoretical analysis of the phenomenon of fake in foreign and Russian scientific discourse. The problem of identifying fake news in the Russian media space is articulated. It has been established that the distribution of media labels is strategic and targeted. Fakes are spread by influential media agents to achieve political or commercial goals, legitimized by the media and perceived by target groups as reliable information. In particular, the presidential elections in France in 2022 are characterized by the presence of false news in the political media space. The election statements of presidential candidates from the "left" in the person of Emmanuel Macron and the "right" in the person of Marine Le Pen and Eric Zemmur contain media labels to gain the maximum possible support of voters and eliminate political competitors.

Fake, media, fake news, media space.

For citation: Efanova E.V. «Fake news» in modern media space: theoretical and practical aspects. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 3-10. (In Russ.)

Медиапространство отличается постоянным увеличением скорости появления и обмена информации, что порождает большие «волны» информационного шума. В связи с этим в политическом медиапространстве начинают появляться фейковые новости, призванные путём дезинформации внести либо хаос в общественное сознание, либо заставить людей думать именно в том русле, в каком хотят заказчики фейка для получения определённой выгоды. Из-за высокой скорости подачи контента и ретранслятивности журналистики, новости не всегда успевают пройти проверку на правдивость.

Современное время, заочно называемое эпохой «постправды», плотно существует на медиафейках, маркетизирует это понятие, использует стратегию избирательных фактов, подвергая при этом переосмыслению базовые демократические процессы, ослабляя доверие людей-граждан государства к его правительству и властным структурам. В парадигме постправды, когнитивный параметр «истинности» трансформируется в прагматическое определение «прибыльности» и «привлекательности». Так, например, исследователь С.В. Богданов в работе «Мерцающие» события: особенности фейковых новостей и их место в стратегических коммуникациях» [1] акцентирует внимание на том, что распространение фейковых новостей в эпоху постправды становится неотъемлемой частью коммуникационной политической стратегии, говоря о том, что сегодня в государствах с развитой структурой коммуникации, таких как ЕС или США, ложная информация носит однозначный стратегический характер, имея при этом определённо выделенного адресата: власть, политический деятель, гражданин и др. Заметим, что с тех пор, как Д. Трамп был избран президентом США в 2016 году, термин «fake news» стал широко использоваться в политическом лексиконе как в российских, так и в зарубежных академических кругах [11, 285-286]. Однако само понятие «fake news» встречается в историческом контексте. Например, в XVII веке фальшивые новости получили распространение на территории Англии, в период правления Карла II, и, наравне с этим, появились и первые законы, регламентирующие распространение ложной информации, в целях обеспечения безопасности, существующей в то время монархии. Можно сказать, что распространение заведомо ложной информации, в различной степени истинной или ложной, является явлением не новым, однако это понятие начало приобретать популяризацию в период распространения и коммерциализации первых печатных источников.

В современном академическом дискурсе представлено множество трактовок «fake news». Одна из узких трактовок определяет «fake news» как «новостную статью, которая целенаправленно и однозначно ложна, и которая может ввести читателей в заблуждение (mislead)» [17, 213]. С другой стороны, есть широкая трактовка понятия фейк в качестве информационной мистификации, то есть «намеренное распространение дезинформации в социальных сетях или традиционных СМИ <...> для получения коммерческой или политической выгоды» [4, 140].

Российский профессор Иссерс О.С. термин «мистификация», что собственно и означает слово «фейк», определяет как «намеренное введение в заблуждение и способ обманного действия» [7]. Ильченко С.Н., в книге «Фейковая журналистика», даёт определение фейковым новостям как сообщению, опубликованному в средствах массовой информации и которое содержит в себе недостоверную и непроверенную информацию на наличие реальных фактов и событий [6, 16]. Пономарёв Н.Ф., в работе «Фейковые новости в информационной войне», объясняет фейковые новости как феномен в медиапространстве. Автор даёт своё определение этого феномена, характерного для современного информационного пространства, он пишет о том, что «фейк» - «это продукт, который создан влиятельными агентами медиапространства для того чтобы добиться политических или финансовых целей» [12, 55]. Причём такие новости, исходящие от подобных медиа-агентов, воспринимаются получателями как правдивые.

Исследователи Г. Пенникук и Т. Кэннон, в статье «Предшествующее воздействие повышает предполагаемую точность поддельных новостей» [21], анализируя президентские выборы в США в 2016 году, акцентируют внимание на механизме, который по большей части способствует убеждению аудитории, на которую и оказывается воздействие, в правдоподобности представляемой ложной новости. Главным результатом проведённого специалистами исследования является тот факт, что определённый иллюзорный эффект правды, создаваемый фейковыми новостями, даже при общем пониженном уровне правдоподобности всей информации, имеет высокое значение. Исходя из этого,

можно сделать вывод о том, что несмотря на маркировку ложных источников информации, что активно практикуется в современном мире в качестве средства выявления ложной информации, платформ или самих новостей, медиафейки так или иначе создают определённый эффект правды, подкрепляемый «проверенностью» источника или новостной организации.

В свою очередь, Джек М. Балкин, в статье «Свобода слова в алгоритмическом обществе: большие данные, частичное управление и новое школьное регулирование речи» [18], утверждает о том, что специальные «агенты» распространения информации способны управлять общественным мнением посредством цифровой инфраструктуры и многонациональных, функциональных социальных сетей, составляющих основу современного медиaprостранства, которые на сегодняшний день служат основным связующим звеном между национальными государственными структурами и обычными людьми. По мнению самого учёного, так называемое «алгоритмическое общество» порождает две основные причины проблемы свободного выражения мысли, среди которых присутствует факт о том, что большие потоки информации, циркулирующие в современном пространстве, допускают новые формы манипуляции и контроля над людьми, которые однозначно выгодны крупным компаниям и которые они будут пытаться узаконить, используя принципы свободы слова. Кроме этого, автор также высказывает и мысль том, что социальные сети и интернет-платформы сегодня управляют сознанием людей также, как когда-то национальные государства.

Кроме этого, Энтони Дж. Гоган в статье «Нелиберальная демократия: ядовитая смесь фальшивых новостей, гиперполяризации и партийного управления выборами» [20] утверждает о том, что постоянно увеличивающееся количество «поддельных» новостей угрожает не только взаимоотношениям государства и гражданина и внешней политике, но и будущей избирательной системе, в частности, в США. По мнению автора, в контексте потери традиционными СМИ своего статуса, и реализации Интернетом, в свою очередь, быстрого, практически моментального, распространения дезинформации, происходит постепенная потеря доверия общественности к честности реализации избирательного права.

О.Е. Головацкая, анализируя определение «медиафейка», считает необходимым подчеркнуть аспект восприятия степени его позитивности или негативности. К медиафейкам характерно негативное отношение, особенно если эти медиафейки распространяются в социальных сетях или средствах массовой информации. К так называемой информационной мистификации обычно относятся как к шутке, что и выделяет медиафейк на фоне остальных, более безобидных видов дезинформации [4, 140].

Д. Бекер полагает, что термином «медиафейк» в современных реалиях следует маркировать исключительно злоумышленный обман [19]. К.В. Киуру утверждает, что термин «фейк-ньюс» относится к информации, которая выдается аудитории как факт, однако заведомо таковым не является, не имея за собой либо никакой фактологической базы, либо основываясь на искаженных фактах и откровенных слухах [8, 95-99]. Исследователи А.П. Суходолов и А.М. Бычкова придерживаются аналогичного мнения [14].

Также в академическом дискурсе наблюдаются попытки классифицировать фейки, чтобы выработать единые подходы к противодействию их негативного влияния.

А.П. Суходолов выделил несколько классификаций «фейковых новостей» [13, 89]:

I. Соотношение достоверной и недостоверной информации: 1. Новость от начала до конца является ложью; 2. Новость содержит фальшивую информацию на фоне в целом достоверной информации; 3. В основе новости лежит реальное событие, отдельные части которого искажены, вырваны из контекста.

II. В зависимости от достоверности обстоятельств времени и места произошедшего события: 1. Правдивая информация, имевшая место в прошлом, преподносится как «новость»; 2. «Новость» о событии, произошедшем в одном месте, преподносится как событие, произошедшее в другом.

III. Степень достоверности информации: 1. Новости, в ложности которых никто не сомневается. Такие новости демонстративно абсурдные и понять, что они придуманные не составляет никакого труда; 2. Новости, читая которые возникает сомнения о достоверности информации и вызывают желание удостовериться в информации в иных источниках. Такие новости могут быть сенсационными о том, что по вероятности может произойти и при отсутствии у человека

желания проверить информацию, человек с существенной вероятностью может в них поверить; 3. В третью группу входят новости с информацией, которая в наибольшей степени по логике может произойти и является одним из возможных развитием событий, т.е. имеющие определенное количество предпосылок. При отсутствии критического мышления у человека, он поверит в эти новости.

Публицист Р.В. Жолудь предложил классификацию фальшивых новостей в соответствии с временем их появления. Так выделяются фейки, относящиеся к актуальным новостям и событиям, и фейки, связанные с прошлыми и историческими событиями [5, 101]. Из данной классификации становятся ясно, что от фейковезации не защищена никакая информация ни о каком объекте ни в каком времени.

За последние несколько лет фейковые новости стали распространяться с ошеломляющей частотой. На наш взгляд, данный факт объясняется тремя обстоятельствами. Во-первых, это особенности эпохи постправды. Во-вторых, результативность и эффективность фейковой информации. В-третьих, количественный рост медиафейков.

В 2016 году Оксфордский словарь включил в список слов года слово «постправда», определив её как состояние общества, когда на формирование общественного мнения оказывает влияние не только и не столько факты и события, сколько интерпретации, мнения и эмоциональная оценка, которые эти факты способны вызвать. Иными словами, феномен постправды заключается в акцентировании внимания не на фактическом содержании информации, а на способе её подачи, который в основном переполнен воззваниями к чувствам человека, в стремлении вызвать у аудитории яркую эмоциональную реакцию (как положительную, так и отрицательную) [3]. Складывающаяся среда пост-правды с её условиями стала, по сути, «инкубатором» для фейков. Фейки, даже если содержащаяся в них информация не воспринимается как достоверная, способны своей ориентированной на эмоции подаче вызвать глубокий общественный резонанс, в том числе резкие политические действия и слабо продуманные решения.

Если говорить об эффективности и результативности использования фейковой информации массмедиа или же в социальных сетях, то следует понимать, что современный мир - мир рынка, а фейки притягивают внимание, а значит их монетизация гораздо успешней, чем монетизация фактов [10]. Зачастую медиа сознательно публикуют фейковую информацию, ограничиваясь лишь этикой, так как аморальность и вред государству от фейков совершенно бесспорен. Частично в этом можно обвинить саму природу человеческого внимания, которое гораздо более охотно концентрируется на так называемом кликбейте или «шок-контенте».

Если говорить о количестве медиафейков, то тут прежде всего необходимо отметить их практически полную схожесть по структуре и составу с обычными, «правдивыми» новостями, то есть фейкньюс специально маскируются под обычные новости, чтобы вызвать как можно меньше подозрений у получателей информации и увеличивать их доверие. Необходимо отметить также нацеленность фейковой информации на активизацию эмоций в индивиде и, иногда на побуждение его на конкретную деятельность. Кроме того, фейковая информация зачастую использует конструкции связи с реальностью, то есть специальным образом пытается адаптировать себя к картине мира, что также позволяет ей распространяться. Также следует отметить, что у медиафейков практически всегда есть заказчик и заинтересованное в его реализации лицо. Данные характеристики напрямую связаны с целями медиафейков в числе которых не только дезинформация, но и попытка внедрить какую-либо эмоцию или интерпретацию.

Для того, чтобы охарактеризовать механизмы применения фейковых новостей необходимо ответить на два основных вопроса: связаны ли эффекты источников фейковых новостей со снижением доверия к средствам массовой информации и к политическим институтам?

Каково доверие к СМИ? В последние годы в основных новостных агентствах наблюдается значительное снижение доверия общественности, что особенно актуально во времена кризиса и неопределенности, когда гражданам нужны более надежные источники, которые предоставляют объективную и достоверную информацию. Поддельные новости могут подорвать доверие общественности к основным средствам массовой информации, ибо последние могут не только дезинформировать своих потребителей, но и сделать их более уязвимыми в случае стихийных

бедствий. Фейковые новости также могут напрямую дискредитировать прессу, обвиняя её в предвзятости, пособничестве и некомпетентности – или косвенно, противореча ряду обвинений, выдвинутых традиционными СМИ. Кроме того, само существование дезинформации в Интернете, которая выглядит как журналистский продукт, может снизить доверие к законной информации.

Хотя мотивы и механизмы распространения медиафейков в основных СМИ отличаются от тех, которые используются на сайтах, преднамеренно распространяющих ложь, последствия могут быть во много раз сильнее. Учёт распространённости ложной информации требует широкого рассмотрения потенциальных источников. Кроме того, дезинформация в медиа - явление гораздо более широкое, чем откровенная ложь. Есть много способов привести читателя (или зрителя) к ложному заключению. Представление неполных или предвзятых данных, выборочное цитирование источников, опускание альтернативных точек зрения, приравнивание неравных аргументов, использование эмоционально окрашенной лексики и даже простое изменение заголовка может манипулировать впечатлением читателя без его ведома.

Не менее важно и доверие к политическим институтам, определяющее в итоге гражданское и электоральное поведение. Недоверчивые граждане с большей вероятностью будут участвовать в выборах или голосовать за кандидата от популистов. С другой стороны, высокий уровень цинизма и недоверия может заставить людей отказаться от участия в политике. Политически-мотивированные маргинальные группы и иностранные игроки могут распространять дезинформацию, имитируя журналистский формат специально для дестабилизации демократических институтов. Властям необходимо предпринимать шаги, чтобы распутать сложную взаимосвязь между потреблением сфабрикованного контента и легитимацией политических институтов. Характеристики самого контента также могут меняться со временем, изменяя его влияние на доверие электората.

Например, выборы во Франции 2022 года имеют свои предпосылки для широкого использования медиафейков. Между «левыми» и «правыми» силами Франции идёт достаточно жёсткая борьба: предварительные опросы показали, что население разделилось практически пополам. Главными противниками являются действующий президент Эммануэль Макрон от партии «Вперёд, Республика!» (социал-либеральная) и Марин Лё Пен от партии «Национальное объединение» (ультраправая консервативная националистическая). Стоит отметить, что во Франции растёт популярность правых настроений в целом, не только в лице Марин Лё Пен. Об этом говорит нарастающая популярность Эрика Земмура, ультраправого журналиста, который на выборах 2022 года баллотируется в президенты от партии «Отвоевание (Реконкиста)». Совсем недавно об Эрике Земмуре ничего не было слышно, а о его возможной кандидатуре в президенты никто и не думал [26]. Однако его рейтинг говорит о нарастании правых сил.

Таким образом, во Франции происходит настоящая борьба, при которой силы обеих сторон идентичны. Такая напряжённость делает необходимым использование СМИ каждым кандидатом в своих интересах, также применяя медиафейки. Примечательно, что фейков крайне много, что делает довольно сложным их выявление. Никто из кандидатов не был наказан за использование медиафейков.

Так, накануне голосований был выявлен фейк, от Эрика Земмура. Эрик Земмур является настоящим популистом среди всех кандидатов, поэтому все его высказывания и методы борьбы за власть требуют проверки. Его команда продвигала поддельные опросы по СМС и электронной почте. Эрик Земмур заявил, что у него есть уникальные опросы, судя по которым, он является лидером среди кандидатов и имеет возможность выйти с Эммануэлем Макроном во второй тур голосования. Эрик Земмур призвал общество не верить другим СМИ, которые предоставляют неверные результаты опросов. На самом деле перед первым туром голосования Эрик Земмур был на пятом месте среди кандидатов [23].

Эрик Земмур, пытаясь опорочить нынешнюю власть, также прибегал к некорректной информации. На фоне событий на Украине правительство Франции обеспокоилось вопросом безопасности страны, ввиду чего Эрик Земмур указал на слабые стороны распределения бюджета во Франции. Им было заявлено, что бюджеты армии, полиции и юстиции составляют менее 6% государственного бюджета. Такое отношение к безопасности Эрик Земмур назвал безответственным.

Однако это оказалось не так: Эрик Земмур назвал данные бюджета только армии. Совместный бюджет армии, полиции и юстиции составляет почти 11% [27].

Медиафейками пользовалась и Марин Лё Пен. Одним из важных пунктов программы Марин Лё Пен является ограничение миграции. Для обоснования важности этого вопроса она использовала различную статистику, которая впоследствии оказывалась ложной. Так, ею было упомянуто, что 93% краж в транспорте Иль-дэ-Франс - дело рук иностранцев. Иностранцами также, по словам Марин Лё Пен, совершено 63% сексуальных посягательств и 66% насильственных грабежей [25]. Однако, судя по данным правительства, Франция не располагает данными о преступлениях иностранцев, а данные, которые привела Марин Лё Пен, обобщены. Помимо этого, Марин Лё Пен упомянула, что около 60% всей работы административных судов Франции касается иностранцев. Однако, согласно последнему отчёту Государственного совета по работе административных судов за 2020 год, только 37% всех зарегистрированных административных дел касались иностранцев [29].

Указывая на несовершенства миграционной политики, Марин Лё Пен упомянула сирийских беженцев, которых активно принимает Франция. По её словам, Франция принимает исключительно мужчин-беженцев, в то время как было бы вполне естественно больше внимания уделять женщинам, детям и старикам [22]. По данным Правительства Франции, с 2011 года во Францию прибыли 21 498 беженцев. При этом соотношение среди них женщин и мужчин идентично. В 2019 году во Францию прибыло 8000 женщин и 9000 мужчин из Сирии.

Действующий президент Эммануэль Макрон не так активно вёл свою предвыборную кампанию и не участвовал в дебатах ввиду занятости из-за событий на Украине, однако в его высказываниях также были обнаружены фейки. Так, им было сказано, что бедность во Франции не увеличилась. Фактически это так: статистика по бедности оставалась на неизменной отметке 14% последние два года. Однако в период с 2019 по 2020 годы количество обращений французов в Ассоциацию по распределению продовольственной помощи увеличилось на 7,3%, а объёмы распределения продовольствия у Ассоциации - на 10% [24]. Такие данные говорят о снижении покупательной способности населения и фактическом увеличении бедности.

Помимо этого, Эммануэлем Макроном было упомянуто, что за время его президентства было увеличено количество женщин в Ассамблее с 11% до 38%. Количество женщин на самом деле увеличилось, однако настоящие цифры не столь впечатляющие: по последним данным 2017 года при Франсуа Олланде в Национальном собрании Франции доля женщин составила 27%. Слова Эммануэля Макрона о представленных 11% женщин справедливы для 2002 года [28].

Очевидно, выборы во Франции в 2022 году, как и везде в мире, сопровождаются большим количеством фейков.

Согласно исследованиям, проводимым компанией «Медиалогия», в период с 2017 по 2018 гг. количество фейков в российском медиапространстве выросло на 33%. Например, было выявлено, что в период с 25 августа по 25 ноября 2018 г. слово «фейк» было использовано более 29 тыс. раз. Основное количество сообщений приходится на сеть Интернет, а именно пользователей социальной сети «ВКонтакте» [4, 143-144].

Очевидно, увеличению количества распространяемой ложной информации способствовала пандемия коронавирусной инфекции, начавшаяся в 2019 г. Российская Генпрокуратура предоставила данные, согласно которым, в период пандемии с 2019 по 2020 гг. в СМИ было выявлено в 10 раз больше недостоверных данных [9]. Новый всплеск фейковых новостей можно проследить на фоне проведения военной спецоперации на Украине. В первую неделю после её начала было выявлено около 1.4 млн. фейков, распространяющихся в различных российских и иностранных СМИ [2]. Из этого можно сделать вывод, что именно на фоне важных общественно-политических событий, количество создаваемой и распространяемой ложной информации возрастает.

В это связи артикулируется проблема идентификация фейковых новостей в медиапространстве. Так, в 2019 г. ВЦИОМ проводил опрос жителей России на тему «Фейк ньюс»: масштаб проблемы» [15], по результатам которого, 47% респондентов отвечали, что не сталкивались с фейками в медиасфере. Из тех, кто сталкивались с фейками, чаще всего встречали их в Интернете – 31% и на телевидении – 20%. При этом 62% из тех, кто сталкивался с фейками, сразу заподозрили об их недостоверности. Эти данные могут свидетельствуют о том, что российское общество не

полностью адаптировалось к эпохе постправды. А какова доля из тех 47%, кто не сталкивался с фейками, в реальности смогла бы их идентифицировать? Согласно исследованиям АНО «Диалог» совместно с региональным общественным центром интернет-технологий [16] в 2020 г., главным источником фейков россияне считают СМИ (74%), телевидение и газеты – 64%, социальные сети – 40%. Опасность распространения фейков в соцсетях признают около 80% россиян. Соцсети сейчас начинают играть все большую роль в распространении информации, особенно фейковой. Очевидно, фейки начинают оказывать все большее влияние на массовое сознание российских граждан и сейчас одной из главных задач власти является реализация правовых мер по борьбе с распространением ложной общественно-значимой информацией.

Таким образом, вопреки устаревшему понятию слова «фейк» как безобидной шутки или же как неправдоподобной информации «невинного свойства», на сегодняшний день определение заметно исказилось. Фейк есть недостоверная или полностью ложная информация (новости, данные, сведения, «факты»), намеренно создаваемая и распространяемая в медиасфере с целью получения коммерческой или политической выгоды. Целью фейковых новостей является манипулирование общественным сознанием и создание ажиотажа вокруг какого-либо информационного повода. Фейки, с одной стороны, являются результатом развития информационных технологий и системы массовой коммуникации, а, с другой, новой угрозой национальной безопасности государства. Очевидно, что распространение «fake news» может дестабилизировать политические институты и деморализовать население. Кроме того, фейки представляют опасность в силу их быстрого распространения и влияния на обывателя, так как, как правило, они существуют в виде «сенсационной» и вызывающей бурную реакцию новости.

Недостоверные сведения в политической медиасфере оказывают влияние на общественное мнение и могут повлиять на настроения в обществе, сформировать определённое отношение к другому государству, к кандидатам во время избирательных кампаний и т.д. В частности, президентские выборы во Франции 2022 года характеризуются ожесточенной политической борьбой между «левыми» и «правыми» силами посредством медиафейков.

Литература:

1. Богданов С.В. «Мерцающие» события: особенности фейковых новостей и их место в стратегических коммуникациях // Век информации. 2017. №2. С. 231-232.
2. В ОП РФ насчитали почти 3 млн. фейков о спецоперации на Донбассе. РАПСИ. [Электронный ресурс]. - 2022. - URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20220316/307797660.html (дата обращения: 10.04.22).
3. Гарбузняк А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184-192.
4. Головацкая О.Е. Значение и происхождение термина «Fake news» // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 2. С. 139-152.
5. Жолудь Р.В. Фейковые новости в эру постправды: функциональные аспекты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия. Филология. Журналистика. 2019. №3. С. 101-104.
6. Ильченко С.Н. Фейковая журналистика. Спецкурс: учеб. пособие. - Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. 264 с.
7. Иссерс О.С. Медиафейки: междуправдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112-123.
8. Киуру К.В. Фейковый контент в медиа как объект коммуникационных исследований // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве. Сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума 15–17 мая 2019 г., г. Ялта / Под ред. Т. А. Сенюшкиной, Д. Танчица. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. 334 с.
9. Количество фейков в интернете выросло в 10 раз в период пандемии. ТАСС. [Электронный ресурс]. - 2020. - URL: <https://tass.ru/obschestvo/8673695> (дата обращения: 10.04.22).
10. Красовская Н.Р. Жизнь в эпоху постправды. Pravda.ru. [Электронный ресурс]. - 2020. - URL: https://www.pravda.ru/science/1473851-feik_seti/ (дата обращения: 10.04.2022)
11. Манойло А.В., Попадюк А.Э. Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике // Россия и современный мир. 2020. №2 (107). С. 285-300.
12. Пономарёв Н.Ф. Фейковые новости в информационной войне // Филология в XXI веке. 2019. №2 (4). С. 54-64.
13. Суходолов А.П. Феномен фейковых новостей в современном медиапространстве. [Электронный ресурс]. - 2017. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-feykovyh-novostey-v-sovremennom-mediaprostranstve/viewer> (дата обращения: 10.04.2022)
14. Суходолов А.П., Бычкова А.М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т.6. № 2. С. 143–169.
15. «Фейк-нюс»: масштаб проблемы. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. - 2019. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/fejk-nyus-masshtab-problemy-> (дата обращения 6.04.2022).

16. 74% россиян считают главным источником фейков интернет. Ведомости. [Электронный ресурс]. - 2021. - URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/12/09/899872-74-rossiyan> (дата обращения: 10.04.22).
17. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election // Journal of economic perspectives. 2017. Vol. 31. №. 2. P. 211-236.
18. Balkin Jack M. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation: UC Davis Law Review. - 2018. - URL: <https://ssrn.com/abstract=3038939> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3038939> (date of access: 10.04.2022).
19. Becker D. Desiring Fakes AI, Avatars, and the Body of Fake Information in Digital Art // Faking, Forging, Counterfeiting. Eds: D. Becker, A. Fischer, Y. Schmitz. L: Transcript Verlag, - 2018. - URL: file:///C:/Users/NAME/Downloads/Desiring_Fakes_AI_Avatars_and_the_Body_of_Fake_Inf.pdf (date of access: 10.04.2022).
20. Gaughan A.J. Illiberal Democracy: The Toxic Mix of Fake News, Hyperpolarization, and Partisan Election Administration // Journal of Constitutional Law & Public Policy. - 2017. - URL: <https://ssrn.com/abstract=2944791> (date of access: 10.04.2022).
21. Pennycook G., Cannon T., Rand D.G. Prior Exposure Increases Perceived Accuracy of Fake News // Journal of Experimental Psychology: General. - 2017. - URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2958246> (date of access: 10.04.2022).
22. A l'inverse des Ukrainiens qui fuient l'invasion russe, les réfugiés syriens sont-ils "quasi intégralement des hommes", comme l'affirme Marine Le Pen? // Franceinfo. - 2022. - 3 Mars. - URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/europe/manifestations-en-ukraine/vrai-ou-fake-a-l-inverse-des-ukrainiens-qui-fuient-l-invasion-russe-les-refugies-syriens-sont-ils-quasi-integralement-des-hommes-comme-l-affirme-marine-le-pen_4989332.html (date d'accès: 22.04.2022)
23. L'équipe d'Eric Zemmour fait la promotion de faux sondages par e-mails et SMS // Le Monde. - 2022. - 8 Avril. - URL: https://www.lemonde.fr/pixels/article/2022/04/08/election-presidentielle-2022-par-e-mail-et-sms-l-equipe-d-eric-zemmour-fait-la-promotion-de-faux-sondages_6121288_4408996.html (date d'accès: 23.04.2022)
24. La France se porte-t-elle aussi bien que l'affirme Emmanuel Macron? // Le Monde. - 2021. - 10 Novembre. - URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2021/11/10/la-france-se-porte-t-elle-aussi-bien-que-l-affirme-emmanuel-macron_6101674_4355770.html (date d'accès: 22.04.2022)
25. Présidentielle: on a vérifié huit affirmations des candidats lors de l'émission "Elysée 2022" // Franceinfo. - 2022. - 1 Avril. - URL: https://www.francetvinfo.fr/elections/presidentielle/vrai-ou-fake-election-presidentielle-on-a-verifie-huit-affirmations-des-candidats-invites-d-elysee-2022_5056084.html (date d'accès: 22.04.2022)
26. Présidentielle 2022: pour la première fois, un sondage donne Eric Zemmour qualifié au second tour // France bleu. - 2021. - 6 Octobre. - URL: <https://www.francebleu.fr/infos/politique/presidentielle-2022-pour-la-premiere-fois-un-sondage-donne-eric-zemmour-qualifie-au-second-tour-1633527912> (date d'accès: 23.04.2022)
27. Qui dit vrai? Éric Zemmour // Les Rattrapages de l'Actu. - 2022. - 28 Février. - URL: <https://rattrapages-actu.epjt.fr/factoscope2/en-france-les-budgets-de-larmee-de-la-police-et-de-la-justice-representent-additionnes-6-du-budget-de-letat> (date d'accès: 23.04.2022)
28. Trois fois plus de femmes à l'Assemblée depuis 2017? La grosse exagération d'Emmanuel Macron // AFP Factuel. - 2022. - 7 Mars. - URL: <https://factuel.afp.com/doc.afp.com.324P8QE> (date d'accès: 22.04.2022)
29. «60 % du travail des magistrats administratifs concerne les étrangers» // Les Rattrapages de l'Actu. - 2022. - 6 Février. - URL: <https://rattrapages-actu.epjt.fr/factoscope2/60-du-travail-des-magistrats-administratifs-concerne-les-etrangers-2> (date d'accès: 22.04.2022)

ОБ АВТОРЕ:**К.В. Лапшинова,**

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

А.А. Подольская

приглашенный преподаватель кафедры общей социологии НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:**K.V. Lapshinova,**

PhD {Sociology}, associate professor of the Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

A.A. Podolskaya

Visiting Lecturer of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences of the Higher School of Economics, Moscow, Russia

УДК 316**ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА**

Лапшинова К.В., Подольская А.А.

В фокусе данного исследования были вопросы ведения информационной войны против России в настоящее время, ее цели, направления, агенты.

Результаты исследования базировались на данных анкетного опроса, проведенного в октябре 2022 года в Московском регионе. Выборка составила 198 информантов в возрасте от 18 до 30 лет.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что большинство респондентов солидарны с мнением о ведении информационной войны против РФ, тем не менее, более половины опрошенных уверены, что их лично эта проблема не коснулась. Среди основных причин ведения информационной войны называются: ослабление России, для беспрепятственного вывоза ресурсов, ослабление ее позиций в геополитике. Среди основных агентов информационного противоборства участники опроса отметили: СМИ, известных интернет-блогеров, тематические группы в соцсетях, националистические движения.

Одной из главных проблем информационной войны является то, что намеренно создается негативный информационный фон по отношению как к стране в целом, так и к отдельно происходящим в ней событиям, в то время как ее достижения намеренно не замечаются.

Поэтому необходима более детальная работа с молодежью в сфере информационной культуры и информационной безопасности.

Информационная война, цели информационной войны, агенты, направления информационной войны, мягкая сила, молодежь.

Для цитирования: Лапшинова К.В., Подольская А.А. Феномен информационной войны в оценках молодежи Московского региона // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 11-16.

THE PHENOMENON OF THE INFORMATION WAR IN THE ASSESSMENTS OF THE YOUTH OF THE MOSCOW REGION

Lapshinova K.V., Podolskaya A.A.

The focus of this study was the issues of conducting an information war against Russia at the present time, its goals, directions, agents.

The results of the study were based on data from a questionnaire survey conducted in October 2022 in the Moscow region. The sample consisted of 198 informants aged 18 to 30 years.

The data obtained allow us to conclude that the majority of respondents are in solidarity with the opinion on the conduct of an information war against the Russian Federation, however, more than half of the respondents are sure that this problem has not affected them personally. Among the main reasons for conducting an information war are: the weakening of Russia, for the unhindered export of resources, the weakening of its position in geopolitics. Among the main agents of the information confrontation, the survey participants noted: the media, well-known Internet bloggers, thematic groups in social networks, and nationalist movements. One of the main problems of the information war is that a negative information

background is deliberately created in relation to both the country as a whole and the events taking place in it separately, while its achievements are deliberately not noticed. Therefore, more detailed work is needed with young people in the field of information culture and information security.

Information war, goals of information war, agents, directions of information war, soft power, youth.

For citation: Lapshinova K.V., Podolskaya A.A. The phenomenon of the information war in the assessments of the youth of the Moscow region. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 11-16. (In Russ.)

Информационная война на сегодняшний день является одной из важнейших и серьезных проблем для российского общества. Так, по данным ВЦИОМ, 90% россиян считают, что в настоящее время ведется информационная война против России. [1]

Несмотря на актуальность данного феномена, в российских официальных правовых документах термин «информационная война» отсутствует. Его нет, например, в Доктрине информационной безопасности РФ, хотя слова «информационная угроза», «информационно-психологическое воздействие» и «средства информационного противоборства» присутствуют. [3]

В данном документе говорится о расширении масштабов «использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. В эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий». [3]

Помимо этого отмечается, что «наращивается информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [3]

Можно сделать вывод, что несмотря на то, что термина «информационная война» в Доктрине нет, тем не менее, его содержание описано вполне подробно.

Авторы уже обращались в своей работе ранее к вопросам информационной безопасности и, в частности, к проблеме информационной войны. [2] Но в настоящее время, в связи с проведением СВО, наблюдается эскалация санкционного давления на нашу страну, которое касается не только экономической и политической сферы, но и информационного поля.

Одной из основных целей нашего исследования было проанализировать: как воспринимают феномен информационной войны в молодежной среде, понимают ли каковы ее основные инструменты, цели, агенты.

Опрос в форме анкетирования проводился в октябре 2022 года. Выборка составила 198 информантов в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих в Московском регионе. Гендерный состав: 52,5% женщин и 47,5% мужчин.

Один из первых вопросов, который задавался респондентам, был о ведении информационной войны против России. Около половины участников опроса уверены, что она ведется всегда (45,5%). Около 40% связывают наличие информационной войны с экономической и политической нестабильностью последних лет (37,9%). Только 5,1% респондентов уверены, нет никакого информационного противоборства и о нем говорит исключительно российская пропаганда с целью сформировать образ врага в лице других стран. Есть и те, кто уверен, что информационной войны нет, и более того, что для нее нет никаких причин (1%). Каждый десятый (10%) затруднился с ответом на данный вопрос. (См. рис. 1)

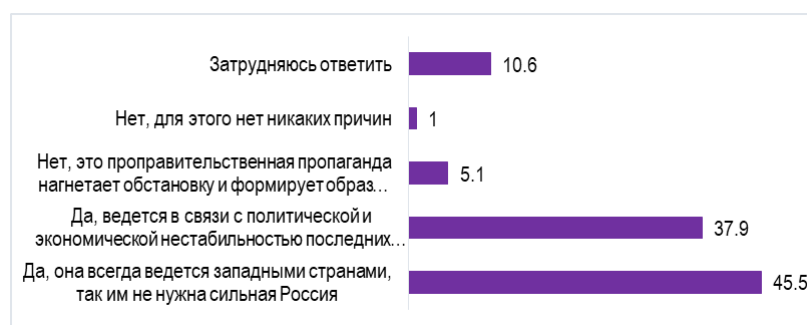

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос: «Ведется ли в настоящее время против России информационная война?» (%)

Если информационная война ведется, то она должна преследовать определенные цели. Так, более половины опрошенных, считают, что главная цель – ослабление России, для избавления от геополитического конкурента (51,8%). Подчинение РФ другим странам называют 56%. О легкодоступности природных ресурсов для других стран и смену политических лидеров говорят 49,7% опрошенных. Изменение господствующей идеологии называют в качестве цели 30,4% респондентов. Примечательно, смену политического режима как цель информационной войны указывают только 28,3% молодежи. (См. рис. 2)

Рисунок 2. Цели ведения информационной войны против России (%)

Следующий вопрос касался направления «ударов» информационной войны.

Около половины респондентов уверены, что информационная война, в первую очередь, направлена на подрыв авторитета государственных органов власти (49,5%). На втором месте – подмена, фальсификация и переписывание исторических фактов и формирование негативного образа страны 47,4%. Снижение уровня патриотизма граждан отмечают 46,4% респондентов. О провоцирование социально-экономических конфликтов говорят 39,2% опрошенных молодых людей. Меньше всего, по мнению участников опроса, при ведении информационной войны упор делается на развращение населения (18,6%) и снижение уровня жизни населения (17,5%). Более подробная информация представлена на рис. 3.

Рисунок 3. Направление информационной войны (%)

По мнению молодежи, в качестве агентов и субъектов информационной войны, в первую очередь, выступают СМИ (67,7%), известные интернет-блогеры (41%), тематические группы в социальных сетях (37,4%), националистические движения (32,3%) и различные некоммерческие организации (31,3%). Менее всего на фронтах информационной войны задействованы рейтинговые агентства (7,2%), благотворительные фонды (5,1%), религиозные движения (5,1%). Более подробная информация представлена на рис. 4.

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопрос: «С помощью каких агентов в первую очередь ведется информационная война против России?» (%)

Около трети респондентов, отметили, что информационная война затронула их лично 33,3% (сумма ответов «да» и «скорее да»). Более половины информантов (54,5%) придерживаются противоположной позиции (сумма ответов «нет» и «скорее нет»). (См. рис. 5)

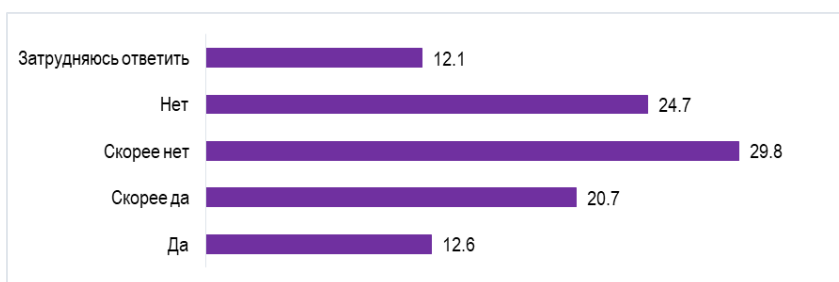

Рисунок 5. Ответы респондентов на вопрос: «Затрагивает ли каким-либо образом информационная война лично Вас?» (%)

Интересно отметить, что более половины информантов (52%) уверены в существовании заговора против России со стороны различных сил (этнических, религиозных, экономических и др.). (См. рис. 6)

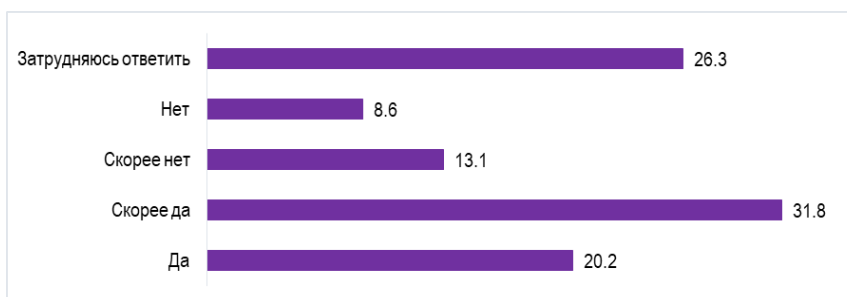

Рисунок 6. Ответы респондентов на вопрос: «Существует ли в настоящее время заговор каких-либо сил (этнических, религиозных, экономических и др.) против России?» (%)

Один из вопросов исследования был посвящен понятиям «Окно Овертона», «Мягкая сила», «Пятая колонна», которые обычно присутствуют в социальном дискурсе, связанном с темой нашего исследования. Было интересно узнать, знают ли и понимают ли молодые люди значения данных выражений. Результаты показали, что примерно 20% опрошенных могут дать точное определение данных понятий (17,2%, 18,2%, и 21,7% соответственно). Половина респондентов с этими словосочетаниями не знакома. Наибольшие затруднения вызвал термин «Окно Овертона». (См. рис. 7)

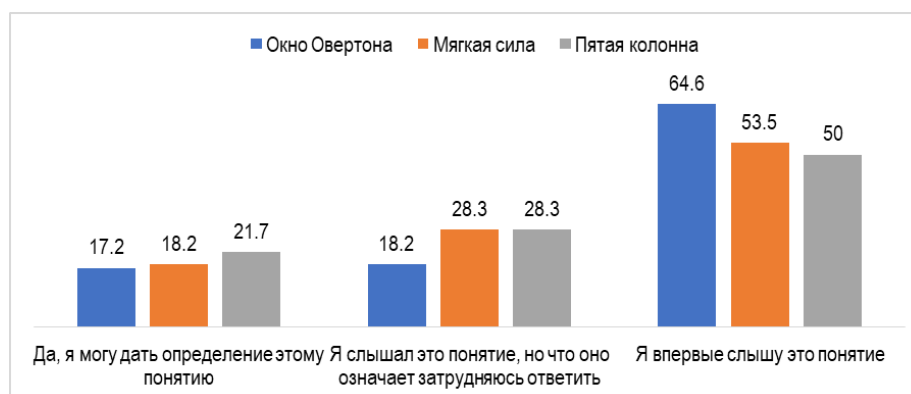

Рисунок 7. Степень знакомства респондентов с понятиями «Окно Овертона», «Мягкая сила», «Пятая колонна» (%)

Более половины участников исследования (52%) сталкивались с информационными атаками в течение последних нескольких лет (сумма ответов «да» и «скорее да»). Более трети респондентов (35,4%) не сталкивались (сумма ответов «нет» и «скорее нет»). Затруднились с ответом 12,6% участников исследования. (См. рис. 8)

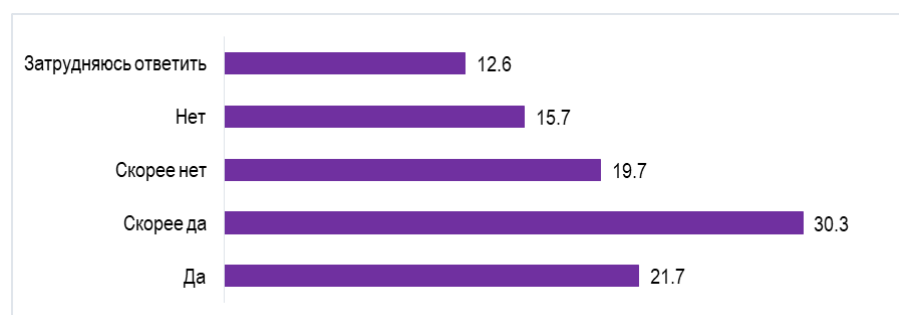

Рисунок 8. Ответы респондентов на вопрос: «Сталкивались ли Вы с актами информационной войны в течение последних нескольких лет?» (%)

Далее респондентам был предложен открытый вопрос, где их просили привести примеры ситуаций информационной войны, с которыми они сталкивались в течение последних нескольких лет. Были получены различные ответы, большая часть из них касалась антироссийской пропаганды в СМИ и социальных сетях. Участники опроса особенно обращали внимание на рост негативных материалов о нашей стране после начала СВО. Приведем некоторые цитаты: «С первых дней СВО в телеграмме стали появляться десятки групп, где публиковались "достоверные" (а на деле лживые, что становится понятно даже при поверхностном разборе и поиске источников в интернете) свидетельства преступлений и нарушений со стороны РФ»; «Дезинформация иностранного населения по поводу проводимых Россией политических действий».

Полученные нами данные, согласуются с выводами ВЦИОМ, полученными в апреле 2022 года. Более половины россиян сообщили, что видели материалы, демонстрирующие действия России на Украине в негативном ключе (61%), 41% считают их скорее лживыми. Не видели таких материалов и не отвечали на вопрос об их правдивости 39%. [1]

Рисунок 9. Данные ВЦИОМ о наличии негативных материалах о России и доверии / недоверии этим материалам (%)

Ряд примеров информационной войны, приводимых нашими респондентами, касался переписывания и искажения истории: «США переписывает историю ВОВ, якобы они победили в этой войне». Один из молодых людей привел пример дезинформации, связанной с социально-экономической сферой: «Открытие моста между Китаем и Россией, где СМИ сначала подхватило линию о том что Россия "опоздала со сроками и распилала бюджет", а потом и о том что проезд будет стоить больших денег, первое оказалось фейком – наша часть моста была достроена по договору, второй факт переврали – проезд сейчас доступен крупногабаритному транспорту, перевозящему товары и принадлежащему частному бизнесу, от этого и выходит сумма проезда. Но государство в очередной раз оклеветано».

Таким образом, можно констатировать, что больше всего с актами информационной войны молодежь сталкивается в сети Интернет. Наиболее часто это проявляется в форме фейковых новостей о политике России в социальных сетях и негативного отношения ряда блогеров к действиям власти РФ. Было отмечено, что акты информационной войны резко возросли после 24 февраля.

В целом по результатам исследования можно сделать следующие выводы: большинство респондентов солидарны с мнением о ведении информационной войны против РФ в настоящее время. Тем не менее, более половины опрошенных уверены, что их лично эта проблема не коснулась. Среди основных причин ведения информационной войны называют: ослабление России, для беспрепятственного вывоза ресурсов, ослабление ее позиций в геополитике.

Среди основных агентов информационного противоборства участники опроса назвали: СМИ, известных интернет-блогеров, тематические группы в соцсетях, националистические движения и НКО.

Одной из главных проблем информационной войны является то, что намеренно создается негативный информационный фон по отношению как к стране в целом, так и к отдельно происходящим в ней событиям, в то время как ее достижения намеренно не замечаются.

Исследование показало, что в современном мире методы информационной войны довольно разнообразны и поэтому представляют особую опасность. Поэтому необходима более детальная работа с молодежью в сфере информационной культуры и информационной безопасности.

Литература:

1. Информационная война вокруг специальной военной операции. Аналитический обзор. // ВЦИОМ. 08 апреля 2022. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 15.10.2022)
2. Лапшинова К.В., Подольская А.А. Проблемы информационной безопасности России в контексте отношения молодежи к информационной войне // Социально-гуманитарные технологии. – 2020. – № 2(14). – С. 44-53
3. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // ГАРАНТ.РУ. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (дата обращения: 14.10.2022)

ОБ АВТОРЕ:

А.Э. Ларионов,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

А.В. Новичков,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

A.E. Larionov,
PhD {History}, Associate Professor, Associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

A.V. Novichkov,
PhD {History}, Associate Professor, Associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316**ВОРОНКА СОЦИАЛЬНОГО РЕГРЕССА И МОДУСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ**

Ларионов А.Э., Новичков А.В.

Настоящая статья продолжает тему анализа феномена социального регресса. Авторами сформулировано новое понятие «воронка социального регресса» и разъяснён его смысл. Теоретические выкладки сопровождаются эмпирическими примерами. Проблема социального регресса рассмотрена как неотъемлемая часть социальной динамики, как универсалия исторического развития обществ, а потому подлежащая легитимации в пространстве теоретической социологии. Социальный регресс в рамках авторской концепции неразрывно связан с переживаемым модусами исторического времени в общественном сознании. Соответственно, для преодоления деструктивных тенденций социальной деградации необходимо изменения качества темпоральной идентичности российского общества.

Социальный регресс, историческое время, общественное сознание.

Для цитирования: Ларионов А.Э., Новичков А.В. Воронка социального регресса и модусы исторического времени // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 17-24.

THE FUNNEL OF SOCIAL REGRESSION AND THE MODES OF HISTORICAL TIME

Larionov A.E., Novichkov A.V.

This article continues the topic of analyzing the phenomenon of social regression. The authors formulated a new concept of "funnel of social regression" and explained its meaning. Theoretical calculations are accompanied by empirical examples. The problem of social regression is considered as an integral part of social dynamics, as a universal of the historical development of societies, and therefore subject to legitimization in the space of theoretical sociology. Social regression within the framework of the author's concept is inextricably linked with the modes of historical time experienced in the public consciousness. Accordingly, in order to overcome the destructive tendencies of social degradation, it is necessary to change the quality of the temporal identity of Russian society.

Social regression, historical time, public consciousness.

For citation: Larionov A.E., Novichkov A.V. The funnel of social regression and the modes of historical time. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 17-24. (In Russ.)

Динамизм и нелинейность являются важнейшими сущностными характеристиками общества и как системы. Если динамизм проявляется в смене фазовых состояний социума, то нелинейность

означает исторически подтверждённую возможность зигзагообразных и возвратных этапов в развитии общества. Когда ранее достигнутые уровни и прорывы по тем или иным причинам утрачиваются, общество испытывает системную деградацию, скатываясь к предшествующим состояниям или в процесс распада. Иными словами, исторический опыт развития социальных систем в диахронии и синхронии не подтверждает прогрессистского априоризма, фактами доказывая равновеликие возможности как социального прогресса, так и регресса. Причём, если для поступательного развития «вперёд и вверх» необходимы постоянные осознанные усилия как социальной элиты (в первую очередь), так и общественного большинства, то для регресса общества бывает достаточно просто не прикладывать усилий для поддержания достигнутых уровней развития. Как правило стагнация/застой оказывается началом падения. Остановить которое бывает гораздо труднее, нежели запустить его. Концепт о социальном регрессе нами уже освещался ранее в двух публикациях [6; 7]. Для поддержания преемственности напомним, что под социальным регрессом мы подразумеваем **системную деградацию социума как принцип социального бытия в потоке исторического времени** [6, с. 22]. Важнейшим показателем такой деградации является утрата элитой и большинством способности к коллективному напряжению и взаимной поддержке, поддержанию порядка, противостоянию энтропийным импульсам и хаотизирующим тенденциям. В истории социальной мысли данная способность получила наименование «асабии». Данный термин введён в XIV столетии арабским/персидским мыслителем Ибн Халдуном и не утратил своей актуальности до настоящего времени. Фактически, асабия означает степень готовности отдельных членов общества и социума в целом к коллективному напряжению и самопожертвованию [10]. Асабия – суть переменный, колеблющийся показатель. В категориях социально-исторической методологии Карла Гемпеля его можно определить как экспланант – то есть объясняющую переменную, при помощи которой мы можем объяснить объясняемое явление – экспланандум [2]. Иными словами, изменение уровня асабии в обществе способно показать нам степень погружения социальной системы в состояние регресса.

Как прогрессивные, так и регрессивные тенденции развития общества разворачиваются в историческом времени, тогда как само историческое время есть категория не столько физическая, сколько социопсихологическая [3]. Потому разумно утверждать следующее: модальности коллективного и индивидуального переживания времени в рамках социальной системы чётко соотношены с тенденциями социального прогресса или регресса. Или, иначе говоря, то, как индивидуумы и социум в целом переживают время, есть отображение фазового состояния социальной системы. Модальность исторического времени, в которой социальная система пребывает, с одной стороны, обусловлена состоянием общества («восходящее развитие-стагнация-регресс»), но с другой стороны, сама может оказывать на него влияние. О взаимосвязанных с фазами социального развития модальностях исторического времени будет сказано чуть ниже. Пока же ограничимся констатацией самого факта данной взаимосвязи.

Констатируя взаимосвязь фазовых состояний общества во времени и модальностей переживания самого времени в истории, вкратце коснёмся вопроса о тех конкретных проявлениях социального регресса, которые проявляются на разных этажах и в различных сферах общества. Коль скоро социальный регресс есть явление универсальное по своему охвату. Если общество оказывается поражено тенденциями распада и деградации, то они в разных формах и степенях затрагивают все стороны его жизни. Что, опять-таки, вполне закономерно, если учитывать принцип системы, где все элементы структуры взаимосвязаны. Сами связи между элементами служат каналами передачи разрушительных импульсов.

Как отмечалось при разьяснении понятия «асабии», критерием качественного состояния общества является способность его членов и структур/институтов к солидарным действиям, к напряжению во имя общей цели, когда популяция и её выживание рассматриваются априори в качестве более важных ценностей, нежели комфорт и жизнь отдельных её представителей. Способность и готовность людей «живот положить за други своя» может служить основанием для оценки состояния социальной системы. Если же вместо солидарности, взаимопомощи и жертвенности мы наблюдаем разобщение, своекорыстие и эгоизм вкупе с враждой, то тенденция регресса, деградации общества налицо. Особенно если данные проявления социальной энтропии не

подавляются ни в обществе, ни посредством формальных норм. В этом отношении пассивность социума и его институтов к регрессивным явлениям, «толерантность к социальным болезням» есть не меньший признак социальной деградации, нежели сами эти явления как таковые. Третьим взаимосвязанным проявлением нарастающего социального хаоса выступает агрессия индивидуумов (членов данного социума) в ответ на попытки указать им на ненормальность и пагубность эгоистического поведения либо пассивности при столкновении с фактами социального регресса. То есть, если люди отказываются учитывать интересы ближнего в своих действиях, враждебно воспринимают малейшие намёки на патологию их собственного поведения, принципиально не желают реагировать на явные деструктивные явления – всё это служит красноречивым доказательством преобладания энтропийных, разрушительных тенденций в развитии общества на фиксированном отрезке истории.

Будем откровенны: момент начала скатывания социальной системы в деградацию достаточно трудно уловим. Кажется, совсем недавно в обществе и государстве всё было вполне хорошо. Лишь отдельные досадные случаи нарушали общую благостную картину. Но проходит совсем немного времени – и люди с изумлением обнаруживают себя посреди стремительно разваливающегося социума с девальвированными ценностями и нормами. Таким образом, перед социально-гуманитарным знанием стоит важнейшая задача стратегической значимости: научиться выявлять первичные симптомы социального регресса, выработать адекватные средства анализа и прогноза. Чтобы общество, государство могло хотя бы попытаться своевременно их купировать на стадии зарождения, до того момента, когда они приобретут силу горного потока. Однако, пока что приходится констатировать отсутствие не просто соответствующей методологии и инструментария, но даже постановки проблемы такого рода интегрированных социолого-политолого-историко-культурологических исследований с указанной выше целью. По большей части учёные указанных специальностей ограничиваются либо констатацией уже очевидных и развернувшихся во всю мощь тенденций, либо описанием прошлых состояний социума. Про грантовую и провластную сервильность социо-гуманитарного знания здесь мы говорить не будем.

Тем не менее, отдельные симптомы, пусть и апостериори, указать здесь возможно. Применительно к отечественной социальной истории моментом зримого проявления хаотизирующих тенденций стал резкий рост числа разводов с одновременным падением рождаемости. Иными словами, кризис института семьи, сопровождавшийся разрушением традиционных ролей и образов отца и матери, представлений о месте детей в семье. Обратимся к брачной статистике советского и постсоветского времени. Как известно, в 1965 году было существенно либерализовано брачное законодательство. Процедура развода оказалась существенно облегчена по сравнению с предшествующими периодами. Если говорить о символическом значении новых правил расторжения брака, то оно сводилось к тому, что государство фактически снимало с себя роль прямого охранителя института семьи в СССР, ограничиваясь ролью наблюдателя и увещателя, но уже без подкрепления комплексом ограничительных мер и санкций. Что не замедлило отразиться на числе распавшихся семейных союзов: если в 1964 году общее число разводов по СССР составило 223 тысячи, то в 1967 году – 412,5 тысяч [1]. В дальнейшем складывается устойчивая тенденция к росту разводов, которая с незначительными колебаниями сохраняется почти полвека и к настоящему моменту превышает 600 разводов на 1000 браков. В 1970 года это соотношение составляло 319 на 1000! Как видим, «прогресс» налицо! В 2021 году в России было заключено 923553 браков и совершено 644207 разводов [4]. Фактически, с течением времени из 3-х заключённых брака 2 завершаются разводом. Эти общеизвестные социологические и демографические факты обладают важным символическим значением в рамках проблематики социального регресса. Кроме указанного выше символического значения либерализации семейного права можно фиксировать и социально-историческую символику кризиса института семьи: дело даже не столько в том, что ценность института брака и семьи в российском обществе заметно падает. Но сам эгоизм явственно перевешивает альтруизм – люди не желают жертвовать своими желаниями и сдерживать свои страсти в браке ради другого человека, предпочитая путь наименьшего сопротивления – легче развестись! Но и это не всё: распады семей сопровождались и кризисом рождаемости, особенно в государствообразующем русском народе. Многодетная семья становится анахронизмом, нормой

стала 1-2-детная семья. Причём семья часто неполная. Дети, растущие без отца (чаще всего, хотя было и есть немало случаев, когда из семьи уходит мать и дети остаются с отцом) стали приметой времени. Тем самым формируется и закрепляется деструктивная матрица семейного поведения: люди не заботятся о продлении себя в будущем, в детях. На уровне популяции: общество более не желает воспроизводить себя в будущем, предпочитая сиюминутные удовольствия и страсти здесь и сейчас. Социум утрачивает чувство будущего и истории. Что означает радикальное изменение чувства исторического времени в обществе.

Эти деструктивные перемены нарастали постепенно и не всегда были заметны в обществе и в кругах власти. Более того, по-настоящему их не пытались решить. Ценность будущего в советском/российском обществе к настоящему моменту в значительной степени утрачена. Демографическая проблематика показывает нарастание регрессивных тенденций на уровне общества, бессознательного поведения каждого конкретного члена социума, его мироощущения и представлений о собственном месте в историческом времени. Государственная власть, какими бы статусными барьерами она ни была отделена от основной массы социума, объективно является его неотъемлемой частью. Следовательно, представители власти в своём громадно большинстве, неизбежно выражают в концентрированном виде господствующие общественные настроения и ожидания. Потому в действиях государственной власти можно уловить примерно те же тенденции коллективной ментальности, которые присутствуют на массовом уровне. В качестве примера можно привести сферу народного образования.

В послевоенные годы советское/российское образование начинает постепенно претерпевать незаметные, но существенные изменения. За несколько десятилетий были радикально трансформированы содержание и смысл всего института образования в нашей стране. Основными тенденциями длительных трансформационных процессов становятся постепенно снижение учебной нагрузки на школьников и студентов; устранение логики из программ школьного образования; уменьшение роли производительного труда в системе воспитания учащихся, особенно в школах-интернатах и детских домах (что постепенно превращает воспитанников в иждивенцев общества); гипертрофированная забота о детской и молодёжной безопасности, что ведёт к множественным ограничениям и запретам в области общественно-полезного труда, военно-спортивной подготовки и пр.; нарастающий диспаритет между правами и обязанностями учащихся в пользу первых – с одной стороны; явный перекося в сторону обязанностей и презумпции виновности педагогов при минимизации их прав – с другой стороны.

Если интерпретировать всю совокупность изменений в категориях символической интеракции, то получим следующую картину: проводимые в течение многих лет реформы санкционировали снижение социальной ответственности, эгалитаризма и коллективизма для учащихся детей и молодёжи, формирование социального эгоизма и иждивенчества, привычки ставить сиюминутное удовольствие и комфорт выше долгосрочных стратегических интересов социума и страны. При фактической парализации прав и возможностей купирования эгоистических настроений и поведения со стороны педагогов. Дисциплина мышления, коллективизм и ответственность, несение социальных обязанностей стали рудиментом и воспринимались как недопустимый диктат над личностью, чьи эгоистические интересы чем дальше, чем больше начинали доминировать в учебно-воспитательном процессе. Хотя, повторим сказанное ранее, эти регрессивные изменения длительное время были незаметными, нивелировались ранее набранной инерцией социального развития, корпусом старых педагогов, идеологией и поколениями родителей, которые усвоили иные матрицы ценностей и социального поведения. Однако, процесс был запущен, с тем, чтобы приобрести силу снежной лавины в начале XXI столетия. Общий итог вполне коррелирует со сменой демографической матрицы: отказ от участия в Большом Историческом времени в пользу сиюминутного удовлетворения собственных эгоистических потребностей при минимизации затрат и нагрузки обязанностей перед обществом и государством. В этом смысле печально знаменитая фраза Андрея Фурсенко, сказанная в 2007 году, в бытность его федеральным министром образования, о необходимости заменить «человека-творца» квалифицированным потребителем [5] – не более чем фиксация уже оформленного доминирующего социально-педагогического процесса, его легитимация в пространстве публичной властной коммуникации. Хотя, добавим от себя, это не снимает

ответственности за поощрение деструктивных социальных тенденций с человека, занимающего один из ключевых государственных постов с точки зрения формирования облика будущего для российского общества и государства.

Аналогичные примеру хаотизирующих и регрессивных процессов можно отыскать в области здравоохранения, науки, оборонной сферы, нравственности, культуры и т.п. Эти процессы могут принимать различные обличья, вплоть до абсурдных и пагубных волн «оптимизаций», когда во главу угла ставятся цифры бюджетной экономии, которыми обосновываются необходимости секвестирования важнейших социальных структур безо всякой связи с их реальной социальной функцией и не взирая на катастрофические последствия, которые часто не замедляют с наступлением.

Утверждая универсальный, всеохватный характер социального регресса, сделаем следующий логичный шаг – констатируем его превращение в доминирующий тренд развития общества на определённом историческом этапе. С этого момента эгоистическое и откровенно деструктивное поведения постепенно превращается в эталон, тогда как иные поведенческие модели, построенные на альтруизме и повышенной социальной ответственности из эталонных и поощряемых могут превратиться в наказуемые и осуждаемые, будучи отторгаемы самой социальной системой. Ибо мешают наслаждаться жизнью. Процессы распада наиболее хорошо заметны на верхних этажах социальной пирамиды, среди политиков, представителей крупного бизнеса, т.н. «культурной богемы». Но это не значит, что ими не затронута основная масса общества.

Попутно отметим, что каждый последующий этап социального регресса происходит быстрее предыдущего и затрагивает всё более широкие сферы общества. Отсюда родилась первая часть названия данной статьи – происходит своеобразная «раскрутка воронки социального регресса». Подобно воронке торнадо, только тяготеющей вниз, воронка социального регресса затягивает в свою орбиту любые социальные объекты и структуры, перекручивает и разрушает их. Мало того, разрушительная энергия социального регресса словно бы подпитывается за счёт разрушаемых этим inferнальным смерчем объектов. Многие акторы на ключевых позициях в обществе охотнее и быстрее принимают и реализуют катастрофические решения и противятся каким бы то ни было созидательным действиям, успешно их купируя. Характерный пример разворачивается на наших глазах с проблемой перехода от «Болонской» к национально ориентированной системе образования. Сами решения о деструктивном реформировании российского образования принимались в волюнтаристском стиле и авральном режиме, без сколько-нибудь широкого обсуждения с «жертвами» будущего реформирования, а порой с прямым запретом на вопросы о целесообразности «инноваций» под угрозой закрытия ВУЗа или смещения ректора. Как теперь выясняется, не существовало даже исходного нормативного акта об официальном присоединении России к пресловутому «Болонскому процессу», кроме деклараций о намерениях и устных соглашений министра образования Филиппова с коллегами из европейских стран. То есть высшие должностные лица принципиально не брали на себя ответственности за тектонические сдвиги в образовании с непредсказуемыми последствиями, хотя и являлись их горячими лоббистами. И вот теперь, в условиях резко изменившейся внешнеполитической конъюнктуры, фактической и неприкрытой враждебности Европы в отношении России, встаёт вопрос о перестройке российской системы образования в соответствии с национальными интересами страны, стратегических ориентиров её самостоятельного и самодостаточного развития. Фактически, речь идёт о *восстановлении образовательного суверенитета нашей страны в области образования*. И вдруг против этого давно назревшего, необходимого и очевидного решения выдвигаются доводы о необходимости постепенности, подготовки соответствующей нормативно-правовой базы, недопустимости резких переходов и т.п. Разумеется, даже не ставится вопроса об ответственности в любой форме тех лиц (все они известны поимённо и пребывают в добром здравии – последовательно сменявшие друг друга министры образования, руководство Рособрнадзора, академики РАО, вещавшие о «солдатах Урфина Джюса» в российском образовании), кто под видом «реформ и инноваций», «вхождения в Болонский процесс» фактически разрушали отечественное образование. Они по-прежнему занимают многие ключевые посты и только слегка поменяли риторику. Таким образом, иммунные возможности социального организма явным образом парализованы, они неспособны блокировать вредоносное воздействие

акторов социального регресса. Следовательно, регрессивные, разрушительные для общества процессы под влиянием конъюнктуры момента и патриотической риторики будут в лучшем случае заторможены, но не остановлены, чтобы в дальнейшем взять реванш за временное тактическое отступление. Таким образом, «воронка социального регресса» продолжает раскручиваться, разрушая все структуры общества, попадающие в область её притяжения. И всё отмеченное происходит на фоне и под существенным влиянием такого феномена, как фазовое состояние чувства/переживания исторического времени в обществе.

Если обратиться к истории, то можно увидеть, как в разные исторические эпохи общество по-разному ощущало, осмысляло и переживало себя в историческом времени, строя свою идентичность в истории. Не вдаваясь в подробности конкретных примеров, априорно обобщим наше видение данного явления коллективной ментальности. Двумя полюсами темпорального сознания социума являются категории «Безвременья» и собственно «Исторического времени», между которыми находится промежуточное состояние, или своеобразная развилка «Межвременья». Каждой из указанных категорий соответствуют специфические состояния исторической рефлексии, которые мы вкратце охарактеризуем. И начнём именно со средней.

1) **Межвременье:** точка непредрежённости. Это своего рода развилка истории народа, с которой он может свернуть как на дорогу «Большой истории», с обязательным обретением полноценного чувства «Исторического времени» и ответственности за него (коллективной и персональной), за будущее в соотнесённости с прошлым. Общество словно находится в ожидании чего-то, неких перемен, национального вождя, который кристаллизует в своей личности ответственность за историю. Может происходить сублимация чувства истории в обществе и подспудно принимается решение о дальнейшем движении в историческом времени. Хотя, будем откровенны, это промежуточное состояние может не закончиться столь желанным прорывом в Историю, в историческое время. По тем или иным объективным и субъективным предпосылкам не прорыв, а срыв к Безвременью вполне вероятен. Именно такой упущенной развилкой стал краткий период 1985-1993 гг. для народов и республик бывшего СССР, в том числе и для России. Прежний вектор участия в Большой Истории по ряду причин утратил свою актуальность для социальной элиты и, с её подачи (но с пассивного или активного сочувствия) для общественного большинства. Соответственно, общество пребывало в томительном ожидании новой повестки и новой «клидицеи», то есть оправдания своего участия в Истории. Но вместо этого произошло скатывание к роли периферийного общества потребления и культа денег, насаждаемых элитой без серьёзного сопротивления общественного большинства и тех социальных институтов, которые могли бы взять на себя задачу формирования идеологии возвращения страны в Большую Историю. Таким образом, произошло скатывание российского (и других постсоветских обществ) в фазу «Безвременья»;

2) **Безвременье:** оно может быть определено апофатически, как отсутствие у социума ясной и разделяемой большинством исторической перспективы. Большинство членов общества как бы выпадают из истории, утратив внятное понимание смыслов и ценностей высшего порядка, не имея метафизических, транс-темпоральных целей собственного бытия, ради которых стоит жить, страдать, жертвовать и строить жизнь вопреки привходящим сиюминутным страстям и желаниям, невзгодам и утратам. При этом личное и общественное сознание осуечивается, погрязая в меркантильно-утилитарно-гедонистической повседневной возне и грызне за место под солнцем и большой кусок жизненных благ и комфорта. Перспектива бытия сжимается в точку «здесь-и-сейчас». Вместо того, чтобы ЖИТЬ во имя будущего, люди начинают ВЫЖИВАТЬ ради настоящего. Время становится чисто биологическим понятием, скатываясь к природному циклизму. Будущее становится людям НЕ НУЖНО. Эта инверсия чувства исторического времени может быть обозначена как темпоральная деградация. Наряду и во взаимосвязи с которой и происходит пугающая раскрутка воронки социального регресса. Возвращение из «Безвременья» в «Историческое время», в хронотоп «Большой истории» возможно через новое прохождение обществом точки «Межвременья», своеобразного возвращения на развилку. Но для этого необходимо совпадение нескольких условий в темпоральном сознании социума: 1. Осознание ненормальности такого без-временного, т.е. не-исторического состояния, отсутствия перспективы. Причём осознание это должно быть не индивидуальным, а именно коллективным, на уровне всей социальной системы; 2. Наряду с

осознание патологии своего темпорального состояния должно быть и острое желание изменить существующее болезненное и гибельное состояние, выйти из бесконечного тупика в пространство Большой Истории; 3. Что неразрывно связано с готовностью к жертвам и коллективным усилиям; 4. Наконец, должно присутствовать внятное, пусть хотя бы на интуитивном уровне усвоенное представление о цели, к которой предстоит двигаться. Цель же обязательно должна нести в себе элементы метафизики. Одного только неприятия безвременья мало;

3) Историческое время: обострённое переживание общественным большинством собственных участия и ответственности за будущее на фоне стремления к высшим целям и ценностям метафизического, внеутилитарного и транс-темпорального порядка, иными словами, стремления общества в Вечность. Большая История обязательно уходит в «плюс бесконечность». События и собственное в них участия переживаются необычайно остро – как обществом в целом, так и человеком в отдельности. Характерным примером является темпоральное сознание советского общества в годы Великой Отечественной войны, нашедшее своё отражение в множественных произведениях культуры, источниках личного происхождения. Осознание ценностей и целей (аксиология и телеология) обуславливают собой чувство со-причастности и со-участия в истории посредством личного выбора и личного же поведения. В результате социальные практики и институты начинают подстраиваться под когнитивные установки. Общество как коллективный субъект становится творцом Большой Истории. Такого рода темпоральное сознание можно обозначить как полноценное пребывание в Истории. Пропуском в которую, ещё раз акцентируем, является осознание и принятие высших идеалов в качестве непосредственных и буквальных оснований социальной деятельности. И эти же идеалы позволяют органично соединить земное историческое бытие народа/общества с Вечностью, оказываясь единственными ориентирами на пути в оную.

Таковы три главных фазовых состояния темпорального сознания общества. Как нетрудно догадаться, состоянию социального регресса полностью соответствует фаза Безвременья. Социальный регресс и безвременье оказываются взаимосвязаны, взаимно поддерживая и детерминируя друг друга. Отсутствие признаваемых на уровне общественного большинства высших ценностей и идеалов отсекает социум от Большой Истории, от перспективы и Вечности. Как только данная негация становится доминирующей в массовом сознании, это самым пагубным образом отражается на качестве социальных коммуникаций, отношений, принятии управленческих решений – словно бы в обществе включается загадочный «странный аттрактор». Когда, вопреки теории вероятности, раз за разом из веера возможных решений выбираются наихудшие. И даже самые, казалось бы, здравые и полезные начинания и проекты дают результат, строго противоположный от ожидаемого. Именно тогда на практике начинает реализовываться упомянутая в начале данной статьи «воронка социального регресса», которая последовательно и с ускорением разрушает общество, его важнейшие несущие структуры, институты, каналы коммуникации.

Описанное в близких терминах регрессирующее, движущееся в сторону хаоса состояние социальной системы в своём жизненном воплощении означает катастрофы и трагедии миллионов людей до геноцида включительно. Причём, трагедия усугубляется тем, что никакого системного противодействия разрушительным тенденциям не оказывается. А те социальные структуры, которые по своему статусу и здравому смыслу должны поддерживать устойчивость общества – в действительности ускоряют его распад и деградацию. В конкретике это значит, что органы образования, здравоохранения, правопорядка вопреки своим наименованиям и предназначению начинают выполнять функции, диаметрально противоположные. Разумеется, людей не устраивает участь безвольных и бессловесных жертв, лишённых исторической субъектности и возможности изменить свою судьбу в лучшую сторону. Потому закономерно встаёт вопрос о том, как вырваться из **воронки социального регресса** и сопутствующего ему состоянию **безвременья**?! Предпосылки или условия для возвращения общества, народа, государства в Большую Историю были перечислены нами ранее. Разумеется, для разных народов, цивилизационных традиций конкретно-практические воплощения путей спасения существенно различаются. Здесь хотелось сделать общее замечание о том, что точно так же, как ранее мы сказали о принципиальной недетерминированности модуса социального прогресса, столь же верна и обратная теорема. А именно: «воронка социального регресса» и связанное с ним деструктивное темпоральное сознание «безвременья» не есть жёсткие

детерминанты социальной динамики, единожды попав в орбиту которых, социум не имеет шансов на их преодоление. Если, в рамках нашей социально-темпоральной гипотезы, для нисхождения в безвременье достаточно отказаться от высших ценностей, смыслов и идеалов, следовательно, обратный путь возможен при том условии, если общественное большинство отыщет в себе силы вновь возжелать, отыскать, уверовать в те трансцендентные, транстемпоральные и транс-персональные ценности, которые ранее были отброшены как слишком обременительные и, якобы, стесняющие индивидуальную свободу.

Потому нам категорически не хотелось завершать настоящий текст пессимистическими выводами, но попытаться хотя бы пунктиром обозначить «свет в конце туннеля». Тем более, что Русская цивилизация пребывает в настоящий момент в новой критической точке своей исторической траектории, подвергаясь нападкам не только извне, но и изнутри, со стороны адептов космополитического глобализма и утилитарного гедонизма. Соответственно, данная ситуация является вызовом для отечественного социально-гуманитарного знания, призываемого предложить варианты выходы из «бесконечного тупика безвременья» на основе сублимируемого исторического и культурного опыта, осмысления ценностей и идеалов, их обновлённой трансляции на общество и во власть. Трансляции не просто в качестве отвлечённых категорий, но как буквальных оснований массовых социальных практик – не только на уровне личного поведения, построения собственной биографии, но и деятельности властных структур, профессионального поведения чиновников, военнослужащих, правоохранителей, врачей и педагогов.

К настоящему моменту отечественной гуманитаристикой накоплен немалый опыт не просто осмысления катастрофы и «плача на развалинах империи», но и когнитивной «обкатки» альтернативных проектов выхода из катастрофы, из безвременья в пространство Большой Истории. И, тем самым, преодоления «воронки социального регресса». Одним из таких «национальных пророков от науки» по праву можно считать А.С. Панарина (1940-2003 гг.), давшего в своих трудах не только блестящий анализ современной ситуации, но и наметившего общие принципы её конструктивного преодоления. Его словами мы и хотели бы завершить настоящую статью: «Вопреки либеральному мифу конца истории и принципу иного не дано, мы утверждаем: история не закончена, а иное впереди. Законы православного бытия таковы, что мы не можем открыть иное для самих себя – оно не приватизируемо. Только открыв его для других, мы имеем шанс обрести его и для себя. Таков парадокс нашего мессианства... Я верю в творческие возможности российской культуры, в то, что она на дне отчаяния найдёт спасительный ответ для России и всего мира... Но для этого требуется, чтобы нынешняя разорванность двух социокультурных полюсов – народа и элиты – была, наконец, преодолена, чтобы пространственное чувство народа и историческое чувство интеллигенции спаялись воедино. Тогда наш национальный проект будущего станет конкурентоспособным на рынке мировых альтернативных проектов современной переходной эпохи» [8, с.492; 9, с. 17].

Литература:

1. Авдеев А.А. Браки и разводы в России // Народонаселение, 1998 №2. С. 3-13 и 1999 №1. С. 27-43.
2. Гемпель К. Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении // Философия и методология истории: Сборник статей. М.: Прогресс, 1977. С. 72-93.
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 166 с.
4. Данилов Д. Статистика разводов и браков в России 2021-2022: таблицы по годам и регионам // Рейтинги и новости. 29.01.2022. // <https://top-rf.ru/places/149-braki-razvody.html?ysclid=18z3qsglcs534224127> Дата обращения 08.10.2022.
5. К открытому письму Учёного совета Филфака МГУ // <https://gjrivic.livejournal.com/237531.html?ysclid=I9cg44jhd8199922128> Дата обращения 15.10.2022.
6. Ларионов А.Э., Новичков А.В. Социальный регресс как константа социальной динамики: к постановке проблемы // Социально-гуманитарные технологии. №4/2020. С. 19-26;
7. Ларионов А.Э., Новичков А.В. Крах образования в России как проявление социального регресса // Социально-гуманитарные технологии. №1. С. 69-76.
8. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2000. С. 492;
9. Панарин А.С. Реванш истории. М.: Русский мир, 2005. С. 17.
10. Розов Н.С. Закон Ибн Халдуна. К чему может привести рост коррупции и силового принуждения в России // Политический класс. №16/2006. С. 74-84.

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ОБ АВТОРЕ:

Р.В. Асташев, аспирант второго года обучения (Социологические науки), кафедра социальных и гуманитарных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

R.V. Astashev, 2nd year post-graduate student {Sociology}, Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Асташев Р.В.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с личностными особенностями руководителя. Анализируются различные подходы к изучению важнейших качеств управленца: личностных характеристик, профессиональных качеств, деловых компетенций в единстве социального и психологического аспектов.

Особое внимание автор уделяет анализу основных стилей управления: авторитарного, демократического и либерального. социологии административных, экономических и социально-психологических методов.

Личностные характеристики, профессиональные качества. деловые компетенции, стили руководства.

Для цитирования: Асташев Р.В. К вопросу о специфике личности руководителя в органах государственной власти // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 25-31.

TO THE QUESTION OF THE SPECIFICS OF THE PERSONALITY OF THE HEAD IN PUBLIC AUTHORITIES

Astashev R.V.

The article discusses the following issues. related to the personal characteristics of the head, different approaches to the personality of the head: personal and technological, personality characteristics. A leader in the unity of social and psychological aspects. features of the personality of the head in the public authority.

Personal characteristics, professional qualities, business competencies. leadership styles.

For citation: Astashev R.V. To the question of the specifics of the personality of the head in public authorities. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 25-31. (In Russ.)

Упрочение в государственном управлении современной России демократических принципов, повышение политической и правовой культуры общества, появление новых институтов гражданского общества вызвали необходимость переосмысления роли государства, его взаимоотношений с обществом, ответственности руководителей разного уровня за принимаемые управленческие решения [8]. Очевидно, что процесс управления должен обеспечиваться профессионалами в этой области, управляющими коллективом, организациями путем четкой постановки целей и разработки способов их достижения, поскольку руководитель – это человек, обладающий определенными правами и обязанностями, официально управляет коллективом, организует профессиональную деятельность подчиненных, имеет право накладывать как позитивные. так и негативные санкции и при этом руководитель *юридически ответственен* за результаты работы организации.

В этой связи возникает вопрос: какова роль личности в управлении и какими качествами должен обладать современный руководитель? Попытаемся проанализировать качества управленца, выделив в них три главные, на наш взгляд, категории:

- личностные характеристики;
- профессиональные качества;
- деловые компетенции.

Необходимо заметить, что в теории управления сложились две позиции в отношении личности руководителя: личностная и технологическая [7].

Согласно первой позиции, руководитель, является безусловным лидером в своем коллективе, способным воодушевить, «зажечь» коллектив, направить на достижение намеченных целей.

Технологический же подход уделял внимание преимущественно *методам* решения задач управления. При таком подходе руководитель рассматривает работника исключительно как живой придаток к средствам производства. Только обладая специфическими качествами, человек может стать руководителем. Ф. Тейлор, в частности, к таким качествам относил: 1) ум; 2) образование; 3) опыт; 4) такт; 5) энергию; 6) сообразительность; 7) честность; 8) здравый смысл; 9) здоровье [5]. При наличии таких качеств руководителя, задача организации профессиональной деятельности сводится к разработке новых методов стимулирования труда, системы оплаты и дальнейшая формализация отношений «начальник – подчиненный». Так, Г. Эмерсон был убежден, что личность руководителя обесценивается всякий раз, как только появляется новый принцип или метод организации деятельности: «...Вооружив хотя бы посредственного современного директора фабрики новым производственным применением старого организационного принципа, мы даем ему возможность добиться такой производительности, что он далеко оставит за собой величайших производственных гениев, работающих по старой системе». [13].

Современная социологическая наука рассматривает личность руководителя в единстве социального и психологического аспектов, включающих такие черты личности как:

- компетентность руководителя как профессионала;
- авторитет руководителя;
- интуиция;
- способности к организаторской деятельности;
- готовность выполнять функции «воспитателя»;
- стрессоустойчивость и эмоциональная стабильность [10].

Компетентность означает, что руководитель имеет представление обо всех особенностях и специфике деятельности, которой руководит. В частности, компетентность руководителя государственного органа означает наличие определенных юридических знаний в сфере компетенции данного государственного органа, законодательных актов, определяющих его функции, права и обязанности государственных служащих, должностных инструкций и других подзаконных актов. Тайкова Л.В., Тайков С.М. считают, что компетентность является обязательным условием *авторитета* руководителя; ценность данного качества невозможно переоценить компетентность позволяет руководителю четко обозначить цели и задачи организации, выстраивать межличностные связи, построения оптимальных путей разрешения актуальных проблем, стать «центром» всех процессов проходящих внутри организации, способным к стратегическому планированию, влиянию на подчиненных и изменению их личной позиции в связи с целями и задачами управления [9]. Кроме того, компетентность руководителя – основа авторитета руководителя, силы его личного влияния на подчиненных, которую он приобретает своими профессиональными знаниями, добросовестным трудом, организаторскими способностями и умением работать с коллективом. Авторитет руководитель не приобретает одновременно с получением должности, и завоевание его – одновременно и управленческое искусство и показатель профессионализма.

Организаторская интуиция или организаторское чутье – весьма неординарная способность находить правильные решения в самых разных и тяжелых ситуациях, возникающих во время осуществления организацией своих функций. Обладая такой способностью руководитель может прислушиваться к «голосу интуиции» как при решении оперативных проблем, так и при рассмотрении тенденций развития организации. Вопреки сложившемуся мнению о том, что в основе

организаторской интуиции лежат некие бессознательные процессы, мы убеждены: организаторская интуиция базируется на рациональном мышлении, в результате переработки и осмысления огромной информационной базы, связанной с профессиональной деятельностью.

При этом, необходимо отметить, что, если речь идет об организаторской интуиции руководителя государственного органа, который в силу своего статуса редко определяет направление развития своей организации, (названное направление определяется, как правило, либо вышестоящей организацией, либо высшими государственными органами), поэтому он использует свою организаторскую интуицию чаще всего для решения оперативных вопросов. Пример такой организаторской интуиции наблюдался в нашей стране в период пандемии COVID-19, когда руководители государственных органов изменили свой привычный режим работы, не дожидаясь официальных распоряжений от вышестоящих организаций.

Предрасположенность к организаторской деятельности как личностная характеристика – очень сложное явление, включающее, прежде всего, не просто готовность к организаторской деятельности, а зачастую неконтролируемое желание человека стать руководителем. Шебураков И.Б. считает, что для руководителя государственного органа, мотивом такой готовности чаще всего является стремление к самореализации и саморазвитию, факторы ориентирующиеся на результат деятельности (наличие четких и понятных целей, возможность повлиять на развитие государственной организации, возможность получить конкретный результат, справедливое вознаграждение), «здоровые» амбиции руководителя (статус, показывающий значимость занимаемой должности, престиж выбранной профессии, карьерные возможности, наличие определенного азарта, возможность превзойти других, самостоятельность принимаемых решений, готовность отвечать за них, равноправие с другими руководителями), возможности для социального взаимодействия с другими людьми (шанс приобрести связи и интересные знакомства, возможность встретить единомышленников в достижении цели, располагающая личность вышестоящего руководителя) и, конечно, факторы «базовых условий труда» (под которыми в первую очередь понимаются достойная оплата труда, надежность и стабильность условий труда, нормальный режим работы, различные социальные гарантии) [12].

Важное значение имеет эмоциональное состояние руководителя во время занятия организаторской деятельностью. Для эффективного выполнения руководителем своих обязанностей оно должно быть устойчивым к различным «вводным», обеспечивать способность к длительной непрерывной деятельности, поскольку у руководителя государственного органа не нормированный рабочий день, большая профессиональная и эмоциональная нагрузка. Иными словами, руководитель не должен уставать от руководства.

Стрессоустойчивость и эмоциональная стабильность руководителя – это и способность позитивно влиять на подчиненных, держать их в определенном психологическом тоне – бодром эмоциональном состоянии, энергично выполняющими поставленные задачи. Руководитель должен обладать психологическим тактом – способностью находить приемлемый тон и целесообразную форму общения с подчиненными. *Эмоциональная стабильность* руководителя – это наличие чувства меры и приличия во взаимоотношениях с людьми, доброжелательностью, искренностью. В то же время важной составляющей эмоционально-волевой стабильности руководителя является требовательность, способность добиваться от подчиненных выполнения поставленных задач. При этом требовательность должна быть четко индивидуализированной – руководитель должен предъявлять адекватные требования в зависимости от особенностей ситуации. Еще одним важнейшим показателем компетентности руководителя является его критичность, способность к обнаружению и выявлению существенных отклонений в плане деятельности организации и принятии решений по их устранению.

Заставенко В.А. отмечает, что, «организуя управленческое общение, руководитель должен исходить из того, что главным условием успеха реализации управленческого решения является деятельность исполнителей, поэтому ведущими умениями и навыками у руководителя должны быть такие как:

- доведение информации, необходимой для реализации принятого решения, до исполнителей;

- связанные мотивации исполнителей на добросовестное исполнение поставленных задач;
- оказание помощи исполнителям в ходе работы;
- организация контроля исполнения поставленной задачи» [3, с. 46-47].

Косых Г.В. полагает, что огромную роль в способности руководителя к воспитательной деятельности играет уровень коммуникативной компетентности руководителя: четко обозначенная собственная позиция, рационально аргументированная, и при этом – уважение к партнеру, умение слушать, не делая поспешных выводов. Иными словами, грамотный руководитель взаимодействие с подчиненными должен строить, учитывая психологию людей, понимая, что определяет их социальное и трудовое поведение, атмосферу, сложившуюся в профессиональном коллективе. Такая коммуникативная компетентность руководителя «формируется на основе определенных способностей человека и является показателем его личностного и профессионального развития: руководитель, обладающий высоким уровнем коммуникативной компетентности, способен выстраивать наиболее оптимальное информационное пространство в организации, постоянно регулировать процессы, протекающие в нем и осуществлять эффективные коммуникации в любой складывающейся ситуации социального взаимодействия, в то же время недостаточные коммуникативные знания и умения не позволяют руководителю создавать пространство, в котором осуществляется оптимальное и эффективное распространение необходимой информации» [5, с.318].

Таким образом, руководитель относится к работнику как к инвестиционному ресурсу организации, обладающему особой интеллектуальной и профессиональной ценностью, а потому выстраивает особые взаимозависимые отношения, необходимый для эффективной работы организации.

Несомненно, личность руководителя, его характерологические особенности играют немаловажную роль в управленческой деятельности, определяют стиль управления, складывающийся в организации. Так, немецкий ученый-психолог Курт Левин еще в 30-е годы XX века, охарактеризовав в деятельности руководителя определенные способы взаимодействия со своими подчиненными и коллегами, выделил три стиля управления: *авторитарный, демократический и либеральный*, в зависимости от того как распределяется право принятия решения между руководителем и его подчиненными. Данная классификация оказала огромное влияние на современную социологию управления и психологию [14].

В соответствии с теорией Левина, *авторитарный руководитель* принимает большинство решений единолично, применяет властные методы мотивации работников к действию в виде приказов и распоряжений, выраженные в краткой, четкой и форматизированной форме. Вся активность руководителя концентрируется на решении служебных проблем. Авторитарный руководитель также выстраивает исключительно деловые отношения со своими подчиненными и не приемлет никакой критики от последних в свой адрес. Лидер такого типа не интересуется мнением своих подчиненных, а фактически навязывает им свое мнение. Он полагается только на свои собственные знания, интересы и поставленные именно им цели. Вся работа в такой организации, выстроена на основании четкого и долгосрочного плана. В отношении сотрудников применяются запреты, а также угрозы. Подчиненные ставят в известность, только в отношении непосредственных целей организаций, долгосрочные планы сообщаются подчиненным. Такой стиль руководства может позитивно влиять на количественный показатель (производительность труда), но плохо влияет на эффективность работы (ее качество), ввиду того, что репрессивные дисциплинарные меры могут вызвать у подчиненных работников озлобленность и страх, понизить до минимума их мотивацию. Кроме того, иногда авторитарный руководитель прибегает к такому стилю управления, понимая, что уровень его профессиональных знаний ниже профессионализма руководимого коллектива и пытается скрыть это своей властью. Или же подчиненные недостаточно профессиональны, не имеют достаточного опыта и потому нуждаются в «жесткой» руке. В результате в коллективе складываются тяжелые условия, вызывающие высокую текучесть кадров в организации и требующие от авторитарного руководителя постоянно набирать, обучать и переобучать новых сотрудников. Поэтому авторитарный стиль управления работает лучше всего, если подчиненные добровольно принимают его (соглашаясь терпеть жесткие условия труда ради хорошего заработка, социальных гарантий, условий карьерного роста, престижа работы или занимаемой ими должности),

либо сама производственная ситуация требует максимально решительных и жестких мер. Авторитарный стиль управления чаще других применяется в государственных органах, так как позволяет наиболее эффективно и быстро решать возникающие задачи, но сильно сказывается на кадровом качестве аппарата государственных служащих. Однако, те немногочисленные сотрудники, которые смогут добиться карьерного роста в таких жестких условиях, могут стать ценными, хотя и узкоспециализированными специалистами в своей области.

В противовес авторитарному руководителю, *либеральный руководитель* находится в более пассивной позиции как в вопросе управления коллективом, так и в вопросе принятия критики, не стремится предлагать собственные решения, а исполняет чужие. Такой руководитель редко принимает решительные и окончательные решения, почти не контролирует своих подчиненных и не выстраивает никакого сотрудничества с исполнителями своих решений. Для своих подчиненных он скорее становится консультантом и тем, кто дает оценку результату их действий. Этот стиль управления требует от руководителя максимально высокой квалификации именно как управленца, поскольку ему необходимо правильно делегировать свои полномочия подчиненным и правильно определить вектор развития организации, ее цели на микро и макроуровнях. Также такой руководитель должен быть сильным эмпатом и хорошим психологом, чтобы наладить отношения со своими подчиненными. В противном случае работа коллектива может оказаться неэффективной, коллектив может «отучиться» проявлять инициативу. будет ждать указаний «сверху».

Демократический стиль управления, при котором руководитель доверяет работникам, не позиционирует себя выше коллег, непосредственно включает их в обсуждение и принятие управленческих решений, дает возможность открыто высказаться. Руководитель предоставляет подчиненным существенную свободу действий и использует косвенные методы побуждения работников (совет, рекомендация, предложение). Критика со стороны подчиненных приветствуется и используется в интересах организации. При указании на недочеты в работе такой руководитель также старается предоставить советы, но при этом сохраняет постоянный контроль за выполняемой работой. Работники отчитываются перед ним о выполняемой работе. Таким образом, основная функция руководителя, выбравшего демократический стиль, – координация деятельности и ненавязчивый контроль [1].

Демократический руководитель поддерживает с подчиненными не только деловые, но и неформальные, личностные отношения, в результате складывается здоровая профессиональная атмосфера.

Безусловно, ни один из названных стилей не претендует на универсальность. В реальной управленческой деятельности руководители чаще выбирают «гибридные» стили, что вполне оправдано при возникновении нестандартных, порой экстремальных ситуаций. Кроме того, на выбор стиля управления влияют достаточно сложные и разнообразные субъективные и объективные факторы. Каждому руководителю приходится делать выбор одного из стилей управления в зависимости от своих способностей, личных ценностных ориентиров, целей, управленческих знаний, опыта и даже харизмы.

Так, американские психологи-управленцы, Т. Фитцджеральд и Г. Карлсон, характеризуя руководителя как ответственного лица, принимающего решения, подчёркивают, что руководитель должен быть независимым, полным сил и способностей, ориентированным на достижение намеченных целей, отважным, уверенным в себе и в то же время умеренно агрессивным, настойчивым, умеющим сохранять конфиденциальность, проявлять твердость, сверхобычную компетентность в специальных профессиональных вопросах и не иметь выраженных психоневрологических нарушений. Руководитель должен обладать способностью к творческому мышлению, умением руководить, умением общаться с людьми, подчиненными и вышестоящими начальниками [11].

К объективным факторам, на наш взгляд, можно отнести специфику организации, ее цели и задачи, уровень работы руководителя. В частности, определяя требования к личности руководителя в органах государственного управления, необходимо четко знать основные функции органа, понимать цели, задачи и основные направления управленческой деятельности. Например, Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [2], определяя порядок назначения руководителя органа судебной

власти (ст.6), его функции и задачи, фактически предопределяет и стиль управления руководителя, и методы управления, направленные на реализацию целей и задач управляемой им организации, поскольку деятельность суда не может осуществляться вне процедуры, установленной законодателем. Государство наделяет судью чрезвычайными полномочиями – осуществлять правосудие, отстаивая справедливость и законность, поэтому к личностным и профессиональным качествам, управленческой подготовленности руководителя органа судебной власти предъявляются более строгие требования. Руководитель органа судебной власти – должностное лицо, поэтому здесь может сложиться только строгая линия профессионального взаимодействия: «начальник – подчиненный». При этом руководитель обязательно должен уметь ладить с людьми, стремиться к сотрудничеству, созданию атмосферы доброжелательности, формированию чувства взаимной ответственности за работу в соответствии с целями организации. Так, например, такие свойства личности, как пассивная позиция как в вопросе управления коллективом, так и в вопросе принятия критики, искренность и терпимость, присущие либеральному и демократическому стилям, являющиеся профессионально важными для руководителя творческого или педагогического коллектива, практически не применимы в государственных органах. Цели и задачи государственных органов практически всегда определены нормами закона или письменными указами вышестоящих инстанций, которые почти всегда определяют конечные цели, временные рамки и объем задач организации. Так же и способность к выполнению рутинной работы будет отличать руководителя в системе бюрократического управления от руководителя творческого коллектива.

Таким образом, из традиционно выделяемых в социологии административных, экономических и социально-психологических методов управления, в органах судебной власти наиболее эффективными являются, на наш взгляд, административные, основывающиеся на власти, дисциплине, контроле, взысканиях и поощрениях, соответствующие правовым нормам, а также социально-психологические, базирующиеся на знании и понимании социологических и психологических закономерностей.

Понимание социологических закономерностей позволяет определить личностный статус сотрудника в коллективе, его деловые и моральные качества, обоснованно и справедливо принимать кадровые решения, выявить неформальных лидеров, привлечь их к совместной работе по достижению профессиональных целей организации, разрешению возможных конфликтов в коллективе [4]. Овладение психологическими методами, являющимися сугубо персонифицированными, поможет обратиться к внутреннему миру конкретного человека с тем, чтобы помочь ему раскрыть свой интеллектуальный потенциал, необходимый для профессиональной ориентации, оценки людей, планирования карьеры и организации движения по служебной лестнице.

Несомненно, обеспечение эффективности любого из стилей управления, предполагает наличие у руководителя необходимых личностных характеристик, обеспечивающих максимальную эффективность и успешность в сфере управленческой деятельности, системного мышления для корректного определения как тактических, так и стратегических управленческих задач.

Так, профессионально важными и необходимыми для успешного управленца в решении основных задач управления – разработки стратегии развития организации, планирования профессиональной деятельности структурных подразделений, контроля за своевременным и эффективным выполнением задач – являются такие черты и свойства как:

1. Видение перспектив развития организации в соответствии с ее целями и функциями;
2. Способность раскрыть и активировать профессиональные возможности сотрудников с помощью правильного подбора кадров;
3. Способность формировать позитивную психологическую атмосферу в коллективе, адекватную профессиональным задачам;
4. Наличие организаторских и коммуникативных способностей в связи с особенностями профессиональной деятельности;
5. Стремление к самосовершенствованию и творческому росту;
6. Развитие самообладания и самоконтроля;
7. Умение признавать собственные ошибки и нести ответственность за них.

Таким образом, эффективный руководитель, сочетая в себе все вышеперечисленные профессиональные качества, способствует достижению целей, стоящих перед коллективом, которым руководит, рационально использует все ресурсы, имеющиеся в его распоряжении, не ограничивает себя рамками какого-то одного стиля управления, опирается на сильную поддержку подчиненных.

Литература:

1. Аксенова Т.В., Снигур А.Р., Назаров А.А., Солнцева А.С., Воронова А.С. Стили руководства. оптимизация управленческой деятельности // StudNet. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stili-rukovodstva-optimizatsiya-upravlencheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 27.08.2022).
2. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 16.04.2022) "О статусе судей в Российской Федерации" URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 20.08.2022 г.).
3. Заставенко В.А. Управленческая деятельность руководителя как психолого-педагогический феномен / В.А. Заставенко // Петербургский экономический журнал. – 2014. – № 1. – С. 42-47.
4. Кирилина, Т. Ю. Анализ проблем управления организацией в социологии управления и стратегическом менеджменте: различия и точки соприкосновения / Т. Ю. Кирилина // Социально-гуманитарные технологии. – 2021. – № 3(19). – С. 26-33.
5. Косых Г.В. Управленческая деятельность как социально-психологическое явление // Проблемы современного педагогического образования № 66-2, 2020. – С.316-319
6. Руденский Е.В. Основы психотехнологии общения менеджера: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭ и У, 1997. – 115 с.
7. Селье Г. Стресс без дистресса. – «Прогресс», М., 1979. – 22 с.
8. Социология управления : Учебник для аспирантов / И. Д. Афонин, Т. И. Бузмакова, Т. Ю. Кирилина [и др.]. – Москва : "Русайнс", 2016. – 312 с.
9. Тайкова Л.В., Тайков С.М. 2 как инструмент эффективного управления, Вестник Новгородского университета 2016, № 5(96), С. 107-109.
10. Фененко Ю.В. Социология управления: Учебное пособие / Ю.Ф. Фененко – М.: ПКЦ Альтекс, 2005, 113-120с.
11. Фитцджеральд Т., Карлсон Г. Как распознать потенциальные способности руководителя: Пер. с англ. // California Management Review. - 1971. - 14. - № 2. С. 18-23 .
12. Шебураков И.Б., Мотивация руководителей сферы государственного управления к эффективной деятельности: мифы и реальность, Государственная служба.2019. №2. С.35-43).
13. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности. Гл. I. URL: <http://orel.rsl.ru/nettext/ekonomik/emerson/12pr002.htm> (дата обращения: 27.08.2022).
14. Lewin K. T, Lippitt R., White R. K. Patterns of Aggressive Behavior in Experimentally Created 'Social Climates' // Journal of Social Psychology. 1939. № 10. P. 271—299.

ОБ АВТОРЕ:

Т.Ю. Кирилина, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

T.Yu. Kirilina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316**СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ**

Кирилина Т.Ю.

В статье анализируются преимущества системного подхода в управлении, приводится классификация основных течений в теории систем с исторической точки зрения, исследуется вклад Людвига фон Берталанфи в разработку системного подхода в рамках теории управления.

Особое внимание автор уделяет анализу вклада Т. Парсонса, Уолтера Ф. Бакли, Н. Луманна в теорию социальных систем. В статье делается вывод, что теория систем является основой для понимания междисциплинарных систем и крайне важна для руководителей любого уровня. Основные преимущества системного подхода позволяют управленцам успешно прогнозировать и планировать развитие организации, обосновывать, на системной основе, свои управленческие решения. В рамках системного подхода признается целостность сложных объектов, их границ, существование внутренних и внешних связей.

Теория управления, системный подход, общая теория систем, теория социальных систем.

Для цитирования: Кирилина Т.Ю. Системный подход в теории управления // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 32-38.

SYSTEM APPROACH IN MANAGEMENT THEORY

Kirilina T.Yu.

The article analyzes the advantages of a systems approach in management, provides a classification of the main currents in systems theory from a historical point of view, explores the contribution of Ludwig von Bertalanffy to the development of a systems approach within the framework of management theory.

The author pays special attention to the analysis of the contribution of T. Parsons, Walter F. Buckley, N. Luhmann to the theory of social systems.

The article concludes that systems theory is the basis for understanding interdisciplinary systems and is extremely important for managers of any level. The main advantages of a systematic approach allow managers to successfully predict and plan the development of an organization, to justify, on a systematic basis, their management decisions. Within the framework of a systematic approach, the integrity of complex objects, their boundaries, the existence of internal and external relations are recognized.

Management theory, systems approach, general systems theory, social systems theory.

For citation: Kirilina T.Yu. System approach in management theory. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 32-38. (In Russ.)

Успех любой организации зависит от сильной системы, состоящей из различных подструктур, образующих единое целое. Организация не может добиться успеха без правильного понимания важности системного подхода. Преуспевающие организации сумели создать системы, соответствующие их ценностям и принципам.

Потребность в использовании системного подхода в управлении обострилась в связи с необходимостью управления объектами, имеющими большие размеры в пространстве и во времени в условиях динамичных изменений внешней среды. По мере усложнения экономических и социальных отношений в различных организациях все чаще возникают задачи, решение которых невозможно без использования комплексного системного подхода.

Стремление выделить скрытые взаимосвязи между разнообразными научными дисциплинами явилось причиной разработки общей теории систем. Тем более что локальные решения без учета недостаточного количества факторов, оптимизация только на уровне отдельных элементов, как правило, ведет к снижению эффективности деятельности организации, а иногда и к опасному по последствиям результату.

Именно поэтому руководителям разного уровня важно понимать преимущества системного подхода в управлении.

Во-первых, системный подход обеспечивает эффективные и действенные результаты, потому что он изучает организацию в целом, а не ее отдельные элементы. Это помогает руководству добиваться наилучших результатов. Преимуществом этого подхода является то, что он позволяет выявлять вероятные слабые места организации, которые могут возникнуть в результате концентрации на одной единственной части.

Во-вторых, системный подход помогает организациям планировать и распределять ресурсы, которые принесут результаты, значимые для всей организации. Системный подход позволяет осознать, что концентрация на одной подструктуре может повлиять на другие. Поэтому, при целостном, системном анализе организации удастся более рационально спланировать распределение ресурсов по всем ее подразделениям.

В-третьих, системный подход позволяет более рационально планировать человеческие ресурсы и эффективнее ими управлять. Человеческий ресурс является ключевым элементом организации. Для выявления и анализа основных потребностей организации в человеческих ресурсах, системный подход является наиболее эффективным.

В-четвертых, системный подход помогает создать синергию между организацией и ее подструктурами. Синергия имеет решающее значение для успеха организации. Ее можно создать только путем изучения взаимосвязей между подструктурами в организации.

В-пятых, системный подход позволяет понять различные потребности организации. Это помогает руководителям разного уровня осмыслить потребности каждого отдела и действия, необходимые для достижения цели организации.

В-шестых, системный подход также позволяет определить тенденции развития организации, разработать научно обоснованный прогноз. Успешному руководителю крайне необходимо знать, над какими областями нужно работать в первую очередь, чтобы добиться желаемого результата.

В-седьмых, системный подход помогает сформировать успешную корпоративную политику, которая принесет наилучшие результаты для организации. Системный подход позволяет учитывать вклад, сделанный каждой подструктурой организации. Знание преимуществ системного подхода в управлении помогает руководителю достигнуть высоких результатов, потому, что иногда именно нижние уровни организации, вносят наибольший вклад в достижение цели организации.

В-восьмых, системный подход помогает планировать наиболее успешное обучение и переподготовку своих сотрудников, поскольку позволяет наиболее точно определить потребности в обучении и повышении квалификации сотрудников организации. Это, безусловно, важно для развития организации.

В-девятых, системный подход помогает организациям планировать потребности организации в области охраны труда и техники безопасности. Безопасность и здоровье всех сотрудников организации являются двумя важными элементами, которые нельзя упускать из виду. Говорят, что организация здравоохранения – это организация благополучия. Поэтому успешные организации уделяют больше внимания безопасности и здоровью своих сотрудников.

Системный подход в теории управления базируется на общей теории систем. Теория систем – это термин, который используется в различных дисциплинах и имеет множество значений.

Кевин МакГрегор Адамс предложил классифицировать основные течения, которые обращаются к теории систем, с исторической точки зрения [1]. В таблице 1 приведен общий обзор основных исторических классификаций теории систем и указаны их основные представители.

Таблица 1.

Исторические классификации теории систем

Основные течения	Представители
Общая теория систем	Берталанфи (1949, 1950, 1968), Боулдинг (1956)
Теория живых систем	Миллер (1978)
Теория математических систем	Месарович (1964), Ваймор (1967), Клир (1968)
Кибернетика	Rosenblueth et al. (1943), Винер (1948), Эшби (1947, 1952, 1956), Форрестер (1961, 1969, 1971), Одобрля (1938)
Теория социальных систем	Парсонс (1970, 1979, 1991), Бакли (1967, 1998), Луманн (1995, 2012)
Теория философских систем	Ласло (1972, 1973, 1996), Бунге (1979, 1997, 1999, 2004)

В теории управления системный подход был разработан австрийским философом биологии Людвигом фон Берталанфи. Он изучал термодинамическое равновесие стационарного состояния живых организмов как открытых систем. Это привело в 1930-40 годы Людвиг фон Берталанфи к созданию общей теории систем, новой научной доктрины, изучающей принципы, применимые к системам в целом. Важен вклад Людвиг фон Берталанфи в концепцию открытых систем и стационарного состояния (равновесия потоков). Людвиг фон Берталанфи определял общую теорию систем как «совокупность принципов исследования систем и набор отдельных эмпирически выявленных изоморфизмов в строении и функционировании разнородных системных объектов» [2].

Общая теория систем, предложенная Людвигом фон Берталанфи, – методологическая концепция, описывающая закономерности строения, поведения, функционирования и развития систем. Ее основная идея заключается в поиске соответствий, позволяющих понять законы одной системы, благодаря знанию другой, независимо от того, принадлежат ли они одному виду.

Наиболее важным достижением Берталанфи стало разделение систем на закрытые и открытые. К закрытым системам применим механистический подход, а к открытым – динамический («текущее равновесие»). Таким образом, разница между живым и неживым заключается в способе организации компонентов, а не в самих компонентах.

Согласно Л. фон Берталанфи, система – это комплекс взаимодействующих элементов, совокупность элементов, находящихся в определенных соотношениях друг с другом и со средой. Системный подход, в понимании учёного – это совокупность методов и средств, позволяющих исследовать объект в целом, рассматривая его как систему со сложными взаимосвязями [2]. В представлении Л. фон Берталанфи, организация может состоять из таких подсистем, как производство, маркетинг, финансы, управление персоналом и бухгалтерский учет. Эти подструктуры следует изучать не по отдельности, а в их взаимосвязи. Именно такой подход дает, в понимании учёного, наиболее эффективные и действенные результаты.

Создателем теории живых систем был американский ученый Джеймс Грир Миллер. Жизнь системы, в теории Миллера (1978), включает не только биологические системы, но и все системы, которые являются живыми, в том числе и социальные системы. Теория живых систем изучает то, как все живые системы работают, как они поддерживают себя и как они развиваются и изменяются. Миллер определяет живые системы как открытые самоорганизующиеся системы, обладающие особенностями жизни и взаимодействия с окружающей средой [12]. Взаимодействие происходит посредством как информационного, так и материального или энергетического обмена.

Теория живых систем Миллера включает системную иерархию, в которую входят восемь уровней:

1. Клетки;
2. Органы;
3. Организмы;
4. Группы;
5. Организации;
6. Сообщества;

7. Общества;
8. Наднациональные системы [12].

Каждый более высокий уровень сложнее, чем более низкий, потому что более высокие уровни наследуют характеристики нижних уровней, а также содержат эмерджентные свойства, т. е. свойства, которых нет на нижних уровнях. Теория Дж. Г. Миллера включает в себя серию из 20 критических процессов, связанных с:

1. Материальными и энергетическими обменами, связанными с метаболическими процессами системы.
2. Передачей информации, необходимой для координации, руководства и управления системой.

Основная стратегия применения общей теории живых систем для решения исследования проблем отдельных живых систем заключается в следующем:

1. Определить уровень системы;
2. Определить компоненты каждого из его 20 подсистем;
3. Проиллюстрировать каждый компонент подсистем с надлежащей символикой подсистемы;
4. Схематически представить потоки материи-энергии и информации через компоненты подсистемы, от входа к границе, через системы, для выхода за границу.

Работа в области теории живых систем имела ограниченное влияние за пределами биологии и, следовательно, не смогла послужить теоретической конструкцией, применимой ко всем системам.

Общая теория систем, в свою очередь, оказала заметное влияние на развитие подходов, лежащих в основе изучения социальных систем. Наибольший вклад в нее внесли Талкот Парсонс, Уолтер Ф. Бакли и Никлас Луманн. Талкот Парсонс возглавил, так называемую, первую волну теории социальных систем. Бакли и Луманн были руководителями второй волны.

Талкот Парсонс, профессор Гарвардского университета, в период с 1930 по 1970 гг. был самым известным социологом в США. Влиятельная структурно-функциональная теория общества Т. Парсонса была, как известно, основана на системной концепции. Т. Парсонс разработал схему, в которой системные функции определялись четырьмя функциями: адаптацией, достижением цели, интеграцией и поддержанием латентного образца. Каждая системная функция поддерживалась подсистемами с определенными функциями. Т. Парсонс уподоблял системные функции и роли подсистем строению органов и функциям человеческого организма.

Работа Т. Парсонса «Конкретные системы и «абстрактные системы» современности», оказала заметное влияние и послужила источником информации для большой группы социологов, включая социологов, которые должны были сосредоточить свою будущую работу на системных перспективах. Например, на Уильяма Вимсата, Никласа Лумана и т. д.). Т. Парсонс вышел за рамки традиционных социологических тем и участвовал в 1950-х годах в конференциях по кибернетике и теории систем с другими теоретиками систем, такими как Норберт Винер, Людвиг фон Берталанфи, Росс Эшби, Уоррен МакКаллох и Ганс фон Ферстер. Т. Парсонс заинтересовался выяснением соотношения между биологической и социальной теориями. Он был инициатором конференции под названием «Некоторые отношения между биологической и социальной теориями» Американской академии искусств и наук. Целью конференции было создание концептуальной основы теории жизни системы.

Ближе к концу жизни Т. Парсонс рецензируя книгу Джеймса Миллера 1968 года, завершил свой обзор следующей фразой: «Я должен закончить, как и начал, оговоркой, что не только анализу Миллера предстоит пройти долгий путь, прежде чем он сможет достичь цели единой теории живых систем, на которой он строит свои впечатляющие обобщения. Выше все мои вопросы восходят к тому выбору, который он сделал в самом начале, подчеркивая конкретные, а не абстрактные системы. [13, p.705.]»

Работа Т. Парсона «Конкретные системы и «абстрактные системы» современности» вновь вызвала интерес в 1980-х годах и подготовила почву для второй волны теории социальных систем в лице американского профессора социологии Уолтера Ф. Бакли.

Уолтер Бакли был и одним из первых, кто осознал значимость для социологии концепции общей теории систем Берталанфи. В своей работе «Социология и современная теория систем» Уолтер Бакли впервые применил теории системы к социологии [3]. Подход У. Бакли представлял собой синтез понятий системы, информации, кибернетической обратной связи и управления, а также связанных с ними концепций саморегуляции, самоорганизации и сложных адаптивных систем. Ученый считал, что теория систем является не столько теорией, «а скорее теоретической основой и набором методологических инструментов, которые могут быть применены к любой области исследования» [4, p.3].

Теория социальных систем получила свое дальнейшее развитие в трудах немецкого ученого Никласа Лумана, который был студентом Талкотта Парсонса в Гарварде в 1962 г. Взгляд Никласа Лумана на общество как систему сформировался под воздействием совокупности работ, кульминацией которых стал его великий труд, двухтомник «Теория общества» [13].

Луман утверждал, что «каждый социальный контакт понимается как система, вплоть до общества как совокупности всех возможных контактов» [10, p.15]. По мнению Лумана, Парсонс пошел против традиционных взглядов своих коллег-социологов, предложив описывать социальные явления, такие как взаимодействия, организации или общества как системы. На самом деле, точка зрения Т.Парсонса совпадает со взглядами тех, кто рассматривает системы как функциональные конструкции компонентов с заданными границами и средами. Системы ориентируются на свое окружение не просто случайно и адаптивно, но структурно, и они не могут существовать без органов.

Еще одной теорией систем является теория философских систем. Заметный вклад в подходы, лежащие в основе философских систем, внесли Эрвин Ласло и Марио Бунге.

Венгерский философ и научный системный теоретик Эрвин Ласло предложил системную философию, объединяющую знания, полученные, благодаря изучению природы. Его подход аналогичен подходу Берталанфи, который знал и одобрял усилия Ласло, дав предисловие к его работе «Введение в теорию систем: к новой парадигме современной мысли» [8].

Эрвин Ласло описывает структуру философии систем следующим образом: «Представьте себе структуру науки как здание, построенное на горизонтальной двумерной плоскости и возвышающееся над ней в третьем измерении. Двумерная основа – это «природа», как она представлена науке в наблюдении и экспериментах. Структура, возвышающаяся над ним, есть совокупность понятий, принципов, теорий и законов, выработанных в данной науке. Ласло указывает на «эмпирическую адекватность» как фактор, который требует от науки установления контакта между теоретической структурой и природой во всех точках, где такой контакт возможен (т. где конструкты имеют «эпистемологические корреляции» (Нортроп), «правила соответствия» (Маргенау) или «оперативные определения» (Бриджмен)). Учитывая существующую теоретическую структуру, такая связь теории и природы должна быть такой же обширной и интенсивной, как в настоящее время. То есть теория должна в конечном итоге сопоставить все соответствующие наблюдения с количественными и прогностическими данными [9, p.337].

В сочетании с этой трехмерной структурой Эрвин Ласло предлагает системный язык, который обеспечивает взаимопонимание между научными дисциплинами, разделенными специализированными понятиями и терминами.

Внимание Ласло к натурфилософии его современной системной философии включает в себя сравнение традиционного атомистического, аналитического взгляда и более целостного и синтетического вида. Его способность сохранять перспективу основана на центральной роли системного мышления. Ласло использует системное мышление, чтобы смотреть и на мир, и на свою жизнь, и на собственное положение в мире. Благодаря системному мышлению он может организовать свою знания с точки зрения систем, системных свойств и межсистемных отношений [8]. Системная философия Ласло обеспечивает дополнительную основу для развития теории систем.

Наиболее значительный вклад в социальные науки аргентинского философа и физика Марио Бунге заключатся в том, что ему удалось совместить системный подход и механизм [5]. Бунге взялся за непростую философскую проблему в социальных науках – приоритет индивидуализма или холизма как философской конструкции. Марио Бунге утверждает: «Двойственные концепции системы и механизмов занимают центральное место в современной науке, будь то естественные, социальные

или биосоциальные. Их применение породило целую онтологию, которую я назвал системностью. Согласно этой точке зрения, все во Вселенной есть, было или будет системой или ее компонентами». [5, pp.182-210.]

Бунге считал, что системность является альтернативой как индивидуализму, так и холизму. Он обратил внимание на то, что существует четкое различие между системой и механизмом. Механизм есть процесс в системе. Это различие знакомо в естественных науках, где считается серьезной ошибкой, если путают сердечно-сосудистую систему с кровообращением или мозг с психическими процессами. Но для социальных исследований это не характерно ... [5].

Когда Бунге использует термин «системность», он очень конкретен. Бунге объясняет, что системность – это особый подход, используемый для объяснения сложных вещей любого рода. Бунге отличает системный подход от теории систем следующим образом: «Обратите внимание, что я использую выражение «системный подход», а не «теория систем». Этому есть две причины. Во-первых, существует почти столько же теорий систем, сколько и системных теоретиков. Во-вторых, «теория систем», ставшая популярной в 1970-х годах (например, Laszlo, 1972) была дискредитирована, потому что подчеркивала застой за счет изменений и требовала решать все частные проблемы без эмпирических исследований или серьезных теоретизирований. [6, p. 191] Примечательно, что Бунге понимал, насколько неадекватны конструкции, предложенные и Берталанфи, и Ласло, которые заложили основы теории систем.

Для более глубокого понимания системными практиками, использующими термин «теория систем», необходимо сформулировать как универсальное определение, так и вспомогательную конструкцию. Хотя только что рассмотренные направления теорий систем не создали общепринятый канон общей теории, применимый к системам, существует ряд отдельных системных предложений, которые имеют отношение к общей практической перспективе теории систем. Многие из этих предложений трансформировались в исторические течения и послужили основой для нашего представления о системах.

Теория систем представляет собой единую группу конкретных утверждений, которые собраны вместе, чтобы помочь в понимании систем. Наличие такой теории требует разъяснений для понимания её системными практиками.

Выводы

Системный подход является универсальным методом исследования, основанным на восприятии исследуемого объекта как некоего целого, состоящего из взаимосвязанных частей, и являющегося одновременно частью системы более высокого порядка. Системный подход позволяет строить многофакторные модели, характерные для социально-экономических систем, к которым относятся организации. Предназначение системного подхода заключается в том, что он формирует системное мышление, необходимое руководителям организаций, что повышает эффективность принимаемых решений.

Теория систем является основой для понимания междисциплинарных систем и крайне важна для руководителей любого уровня. Основные преимущества системного подхода позволяют управленцам успешно прогнозировать и планировать развитие организации, обосновывать, на системной основе, свои управленческие решения. В рамках системного подхода признается целостность сложных объектов, их границ, существование внутренних и внешних связей.

Литература:

1. Adams, Kevin Mac G. Systems theory: A formal construct for understanding systems // International Journal of System of Systems Engineering · January 2012
2. Bertalanffy, L.V. (1968) General System Theory: Foundations, Development, Applications, Rev. ed., George Braziller, New York.
3. Buckley, W. (1967) Sociology and Modern Systems Theory, Prentice-Hall, Englewood Cliffs.
4. Buckley, W. (1998) Society – A Complex Adaptive System: Essays in Social Theory, Overseas Publishers Association, Amsterdam.
5. Bunge, M. (1999) The Sociology-philosophy Connection, Transaction Publishers, New Brunswick, NJ.
6. Bunge, M. (2004) 'How does it work?: The search for explanatory mechanisms', Philosophy of the Social Sciences, Vol. 34, No. 2, pp.182–210.
7. Braziller G.. General System theory: Foundations, Development, Applications. — 1st ed. – N. Y.: Inc., 1968.– 289 p

8. Laszlo, E. (1972) *Introduction to Systems Theory: Toward a New Paradigm of Contemporary Thought*, Harper Torchbooks, New York.
9. Laszlo, E. (1973) 'The rise of general theories in contemporary science', *Journal for General Philosophy of Science*, Vol. 4, No. 2, pp.335–344.
10. Luhmann, N. (1995) *Social Systems*, translated by J. Bednarz and D. Beacker, Stanford University Press, Stanford, CA.
11. Luhmann, N. (2012) *Theory of Society*, Vol. 1, translated by R. Barrett, Stanford University Press, Stanford, CA.
12. Miller, J.G. (1978) *Living Systems*, McGraw-Hill, New York..
13. Parsons, T. (1979) Concrete systems and 'abstracted systems' contemporary, *Sociology*, Vol. 8, No. 5, pp.696–705.

ОБ АВТОРЕ:

У.А. Когтева, преподаватель-исследователь «Социологические науки», специалист по учебно-методической работе 1 категории, кафедра иностранных языков, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

U.A. Kogteva, researcher {Sociology}, Specialist in educational and methodical work of the Department of Foreign Languages, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ГБОУ ВО МО «ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»)

Когтева У.А.

Данная статья посвящена исследованию уровня информационных компетенций участников образовательного процесса с учетом влияния пандемии Covid-19, выступившей катализатором цифровизации образовательного медиапространства. Автор проводит сравнительный анализ результатов собственных социологических исследований, проведенных в виде экспертного опроса в 2019 г. и в виде анкетного опроса в 2022 г.

Информационные компетенции, цифровизация, образовательное медиапространство, управление образовательным медиапространством, сравнительный анализ.

Для цитирования: Когтева У.А. Влияние процесса цифровизации на информационные компетенции участников образовательного процесса до и после пандемии: сравнительный анализ (на примере ГБОУ ВО МО «Технологический университет») // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 39-46.

THE IMPACT OF THE DIGITALIZATION PROCESS ON THE INFORMATION COMPETENCIES OF PARTICIPANTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS BEFORE AND AFTER THE PANDEMIC: A COMPARATIVE ANALYSIS (USING THE EXAMPLE OF «LEONOV MOSCOW REGION UNIVERSITY OF TECHNOLOGY»)

Kogteva U.A.

This article deals with the study of the level of information competencies of participants in the educational process, taking into account the impact of the Covid-19 pandemic, which acted as a catalyst for the digitalization of the educational media space. The author conducts a comparative analysis of the results of his own sociological research conducted in the form of an expert survey in 2019 and in the form of a questionnaire survey in 2022.

Information competencies, digitalization, educational media space, managing the educational mediaspace, comparative analysis.

For citation: Kogteva U.A. The impact of the digitalization process on the information competencies of participants in the educational process before and after the pandemic: a comparative analysis (using the example of «Leonov Moscow Region University of Technology»). *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 39-46. (In Russ.)

Введение

Последние несколько лет по прогнозам экспертов должны были стать прорывными для процесса цифровизации общества в целом, и сферы образования, в частности. О цифровом переходе говорили не только ученые, но и государственные деятели и органы власти [4, 5]. При этом сфера образования, как сфера формирования знаний, умений, ценностей, выступает в роли фундамента для внедрения инноваций и формирования общества будущего.

Цифровизация жизни общества ведет к проявлению цифрового разрыва, возникающего не только вследствие разного доступа людей к техническим средствам и гаджетам, но и разного уровня владения навыками их использования. Важно понимать, что в случае изучения цифрового разрыва и его минимизации необходимо исследовать не только инструментальные (технические) информационные компетенции, но и, что гораздо важнее, стратегические информационные компетенции.

Автор использует классификацию, основанную на работах бельгийских ученых П. Броткорн и Г. Валендук, и выделяет 3 уровня информационных компетенций:

1) *Инструментальные компетенции*, подразумевающие навык простой манипуляции техническими средствами и медиатизации (распространение) информации.

2) *Аналитические компетенции*, заключающиеся в способности находить, отбирать, понимать, оценивать и обсуждать информацию.

3) *Стратегические компетенции*, представляющие собой: способность использовать информацию проактивно (стратегически, с заделом на будущее); способность определять значение (важность) информации, исходя из задач обучения; способность принимать решения на основе этой информации в своей профессиональной деятельности [2].

Образовательное медиапространство представляет собой целесообразно организованную в соответствии с миссией образовательной организации, многоаспектную реальность, в которой происходит взаимодействие всех субъектов образовательной деятельности посредством классических и новых сетевых технологий [3]. При этом, с точки зрения управления, образовательное медиапространство представляет собой одновременно и субъект управления, и среду, в которой происходит процесс управления.

Цифровизация сферы образования происходит через цифровизацию образовательного медиапространства и процессов, протекающих в нем, что выражается в двух основных направлениях, исходя из его особенностей:

1. *Цифровизация пространства* – техническое переоснащение, внедрение технологий удаленного и интегрированного класса, а также технологий онлайн-конференций с точки зрения оснащения аудиторий и рабочих мест участников образовательного процесса и т.д.

2. *Цифровизация взаимодействия* – на уровне образовательного процесса – это внедрение информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс, например, проведение онлайн-лекций, применение таких технологий, как Zoom, TrueConf и других аналогичных сервисов, применение на практике технологий интегрированного класса и др.; на уровне внутренней среды – применение таких технологий, как электронный документооборот, цифровая подпись, развитие внутренней сети, образовательного портала и т.д.; на уровне внешней среды – увеличение доли цифровых инструментов взаимодействия университета с абитуриентами, родителями, работодателями и другими университетами, что может выражаться в расширении присутствия университета в сети Интернет, участии в международных и отечественных рейтингах, увеличении важности интернет-СМИ и социальных сетей, внедрении технологий интернет-конференций при проведении дней открытых дверей и т.п.

Пандемия Covid-19 сыграла роль катализатора процесса цифровизации, переведя образовательный процесс в дистанционный формат одновременно. Изменился не только формат взаимодействия преподавателя и студента, но все административные процедуры и сопровождение также были цифровизованы, что, конечно, вызвало множество трудностей, которые вузы с достоинством преодолели, трансформировав свое медиапространство. По прошествии времени, у вузов появилось понимание не только процесса организации дистанционного обучения, но также того,

как можно использовать данные, полученные в ходе реализации такого формата, в том числе цифровые следы.

В условиях рефлексии полученных по итогам пандемии результатов цифровизации представляется важным сравнительный анализ уровня информационных компетенций участников образовательного процесса и цифровизации медиапространства с учетом влияния пандемии.

Инструменты и методы

Первое исследование автора в виде экспертного опроса было проведено до пандемии в 2019 г. и посвящено определению точек роста и проблемных сфер цифровой трансформации образовательного медиапространства. В качестве экспертов выступили профессора отечественных и зарубежных университетов (n=177, тип выборки – квотная, сентябрь-ноябрь 2019 г.), имеющие стаж работы более 10 лет. Экспертный опрос проводился при помощи онлайн-анкеты, состоящей из 7 тематических блоков, посвященных актуальным вопросам цифровизации образования, включающих в себя 37 утверждений, каждое из которых в той или иной мере отражает тенденции цифровизации образовательного медиапространства. Экспертам было необходимо оценить каждое утверждение по 6-тибалльной шкале в зависимости от степени согласия с ними, а также им было предложено высказать свое профессиональное мнение относительно процесса цифровизации образования, проблем и перспектив ее развития.

Для сравнительного анализа в 2022 г. было проведено дополнительное социологическое исследование в виде анкетного опроса, проведенного в дистанционной форме (n=31, тип выборки квотная, март-сентябрь 2022 г.). В качестве респондентов выступили профессора и сотрудники ГБОУ ВО МО «Технологический университет». Анкета была построена на основе бланка экспертного опроса, но с изменениями, вызванными актуализацией ситуации в мире.

Для обеспечения объективности данных, при сравнительном анализе из экспертного опроса (2019) учитывались данные, полученные только по экспертам из ГБОУ ВО МО «Технологический университет».

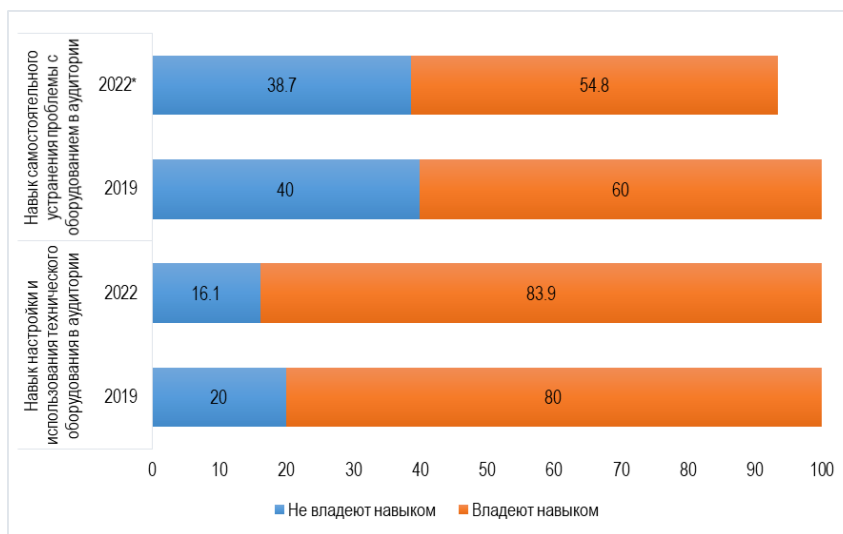
Анализ полученных данных проводился при помощи пакета SPSS Statistics 23 и Microsoft Excel.

Результаты и обсуждение

Для исследования уровня **информационных** компетенций респондентам были предложены 23 вопроса-утверждения, которые им необходимо было оценить в соответствии со степенью своего согласия с ними.

Среди утверждений, призванных определить уровень владения **инструментальными** информационными компетенциями можно выделить несколько наиболее показательных: 1. «Я знаю, как настроить и использовать цифровое оборудование в учебной аудитории»; 2. «Я могу самостоятельно устранить (решить) проблему с цифровым оборудованием в аудитории»; 3. «Я могу самостоятельно размещать образовательный контент в сети Интернет»; 4. «Я использую сетевые ресурсы образовательной организации для дистанционной работы со студентами / преподавателями».

Динамика ответов на вопросы об умении настраивать, пользоваться и самостоятельно устранять проблемы с техническим оборудованием в аудитории представлена на Рисунке 1.

* 6,5% респондентов затруднились ответить на вопрос

Рисунок 1. Динамика ответов на вопросы о навыках работы с техническим оборудованием в аудитории, в % (составлено автором)

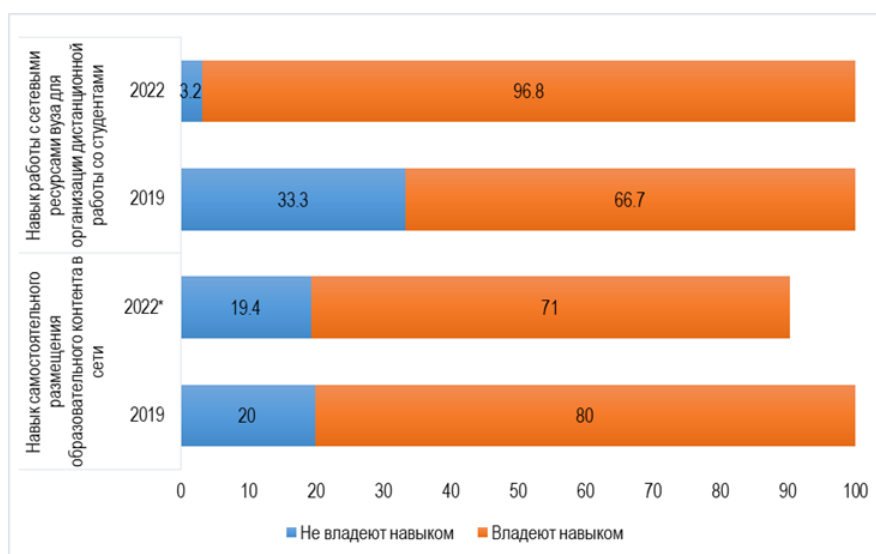
На первый взгляд, динамика ответов на вопросы о навыках работы с оборудованием в аудитории осталась без изменений, но если рассматривать детально, то можно заметить, что среди тех, кто владеет навыком самостоятельного устранения проблемы с оборудованием в аудитории, процент полностью согласных с утверждением снизился почти вдвое (20% в исследовании 2019 г. против 12,9% в исследовании 2022 г.). Также в исследовании 2019 г. отсутствовали респонденты, которые бы считали, что не справятся с самостоятельным устранением проблемы с оборудованием, в то время как в исследовании 2022 г. таких респондентов стало уже 9,7%. 6,5% респондентов в опросе 2022 г. затруднились ответить на данный вопрос. Подобную динамику можно объяснить несколькими возможными причинами:

- во-первых, усложнение самого оборудования и его состава. Если зачастую до пандемии в обычной учебной аудитории все техническое оборудование состояло из компьютера и проектора с интерактивной доской, то после пандемии также появились такие инструменты, как веб-камера, микрофоны, наушники, программное обеспечение для дистанционного проведения занятий (например, Zoom, TrueConf) и т.д.

- второй возможной причиной может быть увеличение доверия к службам технической поддержки, зарекомендовавшей себя во время проведения дистанционных занятий в период локдауна.

- в-третьих, причиной может быть увеличение ответственного отношения к оборудованию в случае неуверенности в своих собственных навыках и нежеланием его повредить во время ремонта.

Динамика ответов на вопросы о самостоятельном размещении образовательного контента в сети, а также об использовании сетевых ресурсов организации для дистанционной работы со студентами представлена на Рисунке 2.

* 9,6% респондентов затруднились ответить на вопрос

Рисунок 2. Динамика ответов на вопросы о навыках размещения образовательного контента в сети и работы с сетевыми ресурсами вуза для организации дистанционной работы со студентами, в % (составлено автором)

Как видно из Рисунка 2, наибольшим изменениям за период пандемии подвергся навык работы с сетевыми ресурсами университета для организации дистанционной работы со студентами. Исследование 2022 г. показало, что подавляющее большинство респондентов использует сетевые ресурсы образовательной организации, в отличие от исследования 2019 г., где треть респондентов не пользовалась образовательным порталом и другими ресурсами вуза.

Навык самостоятельного размещения образовательного контента в сети остался практически без изменений, что может быть связано с тем, что в настоящее время происходит постепенный возврат к преимущественно аудиторной работе, с частичным использованием дистанционных технологий.

Наиболее показательными утверждениями, характеризующими уровень **аналитических** информационных компетенций, можно назвать: 1. «Я владею стратегиями поиска, отбора, обработки и управления данными по своей профессиональной тематике»; 2. «Я умею управлять своим временем при использовании цифровых технологий в образовании».

Динамика ответов на вопросы о владении стратегиями поиска, отбора, обработки и управления данными по своей профессионально тематике и умением управлять своим временем при использовании цифровых технологий представлена на Рисунке 3.

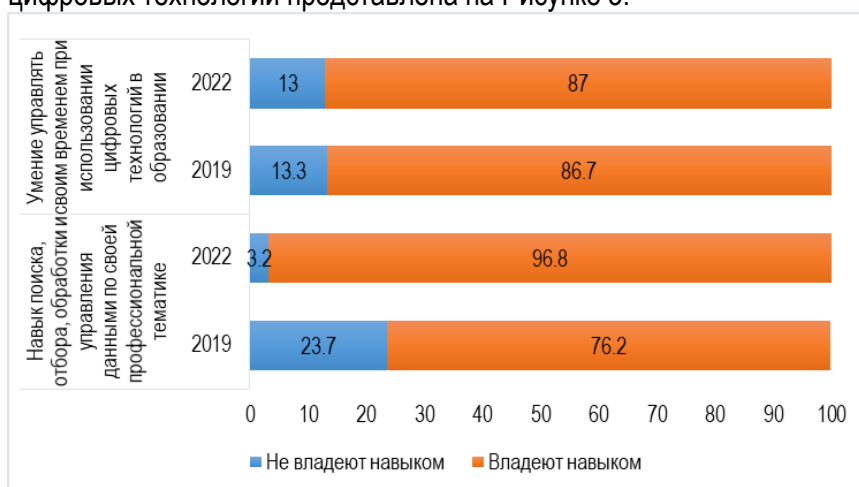
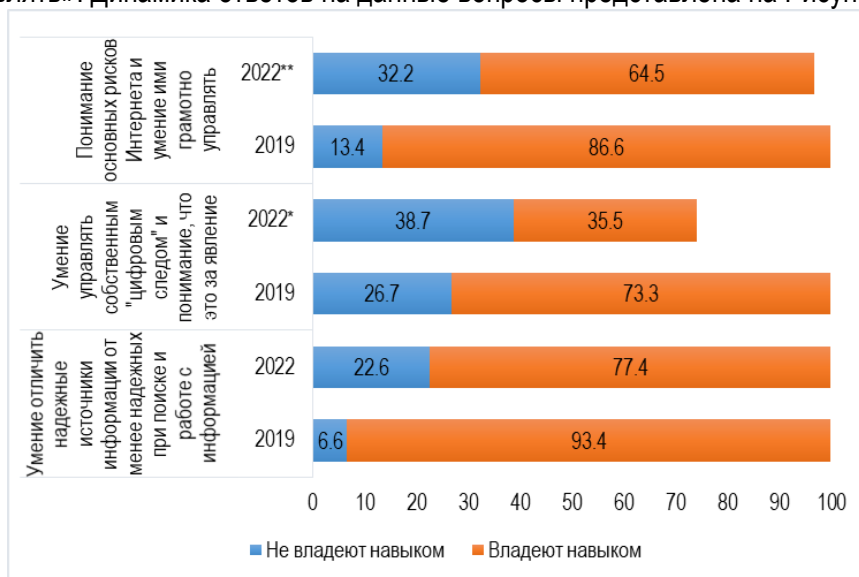

Рисунок 3. Динамика ответов на вопросы о владении стратегиями поиска, отбора, обработки и управления данными по своей профессионально тематике и умением управлять своим временем при использовании цифровых технологий, в % (составлено автором)

Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод, что навык поиска, отбора, обработки и управления данными по своей профессиональной тематике значительно вырос по сравнению с 2019 г. Почти половина респондентов, владеющих навыком, уверенно ответили, что умеют искать, отбирать и анализировать информацию (45,2% в исследовании 2022 г. против 22% в исследовании 2019 г.).

Навык управления своим временем при работе с цифровыми технологиями респонденты оценили также, как в 2019 г., что может говорить о том, что некоторые проблемы остаются и можно выделить ресурсы для повышения квалификации по данному навыку.

Среди утверждений, характеризующих уровень сформированности **стратегических** информационных компетенций можно выделить: 1. «Я могу отличить надежные источники информации от менее надежных при поиске и работе с информацией»; 2. «Я знаю, что такое «цифровой след» и умею им управлять»; 3. «Я понимаю основные риски Интернета и знаю, как ими грамотно управлять». Динамика ответов на данные вопросы представлена на Рисунке 4.

* 25,8% респондентов затруднились ответить на вопрос

** 3,2% респондентов затруднились ответить на вопрос

Рисунок 4. Динамика ответов на вопросы, характеризующих стратегические информационные компетенции, в % (составлено автором)

Как видно из Рисунка 4, наибольшая отрицательная динамика наблюдается именно в сформированности стратегических компетенций. Респонденты стали менее уверены в умении отличить надежные источники информации от ненадежных (22,6% респондентов в исследовании 2022 г. отрицательно ответили на соответствующее утверждение). Полученные ответы могут быть связаны с массовым увеличением фейков в сети интернет, касающихся мировой политической повестки, что, соответственно, снизило уровень доверия к информации в целом, в том числе, к профессиональной информации. Треть респондентов в 2022 г. отметили, что не понимают основных рисков интернета и не умеют ими управлять. Такой большой прирост респондентов, считающих, что они не владеют данным навыком, также может быть связан с общим снижением доверия к источникам информации в интернете.

По-прежнему отсутствует понимание, что такое «цифровой след» и какие данные можно отнести к этому понятию, о чем свидетельствует, помимо прочего, большой процент затруднившихся ответить (25,8%). Данный факт может быть связан с увеличением процессов, связанных с использованием цифровых технологий, а также с общим снижением доверия к интернету, защите данных и информационным ресурсам в целом.

Постоянное внедрение информационных технологий в сферу образования, а также относительно невысокие оценки респондентами навыков работы с техническими средствами и стратегических информационных компетенций, не повлияло на тот факт, что почти треть

респондентов не готовы постоянно повышать свои технические компетенции (Рисунок 5). Среди возможных причин, респонденты называли отсутствие времени (22,6%), мотивации (29%), недостаточное техническое оснащение университета (9,7%), отсутствие возможности для повышения квалификации в стенах университета (3,2%), предубеждения против информационных технологий в силу пожилого возраста преподавателей (3,2%) и другое.

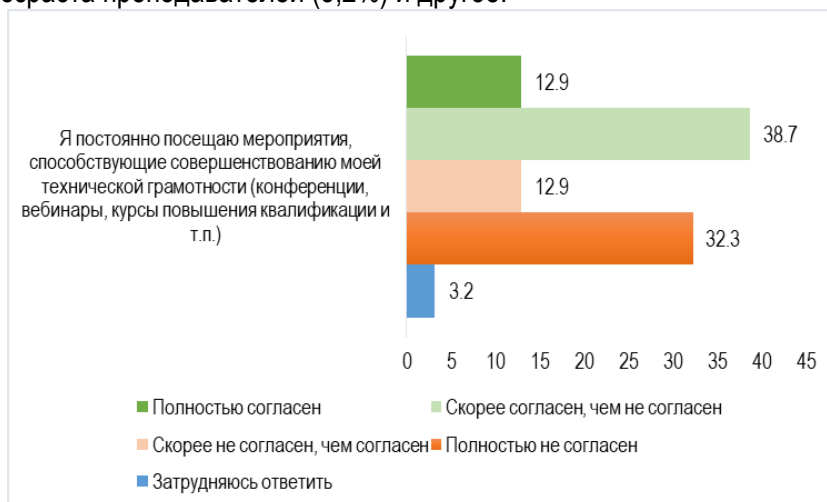

Рисунок 5. Отношение респондентов к утверждению «Я постоянно посещаю мероприятия, способствующие совершенствованию моей технической грамотности (конференции, вебинары, курсы повышения квалификации и т.п.), в % (составлено автором)

Несмотря на то, что почти половина респондентов показала неготовность к постоянному повышению своей технической грамотности (51,6% опрошенных по сумме ответов «Полностью не согласен» и «Скорее не согласен, чем согласен»), при ответе на открытый вопрос о том, какие меры могли бы способствовать повышению технических компетенций преподавателей, многие респонденты предлагали проведение курсов повышения квалификации, проведение мастер-классов от технических специалистов и другие подобные мероприятия.

Выводы

Пандемия Covid-19 принесла с собой множество изменений, связанных с цифровизацией процессов жизнедеятельности общества, особенно сильно повлияв на образовательное медиапространство: изменились каналы коммуникации, сама организация образовательного процесса, административные функции и механизмы их реализации. Многие вузы столкнулись с вызовами, которые выявили ряд проблем, и нашли собственные инновационные решения для них.

Исследование информационных компетенций участников образовательного процесса представляется важным, так как без комплексной работы с людьми невозможно качественный цифровой переход. Причем, наиболее существенная работа должна проводиться не только на уровне технического переоснащения и обучения сотрудников работе с новым оборудованием, но и с формированием стратегических информационных компетенций, связанных с умением управлять своим временем, находить достоверную информацию, навыками рефлексии собственных профессиональных задач и их переработки с уклоном на использование технических средств и т.п.

Исследования, проведенные автором в 2019 и 2022 гг. показали, что именно аналитические и стратегические информационные компетенции являются слабым местом в управлении образовательным медиапространством, особенно в условиях перенасыщенности источников информации в сети и недоверием к ним, связанной с большим количеством фейков и недостоверной информации.

Также большое внимание следует уделить мотивации сотрудников к постоянному повышению своей технической грамотности, используя при этом не методы административного давления, а оптимизацию рабочего времени преподавателей, увеличение финансовой заинтересованности в виде отдельной статьи в эффективном контракте или премирования, а также, несомненно, организацию доступности курсов повышения квалификации в рамках самой организации, или финансовую помощь в прохождении курсов в других вузах.

Литература:

1. Кирилина, Т. Ю. Отношение профессорско-преподавательского состава к изменению образовательных практик, связанных с цифровизацией процесса образования (на примере работы с балльно-рейтинговой системой) / Т. Ю. Кирилина, К. В. Лапшинова // Социально-гуманитарные технологии. – 2021. – № 4(20). – С. 11-18
2. Когтева, У.А. Информационные компетенции субъектов образовательного медиапространства в условиях цифровизации / У.А. Когтева // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2020. – №6. – С.70-75
3. Когтева, У.А. Информационные компетенции участников образовательного процесса в медиапространстве современного университета / У.А. Когтева, Т.Ю. Кирилина // Социальная политика и социология. – 2019. – Т.18. - №2. – С.35-44
4. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 25 октября 2016 г. № 9) [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – 2016. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBGjAN89vZbUUtmuF5IZYftvOAG.pdf> (дата обращения: 07.09.2022)
5. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. №203 [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Президента Российской Федерации. – 2017. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 07.09.2022).

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ОБ АВТОРАХ:

Н.Г. Жарких,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет», Орел, Россия.

С.С. Костыря

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

N.G. Zharkih,

PhD in Psychology, associate professor, Department of Social Psychology and Acmeology, Oryol State University. I.S. Turgenev, Oryol, Russia.

S.S. Kostyrya,

PhD {Psychology}, Associate professor, Associate professor of the Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ

Жарких Н.Г., Костыря С.С.

В статье анализируются результаты исследования психологических защит у людей, имеющих разный уровень субъективного контроля. В исследовании анализируются и сравниваются психологические защиты у лиц с экстернальным и интернальным типом контроля. Обнаружены различия в психологических защитах у «экстерналов» и «интерналов». Как показали результаты исследования, «интерналы» чаще используют более зрелые типы психологических защит, обладают более вариативным репертуаром реакций на стресс.

Психологическая защита личности, локус субъективного контроля, зрелые и незрелые психологические защиты.

Для цитирования: Жарких Н.Г., Костыря С.С. Психологические защиты у лиц с разным уровнем субъективного контроля // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 47-53.

PSYCHOLOGICAL DEFENSES OF INDIVIDUALS WITH DIFFERENT LEVELS OF SUBJECTIVE CONTROL

Zharkih N.G., S.S. Kostyrya

The article analyzes the results of a study of psychological defenses in people with different levels of subjective control. The study analyzes and compares psychological defenses in individuals with external and internal control types. Differences in psychological defenses of "externals" and "internals" were found. As the results of the study showed, internals more often use more mature types of psychological defenses and have a more variable repertoire of reactions to stress.

Professional selection, values of the subject of professional activity, success of professional activity.

For citation: Zharkih N.G., Kostyrya S.S. Psychological defenses of individuals with different levels of subjective control. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 47-53. (In Russ.)

Механизмы психологической защиты – это неотъемлемая часть выживания и развития личности. Эти механизмы предохраняют личность от различного рода отрицательных эмоциональных переживаний и перцепций, сохраняют психологическую стабильности, помогают разрешить внутриличностные конфликты и, как правило, протекают на бессознательном и подсознательном психологических уровнях.

Защитные механизмы личности бессознательно оберегают психику от травм, которые могут причинить ей реальные жизненные ситуации, грозящие разрушить Я-концепцию личности, которая

складывалась до этого на протяжении всей жизни человека. Но вместе с тем эти механизмы могут препятствовать осознавать свои заблуждения относительно собственных черт характера и мотивов поведения, которые меняются под воздействием разных внешних и внутренних факторов, что зачастую затрудняет эффективное разрешение личных проблем.

Изучению такого явления как психологические защиты посвящено множество научных работ и публикаций. Например, достаточно хорошо изучена проблема полоролевых особенностей во взаимосвязи с механизмами психологической защиты.

Малоизученной остается проблема изучения взаимосвязи различных свойств личности и особенностей механизмов психологической защиты.

Одна из важнейших характеристик личности - степень независимости, самостоятельности и активности человека в достижении своих целей, принятие личной ответственности за происходящие с ним события. Люди различаются между собой по тому, где они локализуют контроль над значимыми для себя событиями. Возможны два локуса контроля и соответственно два типа людей:

1) «Экстерналы» – те, кто полагают, что происходящие с ним события являются результатом внешних сил, случая, обстоятельств, других людей и т.п.

2) «Интерналы» – те, кто интерпретирует значимые события как результат собственных усилий.

Проблематика взаимосвязи механизмов психологических защит и уровнем интернальности личности еще мало изучена. В предлагаемом исследовании эмпирически выявляются особенности механизмов психологических защит у лиц с разным локусом контроля.

Целью исследования было - выявление связи между типом субъективного контроля и определенными видами психологической защиты личности.

Проверялась гипотеза: существует связь между типом субъективного контроля (интернальность-экстернальность) и проявлением психологических защитных механизмов личности.

Частные гипотезы:

- Вероятнее всего, для людей с высоким уровнем интернальности характерны «зрелые» психологические защиты, такие как проекция, компенсация, интеллектуализация и реактивное образование.
- Вероятнее всего, для людей с высоким уровнем экстернальности характерны «незрелые» психологические защиты, такие как отрицание, подавление, регрессия, замещение.

Для исследования выбраны две психодиагностические методики:

Опросник Плутчика–Келлермана–Конте «Индекс Жизненного Стиля» (LSI - Life Style Index) в модификации Е.С.Романовой Л.Р.Гребеникова. Методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера (Locus of control scale) в модификации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной.

Первая методика позволяет выявить профиль защитных механизмов личности. Вторая методика необходима для определения локуса контроля.

Для проверки гипотезы использовался расчет коэффициента корреляции Спирмена.

Место проведения исследования: г. Пушкино, г. Королев.

Описание испытуемых: в исследовании приняли участие 28 человек. Из них 10 мужчин и 18 женщин. Возраст испытуемых от 19 лет (4 человека), остальные от 30 до 50 лет.

Для проверки эмпирической гипотезы было организовано эмпирическое исследование.

На основании данных из таблицы 1 построена диаграмма «Обобщенная структура использования испытуемыми различных видов защит» (Рис.1), которая показывает процентное соотношение всех видов защит в группе испытуемых.

Рисунок 1. Обобщенная структура использования участниками исследования различных видов защит

По методике УСК определен уровень общей интернальности испытуемых. Далее сравнили результаты с нормой 5,5 стенов. Отклонение вправо (6 и более стенов) свидетельствует об интернальном типе уровня субъективного контроля в соответствующих ситуациях, отклонение влево (5 и менее стенов) свидетельствует об экстернальном типе.

Для наглядности полученные данные отражены на графике (Рис. 2). Значения выше оси – интернальность, ниже оси – экстернальность.

Анализ результатов

Для проверки гипотезы были использованы методы математической статистики. Корреляционный анализ между результатами методик ИЖС и УСК был проведен с помощью критерия Спирмена r .

Произведен расчет коэффициента корреляции Спирмена. Корреляция между уровнем интернальности и степенью выраженности каждой из психологических защит незначительна и не достигает уровня статистической значимости.

Это говорит о том, что высокие или низкие показатели по общей интернальности не имеют тенденции совпадать с высокими или низкими показателями по всем видам психологических защит.

На втором этапе для проверки гипотезы все испытуемые были разделены на две группы – интерналы и экстерналы. К группе интерналов отнесены лица с показателем общей интернальности 6 и более стенов. К группе экстерналов отнесены лица с показателем общей интернальности 5 и менее стенов.

Произведен расчет коэффициента корреляции Спирмена (Табл.1)

Таблица 1.

Коэффициенты корреляции Спирмена для группы «интерналов» и «экстерналов»

Виды защит	R1	R2
«Отрицание»	0,87	0,12
«Подавление»	-0,46	-0,19
«Регрессия»	0,05	0,08
«Компенсация»	0,44	0,38
«Проекция»	0,49	-0,05
«Замещение»	0,15	-0,07
«Интеллектуализация»	-0,04	-0,25
«Реактивное образование»	-0,23	0,56

Интерпретация результатов:

▶ существует значимая положительная корреляционная связь ($r > 0,7$) между показателями интернальности и защитным механизмом отрицание ($r = 0,87$) в группе интерналов. Т.е., чем выше у человека уровень интернальности (ответственности...), тем чаще у него возникает такая

психологическая защита как отрицание. Может быть, такая реакция возникает в ответ на их стремление все держать под контролем, а если это не получается-они это избегают (отрицают)

- ▶ существует умеренная положительная корреляционная связь ($0,3 < r < 0,7$) между показателями интернальности и защитным механизмом компенсация ($r=0,44$) и проекция ($r=0,49$) в группе интерналов.

- ▶ существует умеренная отрицательная корреляционная связь ($0,3 < r < 0,7$) между показателями интернальности и защитным механизмом подавление ($r = -0,46$) в группе интерналов.

- ▶ существует умеренная положительная корреляционная связь ($0,3 < r < 0,7$) между показателями интернальности и защитным механизмом компенсация ($r=0,44$) и реактивное образование ($r=0,56$) в группе экстерналов.

Выводы: В каждой из групп (интерналы и экстерналы) корреляция между уровнем интернальности и степенью выраженности каждой из психологических защит не достигает уровня статистической значимости.

На третьем этапе для проверки частных гипотез все испытуемые были разделены на две группы – интерналы и экстерналы. Кроме того, все защиты тоже были разделены на две группы: «незрелые» и «зрелые». Составлена таблица, в которой представлено процентное соотношение видов защит по группам интерналов и экстерналов. Для наглядности в таблице выделены «незрелые» защиты зеленым цветом и «зрелые» защиты оранжевым цветом.

Таблица 2.
Процентное распределение «зрелых» и «незрелых» защит в 2-х группах

Защита/группы	Интерналы	Экстерналы
Отрицание	12,0%	16,0%
Подавление	13,5%	11,2%
Регрессия	14,6%	15,3%
Замещение	14,8%	10,7%
Проекция	5,5%	8,0%
Компенсация	15,5%	14,3%
Интеллектуализация	12,2%	10,5%
Реактивное образование	11,9%	13,9%

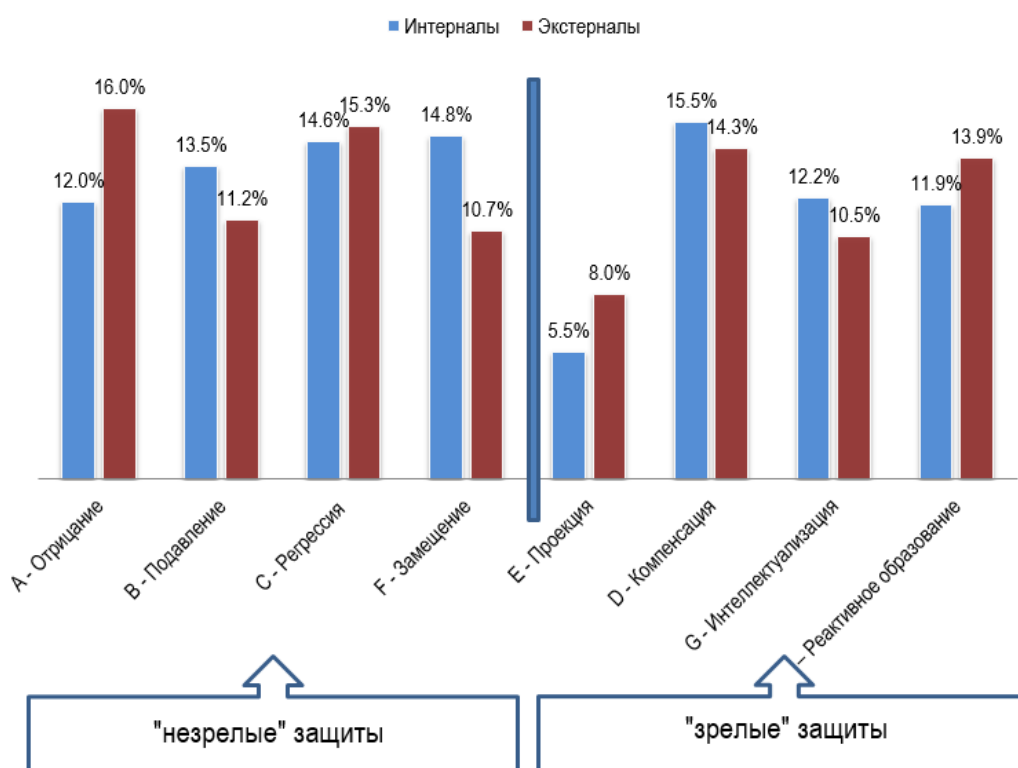

Рисунок 2. Процентное распределение «зрелых» и «незрелых» защит в группах испытуемых

На основе полученных данных можно сделать заключение о том, что представители обоих типов (интерналы и экстерналы) используют все типы защит, как «зрелые» (отрицание, подавление, регрессия, замещение), так и «незрелые» (проекция, компенсация, интеллектуализация, реактивное образование). Не прослеживается тенденция у интерналов использовать «зрелые» защиты, а у экстерналов – «незрелые» защиты.

Наша гипотеза подтвердилась частично. В проведенном исследовании оказалось, что не существует корреляционной связи между типом субъективного контроля (интернальность-экстернальность) и степенью выраженности психологических защитных механизмов личности. То есть, структура психологической защиты каждого человека уникальна и не зависит от склонности человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам либо собственным способностям и усилиям.

Возможно, такие результаты получены только на исследуемой выборке. А результаты по другой выборке, с большим количеством испытуемых, могли бы быть другими.

Защитные механизмы личности формируются в раннем детстве под влиянием родительских способов поведения на эмоциональное состояние ребенка, и такую систему защит, сформированных в детстве, человек использует почти всю жизнь.

Интернальность и экстернальность - это личностные черты, которые не являются врожденными и неизменными, они формируются в детстве и подростковом возрасте. Формирование ответственности, и как следствие локуса контроля, прямо связано с предоставлением личности свободы в принятии решений.

Таким образом, система защиты человека и локус контроля формируются в разные периоды «взросления». Действие защитных механизмов относится к бессознательному, и поэтому структура защитных механизмов относительно стабильна и мало поддается коррекции. Локус контроля напротив не является довольно устойчивой личностной характеристикой, он подвержен коррекции за счет социального переучивания или в ходе психотерапевтической работы, что доказано многими исследованиями.

1. Интерналы и экстерналы используют все типы защит как «зрелые», так и «незрелые». Не прослеживается тенденции у интерналов использовать «зрелые» защиты, а у экстерналов – «незрелые» защиты.

2. В результате проведенного исследования также выявлено следующее:

- ✓ Самый малоиспользуемый вид защиты – проекция (7%), а остальные встречаются примерно одинаково от 11 до 15 %. Механизм проекция типичен для детей, однако некоторые взрослые также активно используют эту защиту. В исследуемой выборке этот механизм сильно выражен только у 4 человек.
- ✓ Интерналы чаще экстерналов используют замещение (14,8% и 10,7% соответственно). Кроме того незначительный перевес в использовании механизмов подавления, компенсации и интеллектуализации.
- ✓ Экстерналы чаще интерналов используют отрицание (16% и 12% соответственно), проекцию (8% и 5,5%) и реактивное образование (13,9% и 11,9%).
- ✓ Среди интерналов преобладает компенсация (15,5%), замещение (14,8%), регрессия (14,6%)
- ✓ Среди экстерналов преобладает отрицание (16%), регрессия (15,3%), компенсация (14,3%).

При сравнении выборки по полу, были получены результаты, которые не противоречат ранее полученным результатам (Рис. 3)

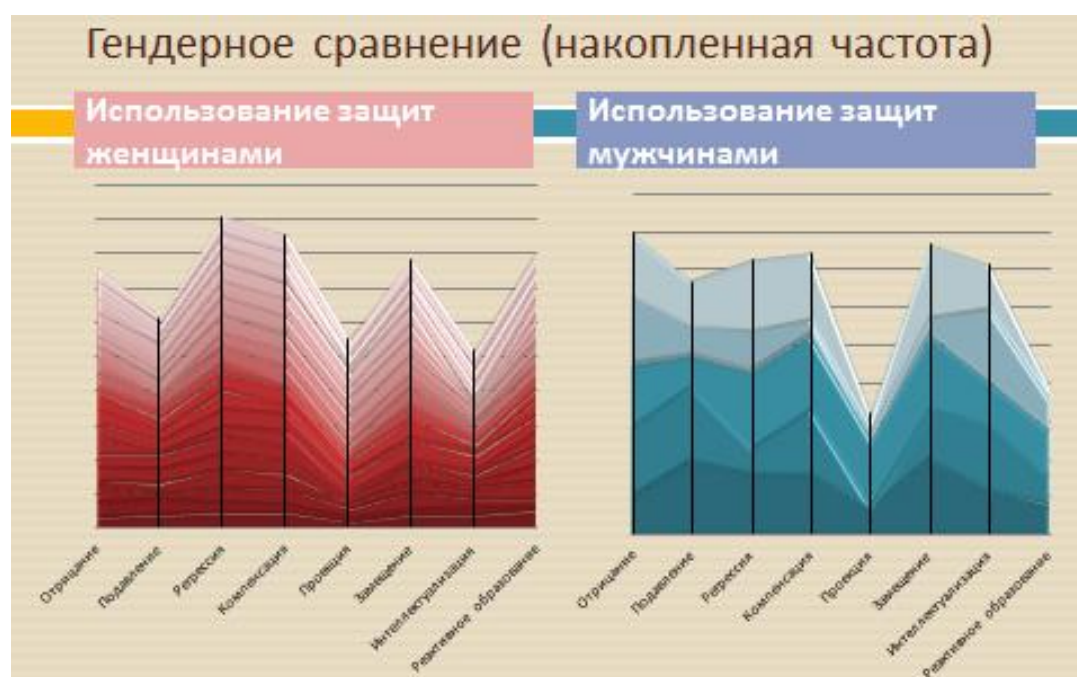

Рисунок 3. Сравнение выборки по полу с разными психологическими защитами

- ✓ Женщины значительно чаще мужчин используют реактивное образование и регрессию. «Регрессия является формой защиты, состоящей в возвращении к ранним, связанным с детством типам поведения, в переходе на более ранние уровни психического развития, когда она чувствовала себя в безопасности» [3]. К сожалению, регрессия, как и реактивные образования, характеризует инфантильную и невротическую личность
- ✓ Мужчины чаще используют интеллектуализацию. Данная форма психологической защиты обнаруживается в бессознательном контроле над эмоциями, который больше присущ мужчинам (по результатам многочисленных исследований), путем чрезмерного полагания на рациональное истолкование событий. В данном случае человек признает травмирующий факт, подвергает его интеллектуальному анализу, но отказывается от переживания отрицательных эмоций [3].

Полученные данные можно учитывать в процессе психологического консультирования, оказания психологической помощи. Хотя защитные механизмы личности формируются в раннем детстве под влиянием родительских способов поведения, общей семейной ситуации и условий, в которых растет ребенок, но в дальнейшем человек использует их почти всю жизнь.

«Интернальность» и «экстернальность» - это не врожденные и неизменные личностные черты, они формируются в детстве и подростковом возрасте и, по мнению поведенческих психологов, их преобладание обусловлено социальным научением. Формирование ответственности, и как следствие локуса контроля, прямо связано с предоставлением личности свободы в принятии решений.

Таким образом, система защиты человека и локус контроля формируются в разные периоды «взросления». Действие защитных механизмов относится к бессознательному и поэтому структура защитных механизмов относительно стабильна и мало поддается коррекции. Локус контроля напротив, не является довольно устойчивой личностной характеристикой, он подвержен коррекции за счет социального переучивания или в ходе психотерапевтической работы, что доказано многими исследованиями, например, в процессе когнитивно-поведенческой и экзистенциальной психотерапии.

При работе с данной проблематикой необходимо помнить, что защитные механизмы:

- это естественное противостояние человека окружающей среде,
- это способы, которыми личность защищает себя от внутренних и внешних напряжений,
- они бессознательно предохраняют человека от эмоционально-негативной перегрузки,

- все кажущиеся разнообразными «техники» можно свести, в принципе, к единой функции: «Что бы ни делать, как бы ни делать, лишь бы достичь комфортного состояния, безопасности».

Система защиты человека и локус контроля формируются в разные периоды «взросления».

Действие защитных механизмов относится к бессознательному и поэтому структура защитных механизмов относительно стабильна и мало поддается коррекции.

Локус контроля напротив не является довольно устойчивой личностной характеристикой, он подвержен коррекции за счет социального переучивания или в ходе психотерапевтической работы, что доказано многими исследованиями.

Вероятно, это является причиной того, что наша гипотеза о связи этих явлений не подтвердилась. Также, причиной таких результатов могли стать особенности нашей выборки: всего 35% испытуемых имели выраженные тенденции общей интернальности, остальные 65% - средние значения.

Представленная работа содержит материал, который будет полезен в дальнейшей исследовательской работе по проблематике функционирования психологических защит личности. Обнаруженные корреляционные связи личностных особенностей и защитных механизмов полезны в практической деятельности для диагностики преобладающего вида психологической защиты и в психокоррекционной работе.

Литература:

1. Грабовский, А.И., Чибискова, О.В., Взаимосвязь защитных механизмов личности с системной структурой мотивации старших подростков. Журнал «Системная психология и социология», 2010 г. Том 1 № 1.
2. Грановская, Р.М., Никольская, И.М. Защита личности: психологические механизмы. СПб., 2019.
3. Носов, С.С., Взаимосвязь психологических защит с полоролевой идентификацией. Диссертация на соискание канд. пс. н., МГУ. – 2011 г.

ОБ АВТОРАХ:

Ю.В. Лисичкина, аспирант 3 года обучения {Психологические науки}, кафедра гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

Y.W. Lisichkina, 3rd year post-graduate student {Psychology}, Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 159.99**РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ ОПРОСНИКА «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ Я-ПЕРСПЕКТИВНОЕ»**

Лисичкина Ю.В.

Представлена многошкальная опросная методика «Профессиональное Я-перспективное», позволяющая диагностировать степень развития Я-образа субъекта профессиональной деятельности и его типичные профили, компонентами которых являются профессиональные установки, ценности, карьерные ориентации, уровень развития автономии, самостоятельности в профессиональной деятельности, самооценка личности как субъекта труда. Методика пригодна для научных исследований, а также в качестве диагностического инструмента в процессе профессионального отбора. Уровень развития профессионального Я-перспективного является значимой детерминантой профессионального самоопределения и эффективности деятельности субъекта труда.

Знание типичного профиля профессионального Я-перспективного дает значимую информацию для решения задач профессионального самоопределения, оценок самооэффективности, профессиональной автономии и идентичности. В статье изложены общая характеристика опросника, результаты оценки его надежности и валидности.

Я-перспективное, субъект профессиональной деятельности, опросник, типичный профиль.

Для цитирования: Лисичкина Ю.В. Результаты апробации опросника «Профессиональное Я-перспективное» // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 54-63.

QUESTIONNAIRE "PROFESSIONAL I-PERSPECTIVE": GENERAL CHARACTERISTICS, RELIABILITY AND EXTERNAL VALIDITY

Lisichkina Y.W.

A multi-scale survey technique «Professional I-perspective» is presented, which allows diagnosing the degree of development of the I-image of the subject of professional activity and its typical profiles, the components of which are professional attitudes, values, career orientations, the level of development of autonomy, independence in professional activity, self-esteem of the individual as a subject labor. The technique is suitable for scientific research, as well as a diagnostic tool in the process of professional selection. The level of development of the professional I-perspective is a significant determinant of professional self-determination and the effectiveness of the activity of the subject of labor. Knowledge of a typical profile of a professional I-perspective provides significant information for solving problems of professional self-determination, self-efficacy assessments, professional autonomy and identity. The article describes the general characteristics of the questionnaire, the results of assessing its reliability and validity.

I-perspective, subject of professional activity, questionnaire, typical profile.

For citation: Lisichkina Y.W. Questionnaire "Professional I-perspective": general characteristics, reliability and external validity. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 54-63. (In Russ.)

Введение в проблему. В современной психологической науке изучение профессионального Я-образа сопряжено с разработкой проблем становления субъекта профессиональной деятельности, профессиональных ценностей, здоровья и безопасности [1,2,3,4,7 и др.], что обуславливает актуальность определения профессионального Я-перспективного субъекта как результата рефлексии собственного профессионального прошлого и настоящего. Категория профессионального Я-образа выступает в роли психологической детерминанты развития профессионального самосознания субъекта. Значимые психологические изменения, характеризующие деятельность субъекта профессиональной деятельности, детерминированы спецификой восприятия и особенностями трансформации образов субъекта, формируемых в условиях трудовой активности [6]. Вопрос о специфике подобных трансформаций профессионального Я-образа остается открытым. Профессиональное Я-перспективное, включенное в структуру целостного представления субъекта о себе, в соотношении с представлениями субъекта о прошлом и настоящем, практически не разрабатывается. В этой связи является актуальным создание конструктивного средства изучения специфики и динамики профессионального Я-перспективного, которое определяется как сложно структурированная система психических процессов, выражающаяся в актуальном осознании себя в будущей профессиональной деятельности. Содержание профессионального Я-перспективного включает систему представлений человека о себе, оценочные суждения о себе как субъекте профессиональной деятельности в будущем, особенности целевых установок по отношению к профессиональному развитию.

В настоящее время в современной практике профессиональной психодиагностики наблюдается пробел, который, по нашему мнению, может быть восполнен при условии создания метода определения профессионального Я-перспективного, позволяющего определить особенности саморефлексии интенций субъекта, детерминирующих его профессиональную идентичность.

Целью настоящего исследования стало создание опросника «Профессиональное Я-перспективное» и на его основе определение типичных профилей профессионального Я-образа.

Общая характеристика опросника «Профессиональное Я-перспективное». Опросник включает 25 утверждений, которые построены на типичных профессиональных ситуациях и не имеют непосредственной связи со спецификой какой-либо профессии. Цель методики – диагностика представлений личности о себе как субъекте профессиональной деятельности в прошлом, настоящем и будущем.

Испытуемый оценивает собственные профессиональные качества и деятельность по 10-балльной системе. Испытуемый оценивает, насколько точно утверждение описывает его отношение к профессии, по которой он обучается или в которой он сейчас работает, к себе как будущему профессионалу. В приведенных в таблице клетках проставляется оценка, где 1 – низкий, 10 – высокий уровень проявления ситуации. Оценка прошлого предполагает самооценивание испытуемым ситуаций, которые происходили 5–7 лет до периода диагностики; оценка настоящего предполагает актуальное восприятие ситуации, оценка будущего – представления субъекта тех же ситуаций через 5–7 лет.

Ситуации отражены в высказываниях, представляющих следующие аспекты:

I. Профессиональное самоопределение: удовлетворенность профессиональным выбором; удовлетворенность содержанием профессиональной деятельности; интерес к профессиональной деятельности; удовлетворенность вознаграждением за деятельность.

II. Целенаправленность профессиональной деятельности: умение ставить цели, связанные с профессией; умение достигать целей, связанных с профессией; планирование профессиональной карьеры.

III. Профессиональная самооэффективность: профессиональная успешность; самореализация в профессии; уровень профессионального мастерства; уверенность в себе как профессионале; готовность к экстремальным ситуациям в деятельности; профессиональный опыт; безошибочность деятельности.

IV. Ценностные позиции по отношению к профессии: понимание значимости профессии для общества; интерес к творчеству; инновации в профессиональной деятельности; интерес к руководящей и наставнической деятельности.

V. Профессиональная автономия: наличие необходимой информации для выполнения профессиональной деятельности; понимание содержания деятельности; дисциплинированность при выполнении деятельности; самостоятельность; готовность самостоятельно принимать решения для изменений в организации; управленческие компетенции.

Разница в оценивании прошлого и настоящего испытуемым фактора «Профессиональное самоопределение» 1 – 3 балла (повышение (ПО) или снижение оценок (СО)) свидетельствует о высокой устойчивости профессиональных установок относительно выбора профессии и условий профессиональной среды. Разница 4 – 6 баллов (ПО): повышение уровня удовлетворенности и формированием профессионального Я-образа; 4 – 6 баллов (СО): снижение уровня удовлетворенности самоопределением в данной профессии, являющейся предпосылкой профессиональной маргинализации субъекта. Разница 7 – 10 баллов (ПО): высокий уровень удовлетворенности собственным выбором как один из показателей профессиональной идентичности, позитивный профессиональный Я-образ. Разница 7 – 10 баллов (СО): маргинализация субъекта деятельности; негативный или неопределенный профессиональный Я-образ.

Разница в оценивании настоящего и будущего испытуемым фактора «Профессиональное самоопределение» 1 – 3 балла (ПО или СО) свидетельствует о высокой устойчивости профессиональных установок относительно выбора профессии и условий профессиональной среды и динамике профессионализации. Разница 4 – 6 баллов (ПО): установки на повышение профессионального статуса с целью решения профессиональных задач и реализации жизненных планов. 4 – 6 баллов (СО): неудовлетворенность показателями профессиональной деятельности и направленность на изменение условий и содержания деятельности, недостаточная удовлетворенность профессиональным самоопределением. Разница 7 – 10 баллов (ПО): высокий уровень неудовлетворенности настоящим профессиональным статусом, негативный профессиональный Я-образ, маргинализация субъекта деятельности. Разница 7 – 10 баллов (СО): высокий уровень маргинализации, неудовлетворенности реализацией карьерных установок в выбранной профессиональной деятельности.

Разница в оценивании прошлого и настоящего испытуемым фактора «Целенаправленность профессиональной деятельности» 1 – 3 балла (ПО) или СО) свидетельствует о высоком уровне устойчивости выбранных профессиональных целей, стремлении к достижению целей деятельности, планирования своей профессиональной карьеры. Разница 4 – 6 баллов (ПО): прогрессивная динамика целеобразований личности, восприятие себя как развивающегося субъекта профессиональной деятельности; 4 – 6 баллов (СО): снижение мотивации достижения в профессиональной деятельности, изменение профессиональных интересов, негативное отношение к себе как субъекту выбранной профессиональной деятельности. Разница 7 – 10 баллов (ПО): высокий уровень готовности к профессиональной деятельности и построению карьеры. Разница 7 – 10 баллов (СО): маргинализация субъекта деятельности; негативный профессиональный Я-образ, установки на смену профессии.

Разница в оценивании настоящего и будущего испытуемым фактора «Целенаправленность профессиональной деятельности» 1 – 3 балла (ПО или СО) свидетельствует об устойчивости выбранных профессиональных целей, стремлении к достижению целей деятельности, планирования своей профессиональной карьеры. Разница 4 – 6 баллов (ПО): позитивное отношение к профессиональной деятельности, стремлению к самосовершенствованию в профессии. Разница 4 – 6 баллов (СО): снижение интереса к деятельности, признаки формального отношения к решению целей и задач профессиональной деятельности. Разница 7 – 10 баллов (ПО): высоко развитые установки на достижение целей в профессиональной деятельности, построении карьеры, повышение профессионального статуса. Разница 7 – 10 баллов (СО): профессиональная маргинализация, неуверенность в себе как профессионале в выбранном виде деятельности.

Разница в оценивании настоящего и прошлого испытуемым фактора «Профессиональная самооэффективность» 1 – 3 балла (ПО или СО) свидетельствует об устойчивости в восприятии

собственной профессиональной успешности/неуспешности, реализации своих способностей, восприятия себя как профессионала. Разница 4 – 6 баллов (ПО): восприятие себя как типичного представителя данной профессиональной деятельности, позитивный профессиональный Я-образ. Разница 4 – 6 баллов (СО): негативный профессиональный Я-образ, возможно, обусловленный профессиональным выгоранием, развивающаяся неуверенность в себе как признак маргинализации, установки на изменение себя как субъекта профессиональной деятельности. Разница 7 – 10 баллов (ПО): высокий уровень достижения профессионального мастерства, готовность к выполнению сложных задач в особых условиях, профессиональный перфекционизм. Разница 7 – 10 баллов (СО): отрицательные эмоции относительно выбранной профессиональной деятельности, негативный профессиональный Я-образ, профессиональная маргинализация, мотивация избегания неудач.

Разница в оценивании настоящего и будущего испытуемым фактора «Профессиональная самоэффективность» 1 – 3 балла (ПО или СО) свидетельствует об устойчивости в восприятии собственной профессиональной успешности/неуспешности, реализации своих способностей, восприятия себя как профессионала. Разница 4 – 6 баллов (ПО): стремление к профессиональному совершенствованию, реализации себя как профессионала. Разница 4 – 6 баллов (СО): неуверенность в себе как субъекте профессиональной деятельности, развивающаяся мотивация избегания неудач, негативный профессиональный Я-образ. Разница 7 – 10 баллов (ПО): низкий уровень уверенности в себе, высокий уровень мотивации изменения профессионального статуса, повышения профессионального уровня. Разница 7-10 баллов (СО): неготовность осуществлять деятельность в заданных условиях или в данной профессиональной среде, мотивация избегания, низкая самооценка себя как профессионала.

Разница в оценивании настоящего и прошлого испытуемым фактора «Ценностные позиции по отношению к профессии» 1 – 3 балла (ПО или СО) свидетельствует об устойчивости профессиональных ценностей, интереса к творческим составляющим и инновационным разработкам в работе, восприятия своего профессионального статуса. Разница 4 – 6 баллов (ПО): стремление к творческой деятельности, позитивное восприятие инновационных элементов в профессии, к управленческой или наставнической деятельности. Разница 4 – 6 баллов (СО): снижение интереса к деятельности, повышение негативных установок по отношению к себе как представителю данной профессии. Разница 7 – 10 баллов (ПО): выраженный интерес к самореализации в творческой профессиональной деятельности, стремление к использованию и разработкам инноваций, к изменению профессионального статуса. Разница 7 – 10 баллов (СО): отсутствие интереса к данному виду профессиональной деятельности, выраженная установка на изменение профессиональной ситуации (статуса или организации).

Разница в оценивании настоящего и будущего испытуемым фактора «Ценностные позиции по отношению к профессии» 1 – 3 балла (ПО или СО) свидетельствует об устойчивости профессиональных ценностей, интереса к творческим составляющим и инновационным разработкам в работе, восприятия своего профессионального статуса. Разница 4 – 6 баллов (ПО): позитивные установки к изменению себя как профессионала, вера в собственные возможности, качественному выполнению творческих заданий и реализации новаторских подходов и разработок. Разница 4 – 6 баллов (СО): выраженное снижение интереса к деятельности, повышение уровня формального отношения к решению профессиональных задач. Разница 7-10 баллов (ПО): высокий уровень стремления к изменению профессионального статуса за счет реализации собственных возможностей и развивающихся способностей. Разница 7 – 10 баллов (СО): разочарование в себе как профессионале, потеря интереса к деятельности, профессиональная маргинализация.

Разница в оценивании настоящего и прошлого испытуемым фактора «Профессиональная автономия» 1 – 3 балла (ПО или СО) свидетельствует об устойчивости уровня развития профессиональной автономии, выраженной в способности самостоятельно регулировать собственную профессиональную деятельность, управлять собственными функциональными состояниями, самостоятельно принятии решений, уровне ответственности. Разница 4 – 6 баллов (ПО): динамика профессиональной автономии за счет повышения знания компонента готовности к профессиональной деятельности, адаптированности к правилам и требованиям профессиональной деятельности. Разница 4 – 6 баллов (СО): негативное восприятие профессионально Я-образа в

отношении самостоятельности в выполнении профессиональных задач. Разница 7 – 10 баллов (ПО): достижение высокого уровня автономии, выраженной в возможности и способностях принимать самостоятельные решения, высокой дисциплине и ответственности, четкого понимания требований и норм профессиональной деятельности. Разница 7 – 10 баллов (СО): негативный профессиональный Я-образ, профессиональная маргинализация, стремление к изменению вида профессиональной деятельности или профессиональной среды, организации.

Разница в оценивании настоящего и будущего испытуемым фактора «Профессиональная автономия» 1 – 3 балла (ПО или СО) свидетельствует об устойчивости уровня развития профессиональной автономии. Разница 4 – 6 баллов (ПО): выраженное стремление к реализации собственной самостоятельности, саморегуляции принятия решений, осуществлению управленческих функций. Разница 4 – 6 баллов (СО): негативный профессиональный Я-образ как самостоятельного субъекта деятельности, чувство зависимости, несвободы, дистанцированности от объекта профессиональной деятельности, снижение ответственности. Разница 7 – 10 баллов (ПО): выраженное стремление к повышению профессиональной автономии, самореализации, управленческой деятельности. Разница 7 – 10 баллов (СО): профессиональная маргинализация, негативный профессиональный Я-образ, низкий уровень ответственности, сниженный уровень саморегуляции.

Надежность и внешняя (конструктивная) валидность опросника. Выборка проверки на надежность теста составила 102 человека (48 мужчин и 52 женщины, средний возраст составлял $26,0 \pm 5,24$ года). Пункты опросника коррелируют (по Спирмену) между собой на уровне значимости $p \leq 0,05$. Обработка результатов исследования проводилась с помощью количественного и качественного анализов, при статистической обработке данных применялся пакет программ («Statistica 20.0», «Microsoft Excel»).

Для проверки надежности – устойчивости через 5 недель после исследования был проведен ретест 85 человек из выборки первичного обследования (38 мужчин и 47 женщин, средний возраст 32 года). Показатели ретестовой надежности в целом и по отдельным пунктам составили от 0,69 до 0,9 (таблица 1). Все значения высоко значимы.

Таблица 1.

Ретестовая надежность по профессиональному Я-образу (Оценка прошлого) (N= 85)

Показатели	R Спирмена		
	Оценка прошлого	Оценка настоящего	Оценка будущего
Профессиональное самоопределение	0,876	0,760	0,456
Целенаправленность профессиональной деятельности	0,692	0,564	0,879
Профессиональная самооэффективность	0,754	0,684	0,675
Ценностные позиции по отношению к профессии	0,801	0,845	0,867
Профессиональная автономия	0,900	0,648	0,877

Все шкалы опросника проверялись на валидность в два этапа:

1. Определение корреляционных связей с показателями теста «Профессиональная идентичность / маргинализм» Е. А.Ермолаевой [2].
2. Определение корреляционных связей каждой шкалы, содержание которых отражено в апробированных и надежных тестах.

Все шкалы опросника «Профессиональное Я-перспективное» коррелируют с показателями теста «Профессиональная идентичность/ маргинализм» (таблица 2).

Таблица 2.
Корреляция профессионального Я-образа и профессиональной идентичности (R Спирмена)

Шкалы	Профессиональная идентичность		
	Оценка прошлого	Оценка настоящего	Оценка будущего
Профессиональное самоопределение	,43**	,64*	0,43*
Целенаправленность профессиональной деятельности	,46*	0,52*	0,76*
Профессиональная самооффективность	,67*	0,46**	0,54**
Ценностные позиции по отношению к профессии	,70*	0,47*	0,44**
Профессиональная автономия	,61*	0,49*	0,54*

** - корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.); * - корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

Профессиональный Я-образ и профессиональная идентичность являются отражением профессионального Я-перспективного: они характеризуют мотивы и стремления субъекта к развитию профессиональными компетенциями, профессиональную вовлеченность, мотивацию к овладению знаниями профессиональных правил, развивающиеся тенденции отношения к профессии.

Шкалы «Профессиональное самоопределение» и «Ценностные позиции по отношению к деятельности» коррелируют с тестом «Якоря карьеры» (Э.Шейн, перевод и адаптация В.А.Чикер, В.Э.Винокурова (таблицы 3 – 4). Тест «Якоря карьеры» для валидации определен по следующим основаниям. С помощью теста определяются основные целевые ориентации, побуждения, ценности и выбор характера профессиональной деятельности, что является одним из значимых аспектов профессионального самоопределения, в частности, степени удовлетворенности субъектом профессиональным выбором, содержанием профессиональной деятельности, уровнем удовлетворенности вознаграждением за выполненную деятельность.

Таблица 3.
Корреляция профессионального Я-образа (шкала «Профессиональное самоопределение») и карьерными ориентациями

Карьерные ориентации	Шкала «Профессиональное самоопределение»		
	Оценка прошлого	Оценка настоящего	Оценка будущего
Профессиональная компетентность	,73**	,76*	,65*
Менеджмент	,67*	,75*	,43*
Автономия	,75*	,65*	,44**
Стабильность	,46*	,46*	,78*
Служение	,57*	,66*	,56**
Вызов	,87*	,61*	,41*
Интеграция стилей жизни	,90**	,54*	,53*
Предпринимательство	,65*	,43*	,87*

** - корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.); * - корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

Таблица 4.
Корреляция профессионального Я-образа (шкала «Ценностные позиции по отношению к деятельности») и карьерными ориентациями

Карьерные ориентации	Шкала «Ценностные позиции по отношению к деятельности»		
	Оценка прошлого	Оценка настоящего	Оценка будущего
Профессиональная компетентность	,33*	,66*	,75*
Менеджмент	,61*	,43*	,63*
Автономия	,35*	,74*	,84**
Стабильность	,45*	,52*	,72*
Служение	,68*	,43*	,56**
Вызов	,71*	,53*	,43*

Карьерные ориентации	Шкала «Ценностные позиции по отношению к деятельности»		
	Оценка прошлого	Оценка настоящего	Оценка будущего
Интеграция стилей жизни	,45**	,59*	,66*
Предпринимательство	,47*	,73*	,54*

** - корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.); * - корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

Как ценностные и целевые ориентиры, определяемые с помощью теста «Якоря карьеры», так и чувство удовлетворенности профессиональным выбором являются близкими понятию профессиональному Я-образу: они предполагают наличие у человека системы представлений о собственной личности в контексте профессиональной деятельности или готовности к ней.

Шкала «Целенаправленность профессиональной деятельности» коррелирует со шкалами «Планирование» и «Оценивание результатов» теста «Стиль саморегуляции поведения (ССПМ)» (В.И. Моросанова) (таблица 5).

Таблица 5.

Корреляция профессионального Я-образа (Шкала «Целенаправленность профессиональной деятельности») и регуляцией планирования и оценивания результатов

Шкалы опросника ССПМ	Шкала «Целенаправленность профессиональной деятельности»		
	Оценка прошлого	Оценка настоящего	Оценка будущего
Планирование	,63**	,86*	,62*
Оценивание результатов	,75*	,45**	,37*

** - корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.); * - корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

Планирование, оценивание результатов деятельности и целенаправленность профессиональной деятельности отражают представления субъекта о собственных возможностях осознанной постановки целей, о собственных потребностях в планировании деятельности и ее оценки, о собственных возможностях изменять профессиональный статус.

Шкала «Профессиональная самооэффективность» коррелирует со шкалами теста жизнестойкости (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова) (таблица 6).

Таблица 6.

Корреляция профессионального Я-образа (Шкала «Профессиональная самооэффективность») и шкалы «контроль» теста жизнестойкости личности

Шкала теста жизнестойкости	Шкала «Профессиональная самооэффективность»		
	Оценка прошлого	Оценка настоящего	Оценка будущего
Контроль	,53*	,46*	,52*

* - корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

Самооэффективность предполагает уверенность в себе как субъекте деятельности, что возможно изучить с помощью шкалы «Контроль» теста жизнестойкости. Профессиональная самооэффективность, выраженная в чувстве уверенности в себе как субъекте профессиональной деятельности и оценка своей способности оценивать и контролировать собственные интенции отражают значимый компонент профессионального Я-образа.

Шкала «Профессиональная автономия» коррелирует с тестом Н.С. Прыгина «Оценка автономии» [5] (таблица 7).

Таблица 7.

Корреляция профессионального Я-образа (Шкала «Профессиональная автономия») и оценки автономии

	Шкала «Профессиональная автономия»		
	Оценка прошлого	Оценка настоящего	Оценка будущего
Оценка автономии	,41*	,65*	,48*

Шкала «Профессиональная автономия» и оценка автономии позволяют выявить уровень ценности для субъекта фактора внешнего контроля, финансовой независимости, руководящих функций, самостоятельности, настойчивости, ответственности за принятые решения, что позволяет определить ментальные доминанты, исходя из которых, субъект формирует свою профессиональную жизнь, в том, числе, перспективы профессиональной деятельности.

Типичные профили профессионального Я-образа

Типичный профиль № 1. Низкий уровень актуального профессионального Я - образа (1 – 3 балла). Разница между настоящим и прошлым 1 – 3 балла (ПО и СО). Разница между настоящим и будущим 1–3 балла (ПО и СО) (Рис.1).

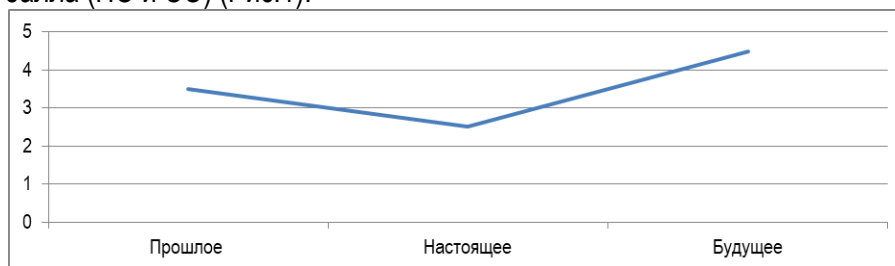

Рисунок 1. Типичный профиль № 1

Для представителей данного профиля характерна устойчивость профессиональных установок, ценностей относительно выбора профессии, профессиональной среды, организационной культуры. Карьерные ориентации не имеют яркой выраженности. Доминирование низкого уровня автономии, выраженного в отсутствии стремления к самостоятельности и низком уровне ответственности за принятие решений. Деятельность не планируется самостоятельно. Устойчивая низкая самооценка, что не позволяет успешно адаптироваться в различных условиях профессиональной деятельности.

Типичный профиль № 2. Низкий уровень актуального профессионального Я-образа. Разница между настоящим и будущим 4-10 баллов (ПО) (Рис.2).

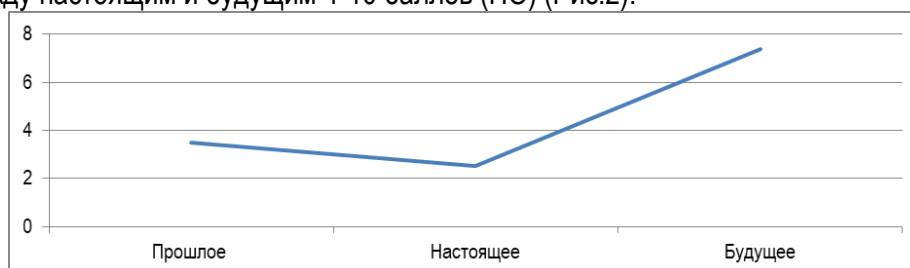

Рисунок 2. Типичный профиль № 2

Представители данного профиля неустойчивы в профессиональных установках, ценностях, убеждениях. У них выражено стремление к изменению профессионального статуса, карьерные ориентации «Вызов» и «Автономия»; стремление к самостоятельному планированию деятельности и независимости.

Типичный профиль № 3. Средний уровень актуального профессионального Я-образа (4 – 6 баллов). Разница между настоящим и прошлым 1 – 6 баллов (ПО). Разница между настоящим и будущим 1 – 6 баллов (СО) (Рис.3).

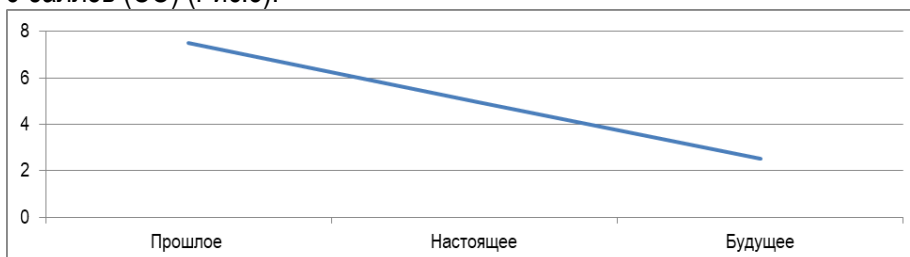

Рисунок 3. Типичный профиль № 3

Представителям данного профиля свойственно устойчивое снижение самооценки, разочарование в выбранной профессиональной деятельности. У них проявляются признаки маргинализации: отсутствие интереса к деятельности, низкий уровень удовлетворенности результатами деятельности в данных условиях работы. Изменяются профессиональные интересы,

повышается уровень формального отношения к решению профессиональных задач, неуверенность в себе. Преобладает низкий уровень готовности к принятию самостоятельных решений.

Типичный профиль № 4. Средний уровень актуального профессионального Я-образа. Разница между настоящим и прошлым 1-6 баллов (СО). Разница между настоящим и будущим 4-10 баллов (ПО) (Рис.4).

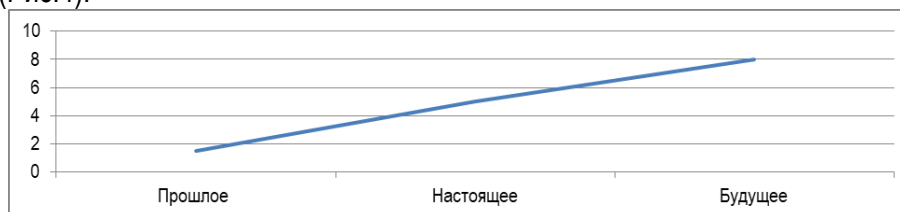

Рисунок 4. Типичный профиль № 4

Для субъектов с данным профилем характерен высокий уровень удовлетворенности собственным выбором, что свидетельствует об их профессиональной идентичности, позитивный профессиональный Я-образ. Высокий уровень удовлетворенности настоящим профессиональным статусом, позитивный профессиональный Я-образ, позитивное отношение к профессиональной деятельности, стремление к самосовершенствованию в профессии, достижению профессионального мастерства, готовность к выполнению сложных задач в особых условиях, профессиональный перфекционизм. Выраженное стремление к повышению профессиональной автономии, самореализации, управленческой деятельности.

Типичный профиль № 5. Высокий уровень актуального профессионального Я-образа (7-10 баллов). Разница между настоящим и прошлым 1-3 балла (СО). Разница между настоящим и будущим 1-3 балла (ПО) (Рис.5).

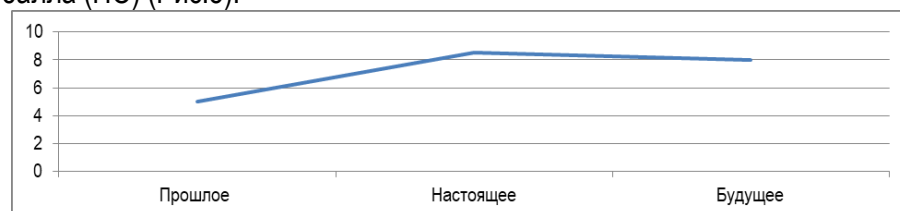

Рисунок 5. Типичный профиль № 5

Высокий уровень устойчивости профессиональных установок, ценностей, убеждений, удовлетворенности профессиональным статусом. Позитивное профессиональное Я-перспективное, мотивация достижения, готовность к профессиональной автономии, профессиональная вовлеченность, позитивное отношение к профессии, уверенность в себе как субъекте профессиональной деятельности.

Типичный профиль № 6. Высокий уровень актуального профессионального Я-образа. Разница между настоящим и прошлым 4-10 баллов (СО). Разница между настоящим и будущим 1-3 балла (ПО) (Рис.6).

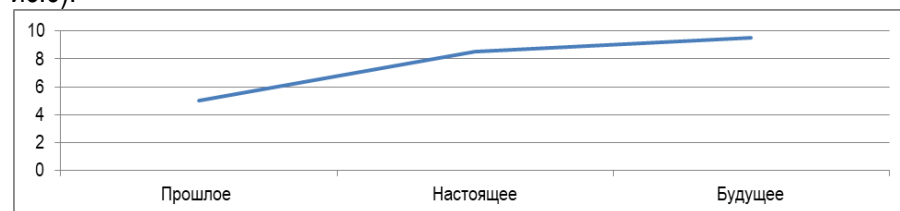

Рисунок 6. Типичный профиль № 6

Неустойчивость профессиональных установок, ценностей, принципов. Высокий уровень самоуверенности. Позитивное профессиональное Я-перспективное, выраженное стремление к профессиональной автономии, перфекционизм, высокий уровень профессиональной идентичности.

Типичный профиль № 7. Высокий уровень актуального профессионального Я-образа. Разница между настоящим и прошлым 4-10 баллов (СО). Разница между настоящим и будущим 1-10 баллов (СО) (Рис.7).

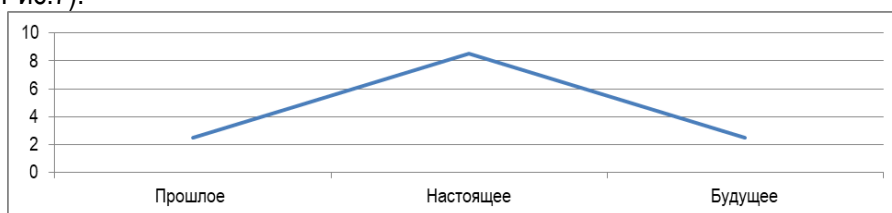

Рисунок 7. Типичный профиль № 7

Неустойчивость профессиональных установок, ценностей, принципов. Разочарование в себе как субъекте профессиональной деятельности в данных условиях среды. Негативное профессиональной Я- перспективное, высокий уровень маргинализации, низкий уровень ответственности и самостоятельности.

Подсчет результатов обследования проводится поэтапно.

1. Этап. Вычисление средних значений по каждой шкале столбца «Прошлое».
2. Этап. Вычисление средних значений по каждой шкале столбца «Настоящее».
3. Этап. Вычисление средних значений по каждой шкале столбца «Будущее».
4. Этап. Вычисление разницы между средними значениями шкал столбцов «Настоящее» и «Прошлое».
5. Этап. Вычисление разницы между средними значениями шкал столбцов «Настоящее» и «Будущее».

Соотнесим полученные баллы с нормативной таблицей, определяем уровень развитости по каждой шкале компонентов образа Я актуального, прошлого, будущего. На основе профиля можно составить характеристику представлений личности о себе с точки зрения профессиональной субъектности.

Литература:

1. Голубь О.В., Минасян Е.Р., Тимофеева Т.С. Особенности образа «Возможного Я» в профессиональном самоопределении людей зрелого возраста // Человеческий капитал. – 2019. – №12 (132). – С.149 – 158.
2. Ермолаева Е.П. Оценка реализации профессионала в системе «человек – профессия – общество». М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2011. – 176 с.
3. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. – 1998. – № 4. – С.114.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: «Знание», 1996. – 308 с.
5. Прыгин Г.С. Психология самостоятельности. – Ижевск, Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009. – 565 с.
6. Шлыкова Н. Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности. – Тверь: Триада, 2004. –151 с.
7. Grant C. A., Wallace L. M., Spurgeon P. An exploration of the psychological factors affecting remote e-worker's job effectiveness, well-being and work-life balance//Employee Relations. – 2013. – 35(5):527 –546. – URL: DOI:10.1108/ER-08-2012-0059.

ОБ АВТОРАХ:**И.Н. Разварина,**

научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН), Вологда, Россия.

Ю.Е. Шматова,

кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН), Вологда, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:**I.N. Razvarina,**

researcher of the department for studying the level and lifestyle of the population, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (FGBUN VolIRC RAS), Vologda, Russia.

Yu.E. Shmatova,

Ph.D. in Economics, Researcher at the Department for the Study of the Level and Way of Life of the Population, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (FGBUN VolIRC RAS), Vologda, Russia.

УДК 159.99**НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ 17-ЛЕТНИХ ПОДРОСТКОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОГОРТНОГО МОНИТОРИНГА В ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Разварина И.Н., Шматова Ю.Е.

Статья посвящена оценке нервно-психического развития (НПР) у детей подросткового возраста в Вологодской области. Представлены выборочные результаты медико-социологического исследования «Изучение формирования здорового поколения» в 2018 и 2021 годах. Определены критерии (НПР) ребенка, такие как, отношения в семье, участие в общественной жизни, успеваемость, коммуникативные навыки, способность к самосохранительному поведению, сформированность ценностных ориентаций. Нарушения (НПР) влияют на социальное, интеллектуальное и эмоциональное развитие подростков и существенно снижают качество человеческого и трудового потенциала. Актуальность проводимых исследований в области обусловлена необходимостью совершенствование профилактической работы по здоровьесбережению и улучшению условий для полноценного развития детского населения. Полученные результаты могут быть использованы специалистами образовательных организаций, учреждений здравоохранения, органов власти при разработке мероприятий, направленных на формирование социокультурной среды, благоприятной для развития детей.

Здоровье детей, нервно-психическое развитие, когортный мониторинг, социальная адаптация.

Для цитирования: Разварина И.Н., Шматова Ю.Е. Нервно-психическое развитие 17-летних подростков по результатам когортного мониторинга в Вологодской области // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 64-72.

NEURO-MENTAL DEVELOPMENT OF 17-YEAR-OLD ADOLESCENTS ACCORDING TO THE RESULTS OF COHORT MONITORING IN THE VOLOGDA REGION

Razvarina I.N., Shmatova Yu.E.

The article is devoted to the assessment of neuropsychic development (NPD) in adolescent children in the Vologda region. Selected results of the medical and sociological study "Studying the formation of a healthy generation" in 2018 and 2021 are presented. Criteria (NPR) of the child are defined, such as family relations, participation in public life, academic performance, communication skills, the ability to self-preserving behavior, the formation of value orientations. Disorders (IDD) affect the social, intellectual and emotional development of adolescents and significantly reduce the quality of human and labor potential.

The relevance of ongoing research in the region is due to the need to improve preventive work on health protection and improve conditions for the full development of the child population. The results obtained can be used by specialists of educational organizations, healthcare institutions, authorities in the development of measures aimed at creating a socio-cultural environment favorable for the development of children.

Children's health, neuropsychic development, cohort monitoring, social adaptation.

For citation: Razvarina I.N., Shmatova Yu.E. Neuro-mental development of 17-year-old adolescents according to the results of cohort monitoring in the Vologda region. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 64-72. (In Russ.)

Сегодня социально-экономическая ситуация в стране не всегда способствует формированию оптимистического отношения к будущему, уверенности в завтрашнем дне. Тем не менее, научными исследованиями выявлено, что такие общечеловеческие ценности, как здоровье, любовь, дружба преобладают над материальными. С другой стороны, молодежь, как социальная категория, достигшая экономически благополучного образа жизни, стремится к индивидуальному развитию, но настораживает, что при этом ценности семьи начинают уступать свое место в рейтинге [1].

Еще более сложной является задача необходимости учета здоровья и развития ребенка медицинскими работниками, педагогами, психологами, родителями в воспитании, общении, учебном процессе, при профориентационной подготовке.

Учитывая, что подростковый возраст — это значимый период развития социальных и эмоциональных навыков, необходимых для психического благополучия человека, в данной работе мы акцентируем внимание на особенности НПП детей старшего подросткового возраста 17-ти лет в Вологодской области. Важное значение для развития личности в этом возрасте приобретает общение со сверстниками, формируется определенный спектр ценностных ориентаций, закрепление авторитетов, более значимыми становятся взаимоотношения с членами семьи.

Из возрастных характеристик 17-летних следует отметить такие, как эмоциональность, которая тесно связано с личностью человека, его самосознанием, самооценкой, появляется склонность к самоанализу и обобщению знаний о себе, различие интересов в соответствии с полом, потребность в выборе будущего социального положения. Ведущей деятельностью становится учебно-профессиональная, появляется избирательность к учебным предметам, так как, основным мотивом познавательной деятельности становится стремление приобрести профессию.

В этот ответственный период нервно-психическое развитие выступает в качестве одного из основных элементов здоровья. Тем более, что дети с нарушениями психики особенно уязвимы для таких явлений, как социальная изоляция, дискриминация, стигматизация (ограничивающие их готовность обращаться за помощью), трудности в учебе, рискованные формы поведения и другие.

Актуальность изучения вопроса подтверждается статистическими данными. Расстройства психики возникают жизни у каждого четвертого человека, каждый седьмой из них в возрасте 10-19 лет. Причем около половины заболеваний впервые проявляются еще до достижения 14-летнего возраста. Показательно, что в рейтинге ведущих причин детской инвалидности (в России и Вологодской области они одинаковы) первые позиции занимают психические расстройства и расстройства поведения, болезни нервной системы. Практика показывает, что, несмотря на огромную работу в здоровьесбережении детского населения, индивидуально-психологические особенности ребенка не всегда учитываются в образовательном процессе, что снижает эффективность качества обучения, формирования компетенций обучающихся, социальной адаптации в обществе

Цель: проанализировать тенденции нервно-психического развития детей 17 летнего возраста.

Предмет: критерии НПП 17 летних подростков.

Объект: дети 2001, 2004 года рождения в возрасте 17-лет– 70человек.

В связи с этим задачами исследования стали:

– Представить показатели нервно-психического развития детей 17-летнего возраста, рожденных в 2001 и 2004 годах в Вологодской области в оценках родителей, медицинских работников, самих подростков.

– Представить данные об успешности в школьном обучении, общении с друзьями, отношениями с родителями, участием в общественной жизни, формировании ценностных ориентаций 17-летних детей обследуемых когорт.

Теоретико-методологическая база.

Различны подходы и к изучению нервно-психического состояния ребенка, как составляющего компонента здоровья. Например, Е.Д. Беспанская-Павленко в своем исследовании сопоставляет различные подходы к изучению нервно-психического развития детей, выявляет наиболее эффективные стратегии определения конкретных нормативов. Определение нормы психического развития носит междисциплинарный характер[2]. Сюда входят: медицина (психиатрия), отрасли психологической науки (дифференциальная психология, психология развития, педагогическая психология, психология личности, нейропсихология и др.).

Таблица 1. Подходы к пониманию нормы нервно-психического развития

Научный подход	Определение	Недостатки
Статистический	Предполагает возможность количественного измерения свойств исследуемого объекта и установление с помощью математического аппарата соответствующих средних показателей. Чем реже встречается та или иная форма, например, поведения, тем больше вероятность, что ее будут воспринимать как отличную от нормальной.	Быть нормальным в рамках данного подхода значит соответствовать среднестатистическому нормативу.
Культурно-релятивистский	Норма и патология определяется соотношением особенностей культуры социальных групп, к которым принадлежат исследуемые. То, что считается нормой для одной социальной группы, для другой будет выглядеть как патология. Нормальным является то, что соответствует представлениям данной культуры о норме,	Делает невозможным однозначное определение нормального поведения
Психопатологический	Норма понимается, как отсутствие выраженных патологических симптомов. Если у человека нет этих симптомов, значит, он нормален, здоров.	Здоровье определяется через нездоровье, норма – через аномалию.
Экзистенциальный	Является описательным и связан с гуманистической теорией личности. Представители данного подхода пытаются выделить то позитивное, что несет в себе нормальная личность	Нет описания внутренних закономерностей
Адаптационный	Этот подход наиболее близок к целостному взгляду на человека, живущего в современных условиях. При этом адаптация понимается, как динамическое равновесие между организмом и средой, между психическими процессами и деятельностью человека. То есть, норма – это процесс достижения личностью такого оптимального функционирования, которое позволяет реализовать в полной мере самосохранение, самореализацию и развитие.	

Составлено по: Беспанская-Павленко, Е.Д. Нормы психического развития ребенка в современной психологии развития [Электронный ресурс] / Е.Д. Беспанская-Павленко. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/bitstream/>

Нужно отметить, что ни один из названных подходов в отдельности не позволяет определить критерии нормы. Из этого следует, что в настоящее время однозначных показателей нормального поведения и достоверных границ нормы не существует, и традиционно состояние здоровья оценивается в рамках статистического, психопатологического подходов, т.е. насколько та или иная патология распространена в популяции в тот или иной промежуток времени.

Президент РАМН академик РАН и РАМН М.И. Давыдов[5] говорит о том, что «научный потенциал академий, имеющих государственный статус, позволяет обеспечить как научные основы, так и научное сопровождение развития национальных проектов в сфере здравоохранения и открывает новые возможности в развитии профилактики. Он отмечает, что важнейшими направлениями в области фундаментальных исследований по проблемам здоровья и образования детей являются:

- комплексные исследования возрастно-половых закономерностей роста, развития и формирования здоровья человека от рождения до зрелого возраста в современных условиях;
- разработка новых возрастных нормативов развития детей и подростков, критериев оценки адаптационных возможностей детей к учебным нагрузкам и к воздействию факторов среды;
- совершенствование критериев и подходов к оценке состояния здоровья, основанных на индивидуальном и популяционном уровнях;

- разработка новых технологий сохранения здоровья, основанных на прогнозе адаптации, повышении функциональных резервов организма и воздействия на факторы риска;
- разработка медико-педагогических критериев, нормативов и показателей адекватности учебных нагрузок, программ и технологий обучения функциональным возможностям детей;
- разработка медико-биологических основ биологической и химической безопасности предметов жизнедеятельности детей и подростков. М.И. Давыдов также отмечает, что стоящие перед наукой задачи могут быть решены только при условии государственной поддержки и достаточном финансировании.

Методы. В исследовании использованы общенаучные методы: синтез и сравнительный анализ данных, а также социологический. Применен интеркогортный метод исследования [11;12], который предполагал представление данных и сравнение нервно-психического развития подростков 2001 и 2004 годов рождения на пороге совершеннолетия в рамках мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения», проводимого ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук с 1995 года [10;13]. Как инструмент социологического метода применен проспективный мониторинг наблюдения за когортами семей с детьми.

В исследовании применялась методика, разработанная членами научного коллектива. Она предусматривала заполнение анкет разными группами респондентов: детьми, родителями и медицинскими работниками. Для детей данной выборки были включены вопросы о состоянии нервно-психического развития. Опросник состоял из двух частей, одна из которых, относительно условий жизни и развития детей заполнялась родителями и самими подростками, другая, содержащая оценку здоровья ребенка, – участковыми врачами-педиатрами. Нужно отметить, что здоровье человека характеризуется через оценку физического и нервно-психического развития.

В работе анализировались показатели психического здоровья и критерии, определяющих состояние НПР, успешность в школьном обучении, развитие коммуникативных качеств, общение с друзьями, отношения с родителями, участие в общественной жизни, формирование ценностных ориентаций. В рамках опроса родителей и медицинских работников были использованы патопсихологический и адаптационный подход к оценке здоровья подростков. Первый предполагает, что при диагностике здоровья ребенка врачи ориентируются на представления о медицинской норме и патологии по следующим параметрам: вегетативный статус, эмоциональный статус, особенности личности, моторика, социальные контакты, внимание и память, психомоторная сфера и поведение, интеллектуальное развитие.

Использование адаптационного подхода позволяет включить в определение здоровья, в том числе и нервно-психического развития характеристики, связанные с адаптацией в обществе [3]. Обработка результатов опроса производилась с применением программ SPSS Statistic и MS Excel

Результаты.

Актуальность исследования подтверждается статистическими данными о росте психических расстройств и расстройств поведения у детей подросткового возраста. Хотя в отличие от общероссийской картины, в нашей области за период 2017–2020 гг. произошло незначительное снижение показателей детской инвалидности, обусловленной заболеваниями нервной системы, тем не менее, показатели остаются достаточно высокими [4].

К социальным критериям здоровья (помимо традиционных) относится субъективное отношение к нему самого человека [6]. Дети-респонденты в обеих когортах характеризуют свое состояние в половине случаев, как удовлетворительное, как хорошее – 38-40% в обеих когортах, плохое – лишь 6% и 3% соответственно (табл.2). Оценки родителей менее оптимистичны, однако, по их мнению, здоровых детей в 2021 г. стало больше в полтора раза, чем в 2018 г. (41,2% и 26,5% соответственно).

Таблица 2.
Оценка здоровья детей самими участниками когортного мониторинга и их родителями
(в %)

Вариант ответа	Когорты			
	2001г.р.		2004г.р.	
	Дети	Родители	Дети	Родители
Хорошее	38,2	26,5	40,0	41,2
Удовлетворительное	50,0	67,6	54,3	52,9
Плохое	5,9	0,0	2,9	2,9
Очень плохое	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	0,0	5,9	2,9	2,9

Анализ ответов педиатров, наблюдающих участников мониторинга, продемонстрировал, что в 2018 году регистрировалась лишь 14,3% подростков с первой группой здоровья, а в 2021 еще меньше – 8,8%. Увеличилось количество детей с хроническими заболеваниями на 10 %. Можно сделать вывод, о существенных различиях оценок врачей и родителей. Это может свидетельствовать о низком уровне медицинской активности матерей и о недостаточно адекватном восприятии своего здоровья взрослыми детьми.

По результатам мониторингового исследования в обследуемых когортах у большинства детей 17 летнего возраста НПР соответствует возрасту (табл. 3). Обращает внимание, что медицинские работники не отмечают наличия опережающего развития, в отличие от родителей. Несмотря на то, что в выборку входят обучающиеся общеобразовательных школ, колледжей, техникумов, диагностировано, как опережающее развитие, так и отклоняющееся от нормы. В последней когорте появляются отстающие от нормы НПР подростки не только по оценкам родителей, но и педиатров. Последнее является показанием для реализации адаптированных образовательных программ, что предполагает проведение коррекционно-развивающей работы с подростками, подготовки соответствующих специалистов: психологов, дефектологов, логопедов.

Таблица 3.
Нервно-психическое развитие 17-летнего ребёнка в оценках родителей и врачей-педиатров (в %)

Вариант ответа	Когорты			
	2001г.р.		2004г.р.	
	Родитель	Педиатр	Родитель	Педиатр
Опережает возраст	2,9	0,0	20,6	0,0
Соответствует возрасту	85,3	91,2	67,6	97,0
Немного отстаёт от нормы	5,9	0,0	5,9	0,0
Значительно отстаёт от нормы	0,0	0,0	5,9	3,0

Одним из признаков нарушения НПР является низкий уровень социально-психологической адаптации, то есть адекватного взаимодействия личности и социальной среды, критерием которого являются эффективность учебной деятельности, Анализ школьной успеваемости, так же показывает высокий процент (более половины) доли детей обеих когорт, получающих положительные оценки. Можно объяснить этот факт тем, что для детей данной возрастной категории меняется смысловое значение оценки. Наибольшее значение имеет мотив самоутверждения[9]. Дети стремятся через учебные достижения получить устойчивое положение в коллективе сверстников, создать у учителей определенное мнение о себе, своих способностях, а также сохранить высокий уровень самооценки. Не менее важна положительная школьная мотивация и потребность общения с взрослыми. Познавательная мотивация характеризуется тем, что большинство подростков продолжают получение образования после окончания школы, студенты техникумов и колледжей готовят себя к трудовой деятельности. Причем учебные интересы связаны с выбранным профилем. И первая? и вторая категория детей-респондентов осознают, что их хорошие оценки важны не сами по себе, а являются показателем уровня знаний, способностей и возможностей.

Отношение родителей к успеваемости детей становится строже. Так в 2021 г. лишь треть из них полагала, что ребенок учится в полную меру (44% в 2018 г.), а более 60% – «мог бы учиться лучше» (47% в 2018 г.).

Анализируя ответы детей об успешности, мотивах обучения можно сказать, что только половина обучающихся имеют положительные оценки, от 17 до 20% отмечают познавательный характер школьной мотивации, «с радостью идут учиться». Родители же (причем, по ответам детей, от 60 до 76% родителей каждый день интересуются школьными делами детей) в основном считают, что причина неуспешности в обучении – сложность учебной программы.

По мнению самих подростков, лишь каждому пятому из них учеба дается легко, почти 70% испытывают трудности в освоении отдельных предметов, от 12-14 % в обеих когортах отмечают, что большая часть предметов вызывает сложности усвоения (табл.4).

Таблица 4.

Распределение ответов детей на вопрос: «Сложно ли тебе сейчас учиться?»

Вариант ответа	Когорты	
	2001г.р.	2004г.р.
Учёба даёт мне легко	14,7	17,1
По некоторым предметам сложно	67,6	68,6
Большая часть учебных предметов вызывает сложности	11,8	14,3
Учёба даёт мне тяжело	5,9	0,0

Среди причин неуспеваемости подростки называют следующие:

- ✓ «Чтобы учиться, надо напрягаться, а мне лень, я не хочу» –31,0%;
- ✓ «Мне гораздо интереснее и приятнее поиграть на компьютере, посидеть в интернете, соцсетях, а учёба потом» – 31,0%;
- ✓ «Я хочу много зарабатывать, а для этого не обязательно учиться» – 31,0%;
- ✓ «Я устаю в школе, от домашних заданий – нет сил ни на какие дополнительные занятия» – 15,0%;
- ✓ «Я не понимаю, зачем мне нужна большая часть тех знаний, которые нам дают в школе, они не пригодятся» – 10,3%;
- ✓ «Учебная программа слишком сложна для меня» – 3,4%.

Низкий уровень социально-психологической адаптации одно из проявлений нарушения НПР ребенка. При этом адекватное взаимодействие личности и социальной среды выражается в соблюдении принятых в обществе, в том числе школьных, норм поведения, успешность социальных контактов с ближайшим окружением, эмоциональное благополучие, способность к самосовершенствованию. Социальная неуспешность может вызвать состояние хронического стресса и привести к нарушениям в психическом здоровье[8]. Большинство детей 17 -летнего возраста, участвовавших в мониторинге, можно отнести к социально адаптированным, две трети из обеих когорт имеют друзей (лишь у 6% таковых нет);65% участвуют в общественной деятельности.

Каждый третий старший подросток считает «взаимопонимание всех членов семьи, отсутствие ссор и конфликтов» важным условием сохранения здоровья. По данным мониторинга здоровья детского населения, проводимого ВолНЦ РАН, частота конфликтов в семьях увеличивается при достижении детьми уже младшего подросткового возраста: эта закономерность прослеживается на примере всех исследуемых когорт, начиная с 1995 г.

Тем не менее, в большинстве случаев отношения в семьях 17-летних респондентов доверительные, дружеские: в обеих когортах примерно четверть считает их «дружными без ссор», а еще две трети – «дружными, но с редкими ссорами». К сожалению, согласно ответам детей, в 2021 г. доля семей с нарушенными детско-родительскими отношениями возросла до 9%, что в три раза больше когорты 2001 г.р.

Если ребенок не чувствует любви, заботы, внимания, понимания, не удовлетворяются его эмоциональные потребности, с его мнением не считаются, его не слушают, не принимают, то он переживает психологическое одиночество. Поэтому данная проблема в первую очередь обусловлена именно семьей, в которой он живет.

Доказано, что одиночество один из факторов дезадаптации подростков[7]. По данным нашего опроса, доля подростков, которые проводят свободное время в одиночестве увеличилась в 2021 г. на 40% по сравнению с 2018 г. (14% и 8% соответственно).

Эти данные свидетельствуют о необходимости повышения педагогической грамотности родителей, их более активного взаимодействия со школьным психологом и социальным педагогом для своевременного и эффективного разрешения семейных конфликтов и предотвращения социальной дезадаптации детей.

Одним из критериев уровня НПР выступают его система ценностей и авторитетов. По данным когортного наблюдения, структура и рейтинг авторитетов для подростков претерпели некоторые изменения. Так, по их мнению, устойчиво лидируют родители и родственники, блогеры и известные спортсмены (табл.5). Однако, по сравнению с 2018 г., в 2021 г. значительно вырос авторитет старших друзей и знакомых, кино- и литературных героев, а главное, педагогов и тренеров (среди подростков первой когорты их не выбрал ни один респондент), а также известных политиков. Негативная тенденция заключается в росте подросткового нигилизма, протестного поведения. Так, если в 2018 г. каждый четвертый не мог назвать ни одного человека, на кого стремился бы быть похожим, то в поздней когорте тех, для кого не существует авторитетов, в два раза больше.

Таблица 5.
Распределение ответов детей 17 лет на вопрос: «Кто является для тебя авторитетом, на кого бы ты хотел быть похожим в жизни?»

Вариант ответа	Когорты	
	2001г.р.	2004г.р.
Родители, родственники	41,2	45,7
Никто	23,5	45,7
Любимые блогеры	17,6	22,9
Известные спортсмены	14,7	20,0
Звёзды шоу-бизнеса	11,8	8,6
Старшие друзья, знакомые	8,8	20,0
Кто-то из сверстников	5,9	2,9
Литературные и киногерои	5,9	20,0
Известные политики	2,9	8,6
Учителя, педагоги, тренер	0	17,1

Структура значимых для подростков 2001 и 2004 г.р. ценностей качественно различается. Если в ранней когорте наибольшее значение имели достижение высокого материального положения, в т.ч. путем получения достойного образования и высокооплачиваемой профессии, то, во второй когорте – более значимыми становятся отношения (табл. 6). Так, две трети выбирают «счастье, любовь, дружбу, гармоничную жизнь», повышается и ценность создания хорошей семьи (57%). Тем не менее, самая главная жизненно-важная ценность «здоровье» остается у старших подростков на последнем месте.

Таблица 6.
Три главных жизненных ориентира детей 17 лет (в %)

Вариант ответа	Когорты	
	2001г.р.	2004г.р.
Получить образование, профессию	70,6	62,9
Хорошее материальное положение (работа, квартира, машина)	73,5	62,9
Счастье, любовь, дружба, гармоничная жизнь	52,9	65,7
Хорошая семья	52,9	57,1
Здоровье	50,0	48,6

В свою очередь, отношение к своему здоровью является показателем НПР ребенка. Примерно каждый пятый подросток назвал свой образ жизни далеким от здорового в обеих когортах. Тем не менее, можно сделать вывод о повышении медицинской грамотности подростков. Так в 2021 г. они чаще, чем их ровесники в 2018 г., считали, что самыми главными признаками здорового образа

жизни (ЗОЖ) являются «здоровое питание», «регулярные занятия спортом, физической культурой», «прогулки на свежем воздухе» (табл.7). Отсутствие вредных привычек стабильно лидирует в списке основных показателей ЗОЖ, по мнению детей. Однако профилактическая роль регулярного обращения к специалистам по поводу своего здоровья, закаливания и отдыха на курортах снижается.

Таблица 7.
Распределение ответов детей на вопрос: «Отметь 4 главных, на твой взгляд, признака здорового образа жизни?» (в%)

Вариант ответа	Когорты	
	2001г.р.	2004г.р.
Отсутствие вредных привычек	97,1	91,4
Здоровое питание	82,4	88,6
Регулярные занятия спортом, физической культурой	73,5	85,7
Прогулки на свежем воздухе, за городом	50,0	57,1
Взаимопонимание всех членов семьи, отсутствие ссор и конфликтов	29,4	34,3
Регулярное посещение врачей и других медицинских специалистов	26,5	22,9
Закаливание	14,7	14,3
Поездки в санатории, к морю	14,7	11,4

Интересно, что теоретические знания старших подростков о ЗОЖ подкрепляются и практическими навыками его достижения, но только в области отсутствия вредных привычек и правильного питания. А регулярно занимаются спортом в обоих когортах лишь половина тех, кто считает это необходимым условием отличного здоровья.

Можно отметить позитивные изменения в области здоровьесбережения. В 2021 г. увеличилась доля молодых людей, не имеющих вредных привычек на 6%, соблюдающих здоровое питание, занимающихся спортом, закаливанием, некурящих, не употребляющих алкоголь и наркотики (табл.8). Если каждый седьмой 17-летний ребенок, рожденный в 2001 и 2004 гг. считал закаливание важным условием ЗОЖ, то прибегали к нему в 2018 г. лишь каждый пятый из них, то в 2021 г. – восемь из десяти. Вместе с тем, отметим и негативные тренды: снизилась доля детей, которые могут позволить себе полноценно отдохнуть, в т.ч. выезжать в санатории и к морю, выспаться, а также посещающих медицинских специалистов для сохранения своего здоровья.

Таблица 8.
Распределение ответов детей на вопрос: «Что ты делаешь, чтобы сохранить своё здоровье?» (в%)

Вариант ответа	Когорты	
	2001г.р.	2004г.р.
Не имею вредных привычек (не курю, не употребляю алкоголь и наркотики)	82,4	88,6
Хорошо питаюсь (ем мясо, рыбу, яйца, молочные продукты, овощи, фрукты)	67,6	88,6
Сплю по 8-10 часов в сутки	67,6	40,0
Соблюдаю санитарно-гигиенические нормы (мою руки перед едой и после туалета, регулярно принимаю душ)	64,7	62,9
Занимаюсь спортом, посещаю спортивные секции, ДЮСШ	35,3	40,0
Соблюдаю режим дня	35,3	37,1
Принимаю витамины	26,5	25,7
Закаливаюсь	2,9	11,4
Не делаю ничего	0,0	2,9

Выводы: В ситуации нестабильности демографической ситуации в Российской Федерации и Вологодской области значимым становится выделение тех аспектов, которые наиболее востребованы для сохранения и укрепления психического здоровья детей, и в частности подростков на пороге взросления. Это в первую очередь, доступность медицинской информации о развитии ребенка для всех заинтересованных участников образовательного процесса; наличие необходимых специалистов узкого профиля (психологов, дефектологов, логопедов); повышение уровня

медицинской активности, как детей, так и их родителей в отношении к своему здоровью, разработанная система алгоритмов взаимодействия лечения, воспитания при нарушении НПР на основе партисипативного подхода.

Литература:

1. Арсланбекова Э. М. Общечеловеческие ценности и здоровый образ жизни молодежи в аспекте спортивных мегасобытий / Э. М. Арсланбекова, Хунсюк Янг. – Текст : электронный // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование : сборник научных трудов. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 470–474. – URL: <http://elar.uifu.ru/handle/10995/113296>.
2. Беспанская-Павленко, Е.Д. Нормы психического развития ребенка в современной психологии развития [Электронный ресурс] / Е.Д. Беспанская-Павленко. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/bitstream/>
3. Громбах, С.М. О критериях оценки состояния здоровья детей и подростков /С.М. Громбах //Вестн. АМН СССР. – 1981. – № 1. –С. 29-34.
4. Дети-инвалиды по заболеваниям, обусловившим возникновение инвалидности. Семья, материнство и детство. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/family/3-17.xlsx
5. Здоровье и образование детей - основа устойчивого развития российского общества и государства [Текст] : науч. сессия академий, г. Москва, 5-6 октября 2007 года. – М. Наука, 2007. – 259 с.
6. Орлова И.А., Ломоносов М.В. О сохранении российского народа и здоровье нации. Вестник северного (арктического) федерального университета. Серия: медико-биологические науки. 2016; 4: 73-75.
7. Подолкина Е. А., Трошина А. Е., Кузьмина А. С., Лекерова А. А. Когнитивно-Поведенческая Терапия Одиночества И Депрессии Как Средство Снижения Социально-психологической дезадаптации Подростков // Вестник Психологии И Педагогики Алтайского Государственного Университета, 2020. Т. 2, № 4. С. 84-94. Url: [Http://Bppasu.Ru/Article/View/8948](http://Bppasu.Ru/Article/View/8948)
8. Пособие для Врачей «Оценка Нервно-Психического Здоровья И Психофизиологического Статуса Детей И Подростков При Профилактических Медицинских Осмотрах» Разработано Научным Центром Здоровья Детей Рамн В Рамках Подпрограммы «Здоровый Ребёнок» Федеральной Целевой Программы «Дети России». Стр. 95–96.
9. Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / Под ред. И.В. Дубровиной. - 4-е изд. - Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 176 с.
10. Шабунова, А.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга / А.А. Шабунова, Н.А. Кондакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №5(35). – С. 33-54.
11. Mannheim K. Das Problem der Generationen // Karl Mannheim, Wissenssoziologie / Hrsg. vonK.H. Wolff. Berlin/Neuwied: Luchterhand, 1964.
12. Mayer K.U., Huinink J. Alters-, Perioden- und Kohorteneffekte in der Analyse von Lebensverlaufe oder: Lixis ade? // Mayer K.U. (Hrsg.). Lebensverlaufe und sozialer Wandel (Sonderheft 31 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. S. 442–459.
13. Now we are 50: Key findings from the National Child Development Study. Edited by Jane Elliott and Romesh Vaitilingam. London. 2008.

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ОБ АВТОРАХ:

А.В. Диденко, методист 1 квалификационной категории Государственного автономного профессионального образовательного учреждения Свердловской области «Нижнетагильский техникум металлообрабатывающих производств и сервиса» (ГАПОУ СО «НТТМПС»), Нижний Тагил, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

A.V. Didenko, methodologist of the 1st qualification category of "Nizhnetagilskiy technical school of metalworking industries and service" State Autonomous Professional Educational Institution of Sverdlovsk region (GAPOU SO "NTTMPS"), Nizhniy Tagil, Russia.

УДК.378

КОАДАПТАЦИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ СПО В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА "ПРОФЕССИОНАЛИТЕТ"

Диденко А.В.

В статье рассмотрены ключевые аспекты федерального проекта «Профессионалитет» как современного подхода к организации образовательного процесса в СПО. На основе модели компетенций выпускника «Профессионалитета» разработана уровневая система поведенческих индикаторов по общей компетенции ФГОС СПО «Эффективно взаимодействовать и работать в коллективе и команде». Определены методический инструментарий интерактивных методов оценки компетенций и направления их применения в развитии гибких навыков студентов. Раскрыта сущность и особенности реализации технологии бенчмаркинга как инструмента оценки эффективности образовательной деятельности в ПОО.

Профессионалитет, модель компетенций, интерактивные методы обучения, бенчмаркинг.

Для цитирования: Диденко А.В. Коадаптация интерактивных методов оценки компетенций студентов СПО в условиях реализации федерального проекта "Профессионалитет" // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 73-80.

COADAPTATION OF INTERACTIVE METHODS FOR ASSESSING THE COMPETENCIES OF SECONDARY VOCATIONAL SCHOOL STUDENTS IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTING THE "PROFESSIONALITET" FEDERAL PROJECT

Didenko A.V.

The article discusses the key aspects of the "Professionalitet" federal project as a modern approach to the organisation of an educational process in a secondary vocational school. Based on the competence model of a "Professionalitet" graduate student, a level system of behavioral indicators for the general competence of the Federal State Educational Standard for secondary vocational education "To interact and work effectively in a group and a team" has been developed. Methodological tools of interactive methods for assessing competencies and the directions of their application in the development of students' soft skills are defined. The essence and the features of implementing the benchmarking technology as a tool for evaluating the effectiveness of educational activities in a professional educational organisation are revealed.

Professionalitet, competence model, interactive teaching methods, benchmarking.

For citation: Didenko A.V. Coadaptation of interactive methods for assessing the competencies of secondary vocational school students in the context of implementing the "Professionalitet" Federal Project. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 73-80. (In Russ.)

В контексте развития экономики и трансформации рынка труда в стране динамично меняется структура квалификаций и потребностей в кадрах. При этом сохраняется рост популярности профессионального образования благодаря программно-целевому подходу профильных министерств и ведомств. В настоящее время в России программы подготовки среднего профессионального образования (далее – СПО) осваивают более 3 млн обучающихся в 3,5 тыс. профессиональных образовательных организациях (далее – ПОО).

Относительным показателем уровня развития системы образования являются результаты социологических опросов населения. Опросы россиян в 2014-2021 гг. (выборка 1600 респондентов) о состоянии отечественной системы образования показали, что наибольшее число респондентов оценили это состояние как посредственное (~ 42% опрошенных). Таким образом, по-прежнему существует общественный запрос к государству в части повышения качества реализации образовательных программ [3].

Современная ПОО – это не просто техникум или колледж, где студенты получают СПО, это передовая площадка, отражающая вызовы времени. Ее отличает проактивный подход к организации деятельности [4], ключевым направлением которой выступает обновление содержания СПО в соответствии с перспективными требованиями к квалификации специалистов и рабочих, развитием технологий, а именно:

- актуализация федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС);
- учет профессиональных стандартов и запросов работодателей при разработке образовательных программ;
- независимая оценка компетенций обучающихся СПО, их готовности к выходу на рынок труда в виде демонстрационного экзамена (выполнения реальных производственных задач);
- повышение доступности и качества СПО для лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ).

Таким образом, ПОО призваны обеспечить экономику страны квалифицированными кадрами, решив ключевой вопрос: каких специалистов готовить, в каком объеме и к какому времени [14].

По статистике последних лет, более 60% выпускников школ идут в организации СПО [15]. Молодежь ориентирована на получение актуальной профессии и быстрый выход на рынок труда. В связи с этим реализация программ подготовки с применением гибких методик и практико-ориентированных образовательных технологий, а также учет потребностей региональных экономик становятся ключевыми аспектами реформирования профессионального образования. Анализ опыта взаимодействия СПО и предприятий-работодателей для выпускников ПОО послужил основой для запуска *федерального проекта «Профессионалитет»*.

«Профессионалитет» направлен на синхронизацию потребности экономики в рабочих кадрах и образовательных программ ПОО [8], которые готовят специалистов и квалифицированных рабочих, служащих (таблица 1).

Таблица 1.
Ключевые аспекты ФП «Профессионалитет» [8, 13, 16]

№	Параметр	Содержание
1	Сроки обучения	Сокращение сроков обучения в ПОО за счет интенсификации обучения и максимальной практической ориентированности образовательных программ.
2	Образовательные программы	<ul style="list-style-type: none"> – интенсификация образовательного процесса посредством применения прогрессивных педагогических технологий, методик; – интеграция содержания блока общеобразовательных дисциплин с содержанием профессиональных модулей и циклов образовательной программы СПО [5]; – профессионализация части содержания по ряду общеобразовательных дисциплин;

№	Параметр	Содержание
		– цифровизация – активное применение дистанционных образовательных технологий и электронного обучения.
3	Взаимодействие с опорным работодателем	– создание образовательно-производственных центров – кластеров, которые интегрируют ПОО и предприятия реального сектора экономики; – расширение практики привлечения в качестве преподавателей и наставников работников предприятий кластера; – гарантированное трудоустройство выпускников ПОО на предприятие-опорный работодатель.

В профессиональном образовании фокус внимания с содержания, которое в современных условиях быстро меняется, переходит на результат обучения, позволяющий выпускнику соответствовать актуальным требованиям рынка труда (таблица 2).

Таблица 2.
Современный подход к организации образовательного процесса в рамках ФП «Профессионалитет» [5, 8, 12, 13, 14, 16]

№	Параметр	Содержание
1	Цель	Способность выпускника производить знания, «продукты» профессиональной деятельности в конкретных условиях производства.
2	Приоритет	На первый план выходит обеспечение условий для овладения способами эффективного взаимодействия с различными субъектами деятельности. Ориентация учебного процесса на удовлетворение потребности обучающихся в профессиональном и неформальном общении, усвоении ценностей и норм организационной культуры предприятия-опорного работодателя.
3	Форма организации учебных занятий	Активное применение групповой формы работы (в малых группах).
4	Практическая подготовка	Обучение ориентировано на технологические процессы предприятия-опорного работодателя, увеличение количества часов практического обучения, возможность получения дополнительных профессий под заказ работодателя. Современные учебные комплексы с соответствующим будущему рабочему месту оборудованием: выпускнику не нужно доучиваться или переучиваться на производстве.
5	Контроль и оценка результатов обучения	Преимущественное использование относительной оценки, самооценки, обратной оценки, преобладание качественных оценок над количественными и зачетных систем аттестации – над балльными.

Вынужденный переход на дистанционное обучение в период пандемии коронавирусной инфекции вызвал затруднения обучающихся ПОО в выполнении заданий не только по сугубо практическим дисциплинам и модулям. В условиях превалирования письменных (печатных) работ – лабораторные и контрольные работы, курсовые проекты, отчеты по практикам, тестирование, рефераты – и акцента на индивидуальный подход к организации образовательного процесса важно сохранить и эффективно использовать такие методы обучения, которые способствуют развитию у обучающихся аналитических способностей, навыков публичного выступления, участия в дискуссиях, аргументированного отстаивания своей точки зрения, навыков работы в команде для решения профессионально важных задач и основ управления конфликтами. Специалисты по управлению персоналом и педагогическое сообщество отмечают заметное снижение развития эмоционального интеллекта и коммуникативной компетенции выпускников ПОО.

Компетенции – это набор важных для эффективного выполнения определенной деятельности характеристик личности, который можно оценить посредством анализа поведенческих паттернов человека.

Для разработки новых образовательных программ «Профессионалитета» Институт развития профессионального образования (далее – ИРПО) предложил модель компетенций выпускника ПОО (рисунок 1). Она представляет собой совокупность взаимосвязанных между собой общих и профессиональных компетенций (далее – ОК и ПК), определенных ФГОС СПО, а также требований профессиональных стандартов или единых квалификационных справочников (при отсутствии профстандартов) и запросов организации-работодателя к квалификации специалиста, которые

должны быть сформированы у обучающегося по завершении освоения основной профессиональной образовательной программы.

Таким образом, *модель компетенций* – это полный набор характеристик, позволяющий выпускнику успешно выполнять трудовые функции в рамках должностных обязанностей. Чтобы быть эффективной, модель должна иметь четкую структуру и быть понятной для оценивающего и оцениваемого [9].

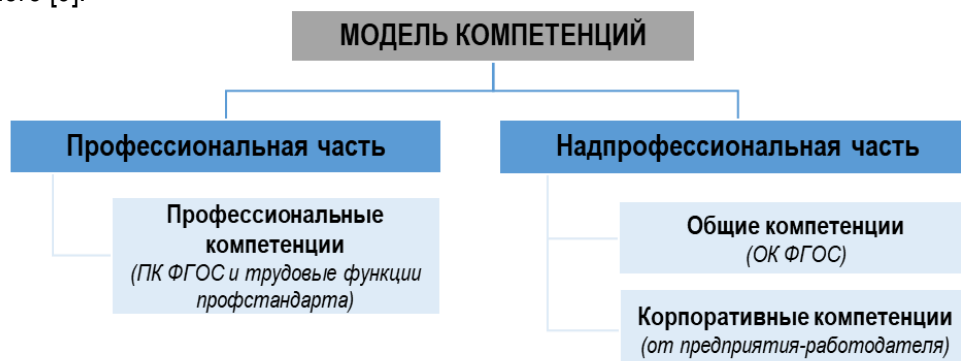

Рисунок 1. Модель компетенций выпускника СПО

Компетенция включает в себя набор поведенческих индикаторов, которые можно интегрировать в блоки с учетом ее смыслового объема [6]. Модель компетенций выпускника «Профессионалитета» учитывает перечень работ, которые ему предстоит выполнять на предприятии, с различным уровнем требований (разряды, уровни квалификации), поэтому целесообразно разделить по уровням поведенческие индикаторы в рамках каждой компетенции (рисунок 2).

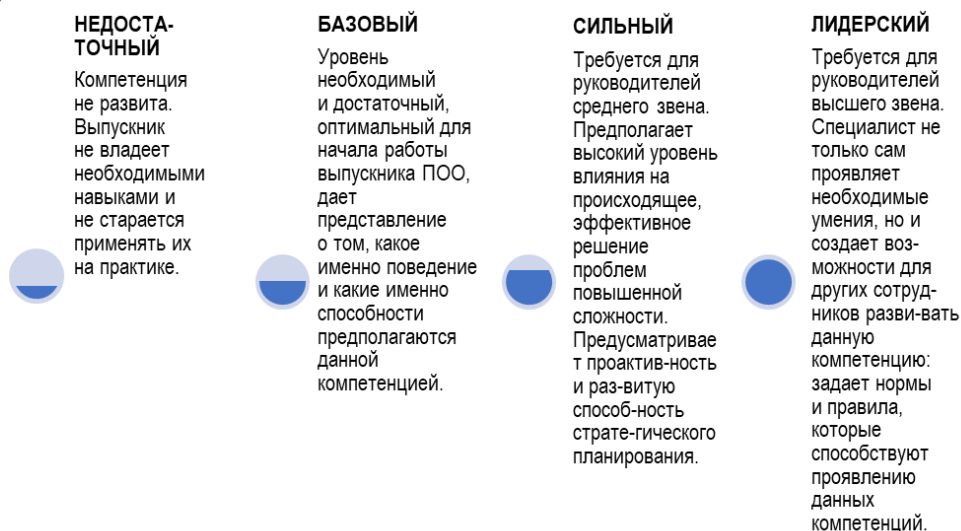

Рисунок 2. Уровни проявления компетенций выпускника ПОО [7]

Выпускник как будущий работник должен быть готов к взаимодействию с коллегами в профессиональном и социально-психологическом плане. Важно осознание того, что работать придется не только с «удобными» людьми, нужно уметь управлять конфликтными ситуациями, которые неизбежны в любом коллективе на любой работе. Гибкие навыки (soft skills) также важны, как и профессиональные навыки (hard skills) не только для профессий системы «человек-человек». Командные виды работ снова набирают популярность, что не может не влиять на повышенный интерес работодателей к уровню развития эмоционального интеллекта кандидатов. В этой связи в рамках исследования была разработана уровневая система поведенческих индикаторов выпускника «Профессионалитета» по ОК (из ФГОС СПО) «Эффективно взаимодействовать и работать в коллективе и команде» (таблица 3).

Таблица 3.
Уровни проявления компетенции «Эффективно взаимодействовать и работать в коллективе и команде»

<i>Индикатор</i>	<i>Уровни</i>
Способен убеждать других	Уровень 1. Высказывает свои идеи, но не отстаивает свою точку зрения. Затрудняется в ответе на возражения.
	Уровень 2. Высказывает свои идеи, может аргументировать свою точку зрения. Не всегда может ответить на возражения.
	Уровень 3. Высказывает свои идеи, убедительно аргументируя их. Преодолевает возражения.
	Уровень 4. Высказывает свои идеи, убедительно аргументируя их. Эффективно преодолевает возражения.
Распределяет роли в команде	Уровень 1. Имеет представление о распределении командных ролей, но не имеет практических навыков.
	Уровень 2. Знает о распределении командных ролей, имеет практический опыт, но не всегда может его использовать.
	Уровень 3. Использует техники распределения командных ролей. Применяет практические навыки в работе.
	Уровень 4. Эффективно распределяет командные роли. Всегда применяет практический опыт при организации командной работы.
Умеет слушать других	Уровень 1. Не концентрирует внимание на собеседнике. Часто перебивает. Слушает, но не использует полученную информацию в работе.
	Уровень 2. Концентрирует внимание на собеседнике. Иногда перебивает. Слушает, но не всегда использует полученную информацию в работе.
	Уровень 3. Концентрирует внимание на собеседнике. Не перебивает. Слушает и вычленяет главную информацию.
	Уровень 4. Внимательно слушает, никогда не перебивает. Слушает и эффективно использует полученную информацию в работе.

Чтобы достичь комплексного развития компетенций студентов ПОО, стоит уделить особое внимание коадаптации современных методов обучения и оценки его результатов. *Кодаптация* (от лат. со – вместе и adaptare – приспособлять) – это коррелятивное приспособление; общее и взаимное приспособление к изменившимся условиям [1]. Социально-профессиональная коадаптация с позиции студента – это процесс активации и приспособления собственных познавательных и социальных ресурсов к процессу обучения в организации СПО. С позиции ПОО – это формирование организационно-технически и социально-психологически безбарьерного образовательного пространства с целью обеспечения возможности каждому студенту получить качественное профессиональное образование в максимально короткие сроки в ходе реализации «Профессионалитета» [11].

В условиях развивающего обучения необходимо обеспечить наибольшую активность самого обучающегося в процессе формирования ключевых компетенций, которые приобретаются в собственной практической деятельности. Исследователи связывают инновации в образовании с *интерактивными методами обучения и оценки его результатов*, то есть видами деятельности, которые требуют творческого подхода к материалу и обеспечивают условия для раскрытия потенциала каждого обучающегося. Интерактивные методы выгодно отличают от активных целенаправленное взаимодействие студентов не только с педагогом, но и друг с другом, а также превалирование активности обучающихся на занятии [2].

К интерактивным методам, используемым для оценки уровня развития компетенций обучающихся ПОО, относятся:

- *коллоквиум* как классический метод оценки результатов обучения включает в себя обсуждение вопросов изучаемого курса, не рассматриваемых на аудиторных занятиях, его задача – оценить способность обучающихся к организации самостоятельной познавательной деятельности;
- *кейсы* позволяют оценить глубину понимания обучающимися алгоритмов профессиональной деятельности, уровень развития метапредметных компетенций;
- *имитационные игры* дают возможность проанализировать сформированность общих компетенций ФГОС, гибких навыков студентов.

Для активного применения данных методов в работе педагога СПО стоит выделить деловые ситуации для имитационной игры, с которыми выпускник столкнется в работе, а также инструментарий проведения подобных игр и решения кейсов (таблица 4).

Таблица 4.

Методический инструментарий интерактивных методов оценки компетенций

Деловые ситуации	собеседование при приеме на работу
	беседа с руководителем (при увольнении, требовании улучшить условия труда, повысить заработную плату и др.)
	производственное совещание
	конфликт (с коллегами, руководителем, подчиненными, клиентами)
	нарушение правил внутреннего распорядка
	работа в проектной команде (ролевое взаимодействие)
Инструменты	презентация проекта (отработка питчинга – доклада, цель которого – сообщить заинтересованным лицам ключевую информацию о проекте)
	тренинговые приемы фасилитации
	мозговой штурм
	составление интеллект-карт
	составление/решение кроссвордов
	игровые технологии («Интеллектуальное казино», «Угадай мелодию», «КВН» и пр.; принцип соревновательности, активизация у обучающихся творческого, ассоциативного мышления)
	анализ видеофрагментов по тематике игры/кейса

Выбор оптимального подхода к оцениванию результатов обучения зависит от поставленной цели. Один из таких подходов – *бенчмаркинг* (от англ. benchmark – критерий, ориентир). Это метод контроля и управленческая процедура внедрения в практику работы организации технологий, стандартов и методов работы лучших организаций-аналогов [10].

Технология бенчмаркинга в ПОО включает в себя 5 этапов (таблица 5). Если организации удалось собрать качественные данные для сравнения на начальных этапах исследования, то ключевыми преимуществами бенчмаркинга будут выступать:

- скорость: позволяет быстро повысить качество процессов за счет анализа практики организации-эталона;
- превентивность: помогает предупредить появление трудностей благодаря изучению неудачного опыта конкурентов;
- применение лучших практик: дает возможность оптимизировать ключевые процессы в ПОО за счет применения лучших решений коллег;
- доступность: не требует существенных финансов и временных затрат.

Таблица 5.

Технология бенчмаркинга в ПОО

№	Название этапа	Содержание этапа
1	Определение объекта анализа	Объекты для анализа – всё многообразие элементов образовательного процесса: технологии, подходы, формы, методы, содержание обучения [10].
2	Составление списка превосходства	Поиск лучших ПОО, отдельных педагогов, лучших (успешных) практик применения новых форм проведения промежуточной аттестации и т.п. Этап включает в себя обзор имеющихся источников информации, систематизацию данных, анализ и отбор лучших [10].
3	Сбор и анализ информации	Сбор качественных данных, описание содержания труда, процессов или факторов, которые объясняют продуктивность: <ul style="list-style-type: none"> – анализ собственной педагогической деятельности (SWOT-анализ); – сравнение с «эталонами», выявление на основании этого сравнения «зон роста»; – аудит имеющихся данных для их принятия руководством.
4	Адаптация «эталона» к собственным условиям и апробация разработки	Имплементация предложенных мероприятий, их корректировка и дальнейшее развитие. Выявленные зоны для улучшения целесообразно прорабатывать, реализуя SMART-программу. Необходимо инновационное внедрение, которое подразумевает: <ul style="list-style-type: none"> – прогнозирование возможных эффектов и последствий внедрения опыта эталона;

№	Название этапа	Содержание этапа
		<ul style="list-style-type: none"> – предоставление отчета заинтересованным лицам (руководство ПОО, методические объединения); – разработку программы внедрения изменений с учетом обычного плана работы; – реализацию программы; – мониторинг выполнения программы и использование результатов для дальнейшего развития.
5	Тиражирование успешного опыта	Тиражирование успешного опыта происходит посредством методических разработок, открытых педформ.

В целом, бенчмаркинг – это возможный инструмент оценки эффективности образовательной деятельности в учебной группе, на курсе, в ПОО. Однако бенчмаркинг и оценивание – не одно и то же. Оценивание определяет, достигнут ли запланированный результат, при этом, как правило, не учитывается, какие средства использовались, зачастую игнорируется анализ существующих альтернатив, которые позволяют повысить эффективность данного процесса. На это направлен бенчмаркинг, основной миссией которого является выявление оптимального набора средств для наиболее эффективного способа достижения конкретной цели.

Если говорить о молодых специалистах, то актуальной проблемой является несоответствие уровня развития компетенций выпускников СПО требованиям предприятий. «Профессионалитет» нацелен на достижение синергетического эффекта: объединение усилий ПОО и промышленных предприятий в подготовке специалистов и квалифицированных рабочих, ориентированных на потребности и запрос конкретных работодателей. Проект предполагает всестороннее участие опорного работодателя кластера в обучении своих будущих работников – выпускников ПОО, в том числе в формировании учебных планов и образовательных программ с учетом специфики производства, включая технологический, организационно-экономический и социально-психологический аспекты.

Сегодня предприятие ожидает специалиста, который, помимо широкого набора профессиональных компетенций, владеет гибкими навыками, такими как работа в команде, стратегическое мышление, готовность к постоянному саморазвитию, способность быстро адаптироваться к изменениям производственного процесса, стремление к культуре постоянных улучшений и др.

Рассмотренные методы оценки компетенций доказали свою эффективность в практике управления персоналом, где ключевой характеристикой взрослых людей является наличие относительно устойчивой мотивации к обучению, либо внешней (сохранение работы, карьерные перспективы, рост заработной платы, расширение деловых связей), либо внутренней (саморазвитие). Уровень мотивированности студентов СПО на обучение зачастую нестабильный. Поэтому, по какой учебной дисциплине (профессиональному модулю) и какой бы метод оценки ни применялся, важно сохранить принцип практикоориентированности: каким образом виды активности на учебном занятии обучающийся сможет применить на будущей работе.

Литература:

1. Амосова О.В. Коадаптивный подход в современном профессиональном образовании // *Crede Experto*: транспорт, общество, образование, язык. – 2018. – №3.
2. Двучичанская Н.Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций // *Машиностроение и компьютерные технологии*. – 2011. – №4.
3. Диденко А.В. Инкорпорирование показателей эффективности деятельности педагогических работников СПО в систему внутреннего мониторинга качества образования в образовательной организации // *Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования*. – 2021. – №7. – С. 28-37.
4. Диденко А.В. Факторы-мотиваторы проактивного поведения персонала // *Современные научные исследования и разработки*. – 2018. – №12(29). – С. 51-54.
5. Задорожная Н.В. Интеграция содержания общеобразовательных учебных предметов с дисциплинами общепрофессионального цикла и профессиональными модулями как условие повышения качества образования // *Инновационное развитие профессионального образования*. – 2022. – №2 (34). – С. 150-175.

6. Иванов И.Н., Лукьянова Т.В. Разработка модели компетенций: подходы и реализация // Вестник ГУУ. – 2019. – №1. – С. 14-21.
7. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета: коллективная монография / под. науч. ред. д.п.н. И.Ю. Тархановой – Ярославль.: РИО ЯГПУ, 2018. – 383 с.
8. Листвин А.А., Гарт М.А. Профессионалитет как механизм синхронизации системы среднего профессионального образования и рынка труда // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – №1 (106). – С. 177-187.
9. Митрофанова Е.А. Формирование модели компетенций: методический подход // Кадровик. Кадровый менеджмент. – 2011. – №8.
10. Мищенко Н.Ю. Бенчмаркинг как инструмент управления качеством образовательного процесса // Педагогическая наука и практика. – 2018. – №1 (19). – С. 28-31.
11. Наука. Общество. Образование: материалы всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 25 января 2018 года / под общей редакцией Барашевой Е.В. – Иркутск: ООО «Сетевой институт дополнительного профессионального образования», 2018. – 70 с.
12. О проведении эксперимента по разработке, апробации и внедрению новой образовательной технологии конструирования образовательных программ среднего профессионального образования в рамках федерального проекта «Профессионалитет» «[Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 16 марта 2022 №387. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».
13. Петренко Е.А. Современные подходы к оценке общих компетенций и основные проблемы их диагностирования // Педагогика и психология образования. – 2014. – №4. – С. 102-109.
14. Из 2020 в 2030: новая стратегия развития СПО [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://akvobr.ru/new/publications/158> (дата обращения 20.09.2022)
15. Кравцов рассказал, сколько выпускников 9-х классов поступают в колледжи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://na.ria.ru/20210810/minprosvescheniya-1745179965.html> (дата обращения 20.09.2022)
16. Федеральный проект «Профессионалитет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/ (дата обращения 20.09.2022)

ОБ АВТОРАХ:

Т.И. Красикова, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

T.I. Krasikova, PhD {Philology}, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 378**ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

Красикова Т.И.

В данной статье рассмотрены основные способы выражения и распознавания ремы на основе анализа актуального членения предложения в английских научно-технических текстах. Автор обращается к этапам развития теоретической грамматики целого ряда языков, и показывает развитие раздела «синтаксис». Рассматривается понятие «суждение», а также определяются понятия тема и рема. В статье рассматриваются вопросы членения предложения на логико-коммуникативном уровне. Автор показывает, что предложение является исходной и основной языковой формой выражения мысли, а само построение и смысл его требует обращение к логическому анализу к логике как науке, изучающей законы построения мысли.

Коммуникативный синтаксис, актуальное членение, тема, рема, профессионально-ориентированный перевод, психологическое выделение, тема-рематический принцип.

Для цитирования: Красикова Т.И. Тема-рематическое членение в английских научно-технических текстах // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 81-86.

TOPIC-RHEMATIC DIVISION IN ENGLISH SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS

Krasikova T.I.

The article discusses the main ways of expression and recognition of creams based on the analysis of the actual articulation of sentences in English scientific and technical texts. The author refers to the stages of development of the theoretical grammar of a number of languages, and shows the development of the section "syntax". The concept of "judgment" is considered, and the concepts of theme and rhema are also defined. The article deals with the issues of sentence division at the logical and communicative level. The author shows that the sentence is the initial and main linguistic form of expression of thought, and its construction and meaning itself requires an appeal to logical analysis to logic as a science that studies the laws of thought construction.

Communicative syntax, actual division, theme, rhema, professionally-oriented translation, psychological isolation, theme-rhematic principle.

For citation: Krasikova T.I. Topic-rhematic division in English scientific and technical texts. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 81-86. (In Russ.)

В данной статье будут рассмотрены основные способы выражения и распознавания ремы, где основой для анализа актуального членения предложения взяты научно-технические тексты на английском языке. В последние десятилетия методика преподавания иностранного языка всё глубже уделяет внимание коммуникативному синтаксису не только с теоретической точки зрения, но и с точки зрения его практической части.

Актуальность и значимость данной темы при обучении студентов-переводчиков коммуникативно-функциональной грамматики английского языка определяется необходимостью грамотного восприятия и владения студентами языковыми средствами научно-технических текстов, что находить своё отражение в синтаксисе, который является необходимой составляющей частью предложений научно-технических текстов при обучении студентов профессионально-ориентированному переводу. Поэтому многие явления синтаксиса необходимо детально доводить в практической части обучения студентов, уделяя внимание профессионально-ориентированному переводу, опираясь не только на традиционное членение, на подлежащее и сказуемое, а членение - на тему и ремю. Необходимо постоянно останавливаться на факторе грамматиколизованном порядке слов, где порядок слов в предложении является одним из главных смысловоразличительных средств.

Цель данной статьи - показать на основе анализа актуального членения английского предложения, какие существуют способы выражения и распознавания в нем ремы при обучении студентов профессионально-ориентированному переводу.

Материалом исследования послужили статьи из зарубежных журналов *Scientific American* и монографий по специальностям Технологического университета, которые были рассмотрены в качестве учебного материала со студентами и аспирантами на занятиях по английскому языку.

Если мы обратимся к материалам, ранее подвергавшимся изучению о членении предложения, то обращает на себя внимание ряд работ [11], где анализу подвергались вопросы более высокого уровня членения предложения, чем синтаксический разбор. Так, например, в работе В.З Панфилова «Грамматика и логика» вводится логико-грамматическое понятие, а не синтаксический разбор, на котором определяется выражение членов суждения. Хотелось бы отметить, что проблема членения предложения на логико-коммуникативном уровне, на котором определяется выражение членов высказывания, до сих пор вызывает полемику среди современных исследований и привлекает внимание не только теоретиков в области членения предложения, но и методистов и педагогов при обучении профессионально-ориентированного перевода.

Углубляясь в изучение традиционной грамматики индоевропейских языков, мы видим то, что она до 19 века имела только два раздела – морфологию и синтаксис. В морфологии подвергались изучению формы слов и морфемы, а в синтаксисе рассматривались словосочетания и предложения. Что же касается способов выражения мысли, то в дальнейшем это приводит к более точному совершенству, ибо наблюдается процесс развития человеческого сознания и общества. Как отмечено многими учёными [5, 6, 9], в силу целого ряда исторических событий и технического прогресса, многие понятия и средства выражения приобретают новый терминологический оттенок, новые качества, отражая переход от одного образа мышления к другому, соблюдая при этом строгую логическую последовательность, уточняются способы их выражения.

Безусловно, все средства общения отражали новые условия трудовой жизни общества [16]. Если пронаблюдать развитие индоевропейских языков, а именно германские языки, то прослеживается следующая закономерность в том, что формально-грамматические показатели субъектно-предикатных отношений постепенно превращались в показатели интонационные, вырабатывая, при этом, определённые словесные или иные формы их выражения. Та же картина наблюдалась и в славянских языках. Если обратиться к истории английского языка мы наблюдаем то, что способы выражения смыслового предиката в свою очередь подвергались изменениям в ходе исторического развития языка. [13], поэтому в языке вполне закономерно появление новых слов и словосочетаний, новых разделов в грамматике: в данном случае – коммуникативного синтаксиса.

Проанализировав этапы развития и становления теоретической грамматики целого ряда языков, мы пришли нас к заключению о том, что раздел «синтаксис» подразделяется на три раздела: традиционный, коммуникативный и структурный. При этом, первые два раздела синтаксиса включают языковые единицы по размеру больше, чем предложения, это синтаксическое или сверхфразовое единство и текст. И следует отметить, что предложение уже трактуется как минимальная языковая единица текста, при этом имеется в виду основной выразитель самого высказывания, поскольку коммуникация письменная и устная осуществляется только на основе текстов и речевых отрезков.

Следует обратить внимание на то, что, поскольку предложение является исходной и основной языковой формой выражения мысли, само построение и смысл его требует обращение к логическому

анализу к логике как науке, изучающей законы построения мысли. Анализируя текст и его построение, обращаем внимание на тенденцию видеть уже специфику коммуникативной семантики. При этом, наблюдается полемика о необязательном соответствии внутренней и внешней семантики предложения уже в рамках логического направления в лингвистике. То есть, в коммуникативном синтаксисе непосредственно прослеживается тесная связь о соотношения мышления, языка, речи и их единиц. В связи с этим, предложение начинает подвергаться не только синтаксическому разбору по членам предложения, а и членению по смыслу, на части по важности подачи информации. Такое членение у исследователей получило название актуального, то есть действительного, первичного, отличного от грамматического и возникающего только тогда, когда его включают в определённую ситуацию [8].

Изучив историю данного вопроса, мы видим, что некоторые понятия актуального членения предложения были представлены уже к середине 18 века в работах Н. Бозе Ш.Бато, К.Беккера. Исследователи порядка слов в предложении и логического ударения изучали важнейшие способы семантического членения предложения. А выводы Анри Вейля стали своего рода отправной точкой развития мыслей о порядке слов, которые в дальнейшем легли в основу учения об актуальном членении предложения. К XX веку его богатое наследие легло в основу современного учения об актуальном членении предложения, а его выводы и терминология легли в основу чёткой формулировки речевой деятельности. Это взято за основу представителями актуального членения. Мы видим, что основная тенденция заключается в том, что в предложении существует два направления: 1. Объективная, которая выражает синтаксические связи и 2. Субъективная, отражающая порядок слов.

Хотелось бы обратить внимание на некоторых представителей пражской лингвистической школы (В. Матезиус, Я. Фирбас, Ф.Дании, И.Вахек), которые впервые предприняли попытку построить функциональный анализ предложения, рассматривая высказывание только с точки зрения содержащей в ней информации. Их точки зрения основывается на том, что именно конкретный материал должен стать показателем соотношения формального и актуального членения предложения – так утверждал исследователь В. Матезиус, поскольку именно отношение между актуальным и формальным членениями предложения – одно из самых характерных явлений в каждом языке. [7]

Безусловно, чешские языковеды внесли существенный вклад в лингвистику при изучении актуального членения предложения, дополнив лингвистический словарь новыми терминологическими понятиями и определениями.

Если мы обратимся к 60 и 70 годам двадцатого столетия, то наше внимание привлекает то, что в это время возрос интерес к проблемам коммуникативного синтаксиса не только среди англистов и русистов, а также среди филологов других стран. Это нашло своё подтверждение во многих работах, особенно в английской грамматике, где в учебных целях была введена глава о смысловом выделении членов предложения [5, 6]. Например, при изучении специальной «Коммуникативной грамматики английского языка» Дж.Лич и Я. Свартвик мы видим, их утверждение о том, что любой элемент, который оказался на первом месте предложения, становится темой, придавая предложению характер психологического выделения. В контексте, при этом, видно выделение тем трёх видов: эмфатической, контрастной и, так называемая, данная тема. Но, Н.А. Слюсарева, в своё время отметила, что в первых двух случаях вынесенные вперёд члены предложения являются ремами, которые выражены группой прямого дополнения и предложным дополнением. И, по её мнению, только в третьем случае прямое дополнение является темой, которая в данном исследовании считается исходным пунктом высказывания, соотносимой наравне с темой, то есть субъектом высказывания.

Как показывают источники [13, 15], в индоевропейском языкознании имела тенденция отождествлять структуру предложения со структурой суждения. В этой связи, в индоевропейских языках основным является номинативный тип предложения. Поэтому языковеды логических школ и направлений в языкознании считали, что всякому подлежащему предложения соответствует субъект суждения, а сказуемому – предикат. Многие учёные в истории общего и русского языкознания подвергли критике концепцию суждения в предложении [15]. При этом, Г.Суит и О.Есперсен и многие другие заметили, что грамматическое подлежащее и сказуемое в ряде случаев не соответствует

членам суждения. Данное утверждение рассматривалось лишь как порядок слов, интонацией, определением слова, предложения, подлежащего и сказуемого. В связи с этим, толкование соотношения предложения и суждения, выраженного каким-либо данным предложением, имело непоследовательный и противоречивый характер.

Что же касается современных лингвистов, они, противопоставляя актуальный и структурный аспекты синтаксиса, определяют два принципа организации предложений-высказываний: подлежащно-сказуемый и тема-рематический. Оба эти принципа широко представлены в синтаксисе любого языка, однако они часто встречаются или в совмещённом, или в расчленённом виде [7,9,10].

Мы всегда обращаем внимание студентов на то, что своеобразной нормой является структура предложения со строгим следованием группы подлежащего и группы сказуемого и соответствующее совмещение этих групп с темой и ремой. Тема-рематический принцип является единственным при организации высказываний.

Мы воспринимаем аксиому о том, что язык и мышление не тождественны, они составляют диалектическое единство. Всё это находит своё выражение в том, что мышление выражается в языке, через язык. Оно неотделимо от языка, но в то же время структура предложения (грамматическая категория) и структура выражаемого в нём суждения (логическая мыслительная категория) не имеет обязательного и полного соответствия. Это проявляется в том, что субъект и предикат суждения не обязательно и не всегда выражаются подлежащим и сказуемым предложения. В грамматике члены суждения принято называть латинскими терминами – субъект и предикат, а члены предложения – русскими словами – подлежащее и сказуемое [5,11].

Основной постулат говорит о том, что логический строй мысли, (суждение), раздвоение мысли на субъект и предикат всегда интернационален, он одинаков у всех людей, говорящих на разных языках. При этом, средства же выражения мысли-суждения и, в частности, средства выражения смыслового центра сообщения – предиката суждения в разных языках различны, поскольку они определяются грамматическим строем предложения, который представляет собой интернациональное явление [8]. Особенно отчётливы видны различия в грамматических способах выражения логического строя мысли в языках разной типологии, таких, например, как английский (аналитический строй) и русский (синтетический строй). Поэтому, при переводе с английского языка на русский необходимо определить структуру мысли-суждения, выражаемой в английском предложении средствами английского языка, а перевод её на русский язык транслируется средствами русского языка так, чтобы структура выражаемой в предложении мысли-суждения не нарушилась. Надо стремиться к тому, чтобы то, что было логическим предикатом в предложении оригинала воспринималось соответствующим образом в предложении перевода.

Только в этом случае перевод может быть признан адекватным, а текст понятным правильно. Особенно это важно при переводе научной прозы, которой присуща строгая логическая последовательность изложения аргументации. Прежде чем перейти к иллюстрации описанного положения на конкретных примерах, напомним, что собой представляет суждение, выражаемое в повествовательном предложении, и какова его структура, так как это необходимо для понимания структуры актуального членения предложения. Хотелось бы отметить, что авторы многих работ затрагивают вопросы грамматики и логики, используя различные виды терминологии [4, 6, 10].

Одни исследователи используют термины суждения (субъект и предикат), другие актуального членения – термины (тема и рема высказывания). Если рассматривать речевую цепь, то мы видим, что любое предложение приобретает актуальный аспект и превращается в высказывание, соотносённое с конкретными обстоятельствами общения. Когда мы используем язык в конкретной ситуации коммуникации, основной и в то же время минимальной единицей речи является высказывание. Некоторые методисты считают, [8, 9], что предложение - это языковой знак высказывания, а высказывание есть речь, утверждающая или отрицающая что-либо. В то же время она является также речевой единицей, не предназначенная для передачи субъективно-предикатной информации и представленная в языке непредложенческими структурами, обладающими номинативно-коммуникативной функцией внутреннего порядка. Мы придерживаемся мнения Л.В. Щербы, М.М. Гухман, а также многих других учёных, которые считают, что актуальное членение предложения на тему и рему отражает субъективно- предикатную структуру суждения [1, 11, 12].

Что же такое суждение? Суждение выражается в повествовательном предложении. Оно определяется как форма мысли, в которой нечто утверждается или отрицается о чём-либо (надо отметить, что отрицание – это тоже своего рода утверждение). Суждение имеет только два члена: субъект и предикат (положение о третьем компоненте - связке всегда был спорным). Субъект суждения (рема) – это предмет мысли (речи), это то, относительно чего идёт речь, в отношении чего что-то утверждается или отрицается. Хотелось бы подчеркнуть, что тема высказывания – это слово или группа слов, которое вводит предмет мысли в данном высказывании и является носителем минимума информации. И это обозначает наименьшую степень коммуникативного динамизма. Рема высказывания – это слово или группа слов, присоединяемое к теме для введения и развития нового в высказывании. Она является носителем максимума информации и обозначает наибольшую степень коммуникативного динамизма.

Хотелось бы добавить, что перемещение фразового и предикативного ударения по структуре предложения не создаёт всякий раз новое предложение, как это считалось ранее. Это создаёт всякий раз новое высказывание в словесной оболочке одного и того же формально-грамматического предложения.

Рассмотрим на примере: в предложении - *Ученые установили на участках тепловые датчики, высокоскоростные кинокамеры, видеокамеры, тепловизоры*. Речь идёт об учёных (учёные – тема), а сообщается, что они установили на участках *тепловые датчики тепловые датчики, высокоскоростные кинокамеры, видеокамеры, тепловизоры* - это рема. Сразу же напрашивается вопрос – Что сделали учёные? А в сообщении: *Ученые установили на участках тепловые датчики, высокоскоростные кинокамеры, видеокамеры, тепловизоры* (с логическим ударением на слове участках (*установили на участках тепловые датчики, высокоскоростные кинокамеры, видеокамеры, тепловизоры* - тема), а сообщается, что эти приборы на участке установили учёные (учёные – рема). Такое сообщение могло бы явиться ответом на вопрос: Кто установил на участках выше перечисленные приборы?

Как показывает пример, грамматическое подлежащее и сказуемое не являются показателями темы (т.е. субъекта) и ремы, (т.е. предиката) высказывания. Если одна и та же грамматическая форма выражает не одно, а два противоположных значения - например, и подлежащее, и сказуемое могут быть носителями как логического субъекта, так и предиката. В таком случае, эта форма не может считаться показателем одного из этих значений [12]. Тема - субъект не всегда выражается через грамматическое подлежащее, а грамматическое сказуемое не является обязательным носителем ремы (предиката). Надо отметить, что тема и рема высказывания (субъект и предикат суждения) могут находить своё языковое выражение в любом члене или членах предложения. В результате чего, как видно на примере, одно и то же формальное грамматическое предложение в зависимости от конкретной ситуации может выражать не одно, а несколько разных суждений. Члены мысли-суждения- есть категория гибкая, подвижная, а члены предложения является категория застывшая, консервативная, с ограниченными возможностями, обусловленными традицией и ограниченным арсеналом грамматических конструкций. Поэтому, изменение содержания одного и того же предложения обусловлено изменением состава выражаемого в нем суждения. В связи с этим, надо помнить, что при переводе необходимо выявить по формально-грамматической оболочкой английского предложения состав выражаемого в неё суждения и тот же состав сохранить в переводе [12].

Каждый переводчик должен знать, что в русском языке, который относится к языкам синтетического строя, ярко выражена морфологизация частей речи и сильно развита система падежных окончаний. Это позволяет в соответствии со смыслом менять порядок следования членов предложения. Поэтому в русской письменной речи основным и самым универсальным средством выражения ремы (предиката) является словорасположение. Прежде всего, это помещение члена предложения-носителя ремы (предиката) в конце предложения: то есть, сначала следует тема – субъект, потом рема – предикат. Иначе говоря, русскому языку присущ прямой порядок следования членов суждения (субъект-предикат), то есть членов актуального членения предложения (тема-рема). В русском же языке основным способом выражения ремы является фразоконечное положение члена предложения.

Хотелось бы напомнить, что же касается древнеанглийского периода, то там порядок слов являлся единственным распространённым синтаксическим способом предиката. В современном английском языке возможности выделения ремы (предиката) с помощью словорасположения довольно редкое – только в рамках определённых конструкций. Аналитический строй английского языка, то есть слабая морфологическая оформленность частей речи, почти полное отсутствие падежных и личных окончаний – это и обуславливает фиксированный порядок следования членов предложения, который служит средством выражения грамматических отношений между словами. Студенту надо знать, что за каждым членом предложения, независимо от того, какой член суждения он выражает, закреплено постоянное место: обстоятельство времени, места-подлежащее-сказуемое- прямое дополнение -косвенное дополнение-предложное дополнение-обстоятельство образа действия-обстоятельство места-обстоятельство времени. Поэтому, член предложения, являющийся носителем ремы (предиката) обычно сохраняет постоянно закреплённое за ним в предложении место. Это, в свою очередь, приводит к тому, что рема (предикат) в английском языке не имеет своего позиционного выражения, как в русском языке.

В результате всего сказанного, напрашивается следующий вывод. Порядок слов в английском предложении является средством выделения тема-рематических отношений только тогда, когда он инвертивен. Именно в предложениях с субъективным порядком слов наиболее отчётливо проявляется роль порядка слов в предикативном выделении подлежащего, когда оно оказывается сдвинутым с присущей ему передней позицией. Поскольку обратный порядок слов менее свойственен английскому языку, как языку, относящему к группе языков с фиксированным порядком слов, то, естественно, рематизация подлежащего (или его группы) в большинстве случаев наблюдается именно в начале предложения.

Литература:

1. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1954. – №1. – С. 3-29.
2. Ившин В.Д. Коммуникативный синтаксис современного английского языка. Автореф. дисс. на соискание учён. степ. д-ра филолог. наук. Киевский ун-т имени Т.Г. Шевченко. Киев. 1990.
3. Ильин Б.А. Развитие способов выражения смыслового предиката в английском языке // Вопросы германского языкознания. – 1961. – С. 215-290.
4. Крылова О.А. Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса // Вопросы языкознания. – 1976. – №2. – С. 43-53.
5. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 239-245.
6. Мещанинов И.И. Соотношение логических и грамматических категорий. Язык и мышление. М.: Наука. 1967. С. 7-17.
7. Николаева Т.М. Актуальное членение – категория грамматики текста // Вопросы языкознания. – 1972. – №2. – С. 48-54.
8. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. 231 с.
9. Пумпянский А.Л. О логико-грамматическом членении предложения // Вопросы языкознания. – 1972. – №2. – С. 66-76.
10. Серебренников Б.А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка // Вопросы языкознания. – 1970. – №2. – С. 29-49.
11. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981. 206 с.
12. Шевякова В.Е. Актуальное членение предложения. М.: Наука 1976. 135 с.
13. Bellert J. On the logico-semantic structure of utterances. Wrocław, 1972. 87 p.
14. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. London, 1975. 218 p.
15. Quirk R., Greenbaum S. A Concise Grammar of Contemporary English/ N.Y. 1973. 105 p.

ОБ АВТОРЕ:

П.С. Романов,
доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

P.S. Romanov,
Doctor of Pedagogy, associate professor, professor of the Department of Foreign Languages, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 378**РАЗВИТИЕ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ И КОЛЛЕДЖАХ КАНАДЫ**

Романов П.С.

Эта статья призвана понять прошлое и настоящее состояние инженерного образования в Канаде и наметить курс для его будущей эволюции. Это исследование ограничивается инженерным образованием, как это происходило в канадских университетах в течение последней половины XX века. В этом контексте описываются широкие тенденции. Предполагаемая аудитория этой статьи включает тех, кто преподает, разрабатывает учебную программу или управляет программами инженерного образования. Описание текущего состояния инженерного образования содержит анализ состояния и пробелов в нем. Оба этих анализа основаны исключительно на общедоступной документации и кандидатской диссертации автора в 2013 году.

Нынешнее состояние проектирования определяется критериями аккредитации. Исследования инженерного образования находятся в зачаточном состоянии и показывают мало признаков совершенствования. Идея проектирования систем включает в себя уникальное видение, которое сочетает теории систем, сложности и дизайна с дисциплиной проектирования.

Инженерное образование Канады, системный подход в высшем образовании Канады.

Для цитирования: Романов П.С. Развитие учебных программ инженерного образования в университетах и колледжах Канады // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №3 (23). С. 87-91.

DEVELOPMENT OF ENGINEERING EDUCATION CURRICULA AT UNIVERSITIES AND COLLEGES IN CANADA

Romanov P.S.

This article seeks to understand the past and present state of engineering education in Canada and to plot a course for its future evolution. This research is limited to engineering education as it has taken place in Canadian universities during the last half of the 20th century. Within this context, broad trends are described. The intended audience of this article includes those who teach, design curriculum, or administer engineering education programmes. The description of the current state of engineering education contains analyses of the state and of the gaps within it. Both of these analyses are based exclusively on publicly available documentation and the author's doctor thesis in 2013. The present state of engineering is drawn from accreditation criteria. Engineering education research is in its infancy and shows few signs of maturing. The idea of systems design engineering encompasses the unique vision that combines the theories of systems, complexity and design with the discipline of engineering.

Engineering higher education in Canada, system approach, Systems Design Engineering.

For citation: Romanov P.S. Development of engineering education curricula at universities and colleges in Canada. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 3 (23): 87-91. (In Russ.)

Современное состояние системы инженерного образования Канады по оценкам ее исследователей во многом обусловлено особенностями развития этой системы после Второй мировой войны. Все внимание исследователей этой темы сосредоточивается на уровне колледжей и университетов соответствующего профиля. По их мнению, процесс обучения инженерных кадров должен быть более протяженным и охватывать все годы обучения студента в техническом колледже, а не сосредоточиваться исключительно на последнем периоде обучения [4].

Для понимания сущности процессов, которые происходят в современной системе инженерного образования Канады, следует обратиться к истории инженерного образования в целом в Северной Америке. Традиционно эта дисциплина подразделяется зарубежными исследователями на три основных периода. Первый период условно относят к временному периоду до 20х гг прошлого столетия, то есть фактически к девятнадцатому веку. В этот период преобладающим методом обучения студентов инженерным специальностям оставался принцип «ученичества», наглядного обучения, то есть обучение у специалиста в инженерных училищах, построенных по типу заводских цехов. Выпускники таких училищ обладали рядом практических навыков в своей будущей профессии. В начале двадцатого века центры инженерного обучения начинают перемещаться в колледжи, которые объединяли в своих стенах производственные мастерские. Студенты колледжей при этом продолжали производственное обучение в учебных цехах и одновременно проходили изучение теоретических дисциплин. Единственным отличием от предыдущей схемы обучения было расположение производственных площадок. Изучение теоретических дисциплин, в том числе математики, физики и некоторых других, не носило ярко выраженного целевого характера. Вспомогательными инструментами для проведения математических инженерных вычислений тогда служили логарифмическая линейка, изобретенная в 1632 году, силовой многоугольник, изобретенный в 1860 году, номограмма, изобретенная в конце девятнадцатого века. Все эти инструменты были по сути предшественниками компьютера и широко применялись в инженерных профессиях. В этот период в колледжах сосредоточивали все внимание на практическом применении этого инструментария, а не на теории, лежащей в основе их действия.

Второй период инженерного образования относят к 1920-60 гг. и он носил ярко выраженный переходный характер. К началу двадцатых годов программы инженерного образования в Европе включали на постоянной основе ряд теоретических дисциплин, в том числе математику. К тому времени инженеры, закончившие европейские учебные заведения, значительно отличались от выпускников инженерных колледжей Нового Света в лучшую сторону и котировались на рынке труда выше этих выпускников. Подобный диссонанс в инженерной подготовке не остался незамеченным организаторами высшего образования Северной Америки, и они стали срочно вводить в учебные программы инженерных колледжей теоретические дисциплины, в том числе высшую математику. Но эти новации не носили всеобъемлющий характер, в основном программы инженерного образования северной Америки по-прежнему базировались на обучающих принципах девятнадцатого века. Изменения учебных программ в плане введения теоретических дисциплин из математики, физики, инженерных дисциплин коснулись тех учебных заведений, в которых студенты старших курсов выразили намерение углубить свои теоретические знания из основ будущей профессии, заняться научной аналитической работой. Считалось, что именно такие будущие инженеры способны вложить существенный вклад в развитие своих отраслей.

Третий или современный этап развития инженерного образования берет свое начало в послевоенный период после Второй мировой войны. Он характеризуется значительно возросшими финансовыми вливаниями в отрасль, обеспечением ее всеми возможными ресурсами и новыми целями, которые были сформулированы историческими событиями Второй мировой войны. Учебные программы также значительно изменились, в них стали интенсивно вводиться все возможные теоретические дисциплины, необходимые для интенсивного изучения дисциплин. Для выпускников инженерных университетов и колледжей стали срочно создаваться специальные технические учебные программы, содержание которых во многом было обусловлено требованиями военной техники. Поствоенный период в общем плане развития человечества характеризуется интенсивными и экстенсивным развитием науки и техники, созданием и развитием таких областей, как атомная энергетика, создание новых типов вооружения, в том числе атомной бомбы, радиолокационной

техники, способной обеспечивать безопасность страны и военных соединений от атак современных самолетов и космических летательных аппаратов.

Современные зарубежные исследователи, разрабатывая наиболее эффективные и востребованные области инженерных профессий, в своем структурном анализе состояния инженерного образования в стране привычно прибегают к классификации этих объектов. Первым источником информации для таких исследований выбраны источники, содержащие статистический материал, беспристрастно свидетельствующий о тех или иных характеристиках образования напрямую или косвенно. Основной темой здесь выступает соотношение вкладываемых в отрасль средств и ресурсов и полученный результат. Вторым источником информации о состоянии системы инженерного образования – это массив опубликованных и неопубликованных источников научной коммуникации, посвященной теме инженерного образования в Канаде. Третий источник – это документный поток постановлений, инструкций, докладов государственных организаций Канады по заявленной тематике, посвященных в основном вопросам аккредитации учебных программ по различным инженерным дисциплинам. Следует упомянуть, что в Канаде все учебные программы по инженерным дисциплинам подлежат жесткой государственной аккредитации [2]. В документах подобного типа как правил приводится достаточное количество критериев, по которым необходимо провести аккредитацию той или иной учебной программы в соответствии с целями и задачами инженерных дисциплин. Каждый набор критериев рассчитан на достаточно гибкое и творческое применение в каждом конкретном случае, например, в зависимости от типа учебного заведения, его деловой репутации, предметов, вошедших в состав изучаемой инженерной дисциплины. Для обеспечения возможности широкого применения аккредитационных документов они не перегружены детализированной информацией. Вместе с тем достижение подобной цели не может быть достигнута исключительно за счет применения аккредитационных программ. Детали программ варьируются в зависимости от специфики учебных программ, профиля высшего учебного заведения, целей учебно-методических рекомендаций и набора специальных предметов в тех или иных программах. Руководители высших учебных заведений или деканы инженерных факультетов и руководство управляющих органов власти по применению аккредитационных программ не всегда ставят перед собой задачи творческого использования подобных программ на практике, что, конечно, не позволяет всеобъемлюще определить состояние образовательного процесса на момент проверки. Подобные случаи нежелания творчески применить программы по аккредитации для уточнения состояния образовательного процесса зачастую объясняются необходимостью соблюдения разумной конфиденциальности или секретности. В программах, применяемых для аккредитации высших учебных заведений Канады, в избытке содержится требования именно к таким показателям, которые безусловно входят в поле конфиденциальной информации, как-то: поименный перечень основного преподавательского состава и приглашаемых лекторов, что позволяет посторонним личностям достаточно легко определить профиль учебных программ, профиль подготавливаемых специалистов, возможную сферу работы выпускников и следовательно, научно-техническое направление, в котором сейчас движется научно-техническая мысль и производство интересующих изделий как гражданского, так и военно-технического направления. Кроме того, финансовая информация, а именно зарплата профессорско-преподавательского состава факультета или колледжа, структура бюджета их источники финансирования также может носить конфиденциальный или секретный характер. Естественно, что соображения конфиденциальности в определенной мере могут или должны ограничивать применение широкого спектра критериев, содержащихся в программах для аккредитации высшего учебного заведения или факультета инженерного профиля. Соображения экономии средств на проведение аккредитации также будут определенным образом влиять на применение таких программ.

Программы по аккредитации также могут служить источников информации о том, какими путями развивается сегодня инженерная мысль страны. Разумеется, ни одна программа не содержит точных указаний о границах применения того или иного критерия при аккредитации, о том, какие критерии следует исключить при проведении аккредитации, а какие наоборот-оставить и активно применить [3].

Внимательное рассмотрение содержания большинства программ по аккредитации высших учебных заведений инженерного профиля позволяет сформулировать предварительные выводы о

состоянии этой системы. Безусловно, следует отметить, что системы высшего образования инженерного профиля страны не претерпели существенных изменений и кардинально не обновлялись в течение 40 или 50 лет в двадцатом веке. Имеющаяся в открытом доступе статистическая информация о состоянии инженерного обучения не всегда дает исчерпывающее объяснение тем или иным зафиксированным фактам. Доклады, которые делают многочисленные проверяющие комиссии тоже не вносят полной ясности в картину. Существующая научная литература по вопросам инженерного образования в Канаде в основном рассматривает проблемные вопросы в инженерном образовании страны и не фиксирует существующего в нем положения дел. Применяемая органами государственного образования Канады система критериев, по которым осуществляется аккредитация учебных заведений, без внесения в нее специфических критериев аккредитации не дает понимания ретроспективной картины.

Доклады различных комиссий по выяснению состояния инженерного образования в Канада, в основном касаются частных вопросов по мнению некоторых исследователей [4, p.64]. Тем не менее, их заключения и аналитические выкладки по многим позициям представляют определенный интерес и в значительно большей степени, чем исследования самих показателей и индикаторов аккредитации. В докладах также слабо отражены обобщающие выводы по проделанному анализу и полученным статистическим данным. Во всех перечисленных докладах за последние пятьдесят лет двадцатого века повторяются одни и те же проблемы высшего образования Канады в аспекте инженерного образования.

Особое внимание следует уделить проблеме изучения системного анализа. Википедия дает следующее толкование системного анализа: Системный анализ — прикладное направление теории систем, применяемое при решении сложных слабоформализуемых проблем [5]. Не существует единого и общепринятого определения системного анализа

В последнюю треть и первое десятилетие двадцать первого века двадцатого века в зарубежных научных изданиях появился определенный поток публикаций, посвященных описанию достоинств данного метода, а также условиям проведения подобного анализа в практике. К сожалению, в открытом доступе имеется незначительные упоминания о применении метода системного анализа в инженерном образовании Канады, поэтому достаточно затруднительно провести подробное освещение его применению в этой области. Тем не менее, можно провести подобный анализ в области библиотечно-информационного образования в учебных заведениях Северной Америки, поскольку структура подхода к его внедрению в образовательные программы, вероятно, достаточно сходна. Часть из этих публикаций были подготовлены профессиональными библиотековедами, большинство написано учеными из смежных областей науки, причем зачастую сложным и непонятным для практиков библиотечного дела языком. Тем не менее, этот факт свидетельствует о том, что интерес к особенностям функционирования библиотечных учреждений в рыночной среде растет среди исследователей различных направлений.

Безусловно, теоретической основой для внедрения системного анализа в практику работы зарубежных библиотек послужили труды основоположника этого подхода Людвиг фон Берталанфи (L. von Bertalanffy). Но первым из зарубежных ученых, выдвинувших идею системного подхода к эффективному управлению библиотекой, стал Филипп МакКорд Морзе (Philip McCord Morse), философ, физик, математик, основоположник операционного анализа в мировой науке. Его публикация «Системный подход к эффективности управления библиотекой» стал в основном базой для дальнейших разработок и отправной точкой многих исследований зарубежных библиотекосоведов по данной тематике. В числе этих зарубежных библиотекосоведов были М. Бакленд, С. Чен, Ф. Леймкулер, М.Д. Купер, Ф. Белломи, Р. Бернс, Л. Осборн, М. Накамура, Д. Коул, А.Г. МакКензи (M. Buckland, C.C. Chen, F.F. Leimkuhler, M.D. Cooper, F. Bellomi, R. Burns, L. Osborne, M. Nakamura, D.D. Cole, A.G. MacKenzie) . В монографии автора «Библиотекосоведение зарубежных стран во второй половине XX-начале XXI века» [84] анализируется системная модель библиотеки, предложенная канадским библиотекосоведом Э.Шредером (A.M. Schrader) на базе существующих моделей Штайнер и Маккиа (Steiner и Maccia), которые разработали два основных аспекта системного подхода к образовательному процессу в рамках теории фон Берталанфи (von Bertalanffy). В ряде своих аспектов эта теория повторяет известную системную модель библиотеки, предложенную российским

ученым Ю.Н. Столяровым. В работах последующих зарубежных библиотекведов эта модель (модель Э.Шредера) не получила своего дальнейшего развития.

Когда системный подход предварительно подробно и внимательно изучен, и затем применяется на практике надлежащим образом, то он превращается в весьма действенный инструмент анализа и управления в арсенале менеджера. Обсуждаемая в данном параграфе методология охватывает целый ряд стандартных приемов системного анализа, применяемого в различных областях науки, в том числе и в библиотеке. Особенности применения этих приемов широко освещаются в научной литературе по общей теории менеджмента, промышленным технологиям, библиотечно-информационным дисциплинам. К сожалению, применение многих концепций из смежных библиотековедению и информационным наукам дисциплин до сих пор остаются недостаточно исследованными и, как правило, редко применяющимися в практике библиотечного дела.

Системное исследование деятельности библиотеки предоставляет управленческому звену библиотеки исходную информацию, позволяющую определить цели и задачи библиотеки или ее подразделения, необходимые для достижения поставленной цели ресурсы, а также набор альтернативных вариантов достижения цели. Проведение в библиотеке системного исследования представляет собой процесс соотнесения имеющихся ресурсов поставленным целям, основанный на тех фактах, которые собраны исследователем. В число таких фактов или первичных статистических данных входят следующие позиции: себестоимость единицы продукции, затраты рабочего времени, затраты на материалы и оборудование, вмененные или скрытые издержки, размещение и возможности оборудования, перемещение персонала и сырья, кадровое обеспечение. Задача аналитика в этом случае заключается в том, чтобы собрать все необходимые статистические данные, обработать их и предоставить руководству библиотеки с указанием всех возможных сценариев развития событий.

Системный анализ работы библиотеки имеет своей целью установить экономическую эффективность подразделения или библиотеки в целом, а также общую эффективность работы библиотеки. Зарубежные исследователи всегда трактуют понятие экономической эффективности двояким образом: либо как способность некоей системы производить или обрабатывать одно и то же количество единиц некоего продукта при снижении затрат до минимального уровня; либо способность производить максимальное количество этих единиц при заданном, неизменном уровне затрат. Экономия средств, полученная в результате автоматизации библиотечных учреждений, по своей природе относится ко второму варианту трактовки экономической эффективности.

Во многих университетах Канады, где осуществляется инженерное образование, уделяется особое внимание внедрению программ, посвященных изучению системному анализу.

Невозможно дать точную оценку влияния системного анализа на состояние инженерного образования. Но факт остается фактом в том, что системный подход занял прочное место в образовательных программах технических университетов и колледжей Канады. В течение последних тридцати лет двадцатого столетия элементы системного инженерного обучения постепенно занимали свое место в этих учебных заведениях. Такие элементы учебных программ системы инженерного образования, как гибкость и семинарские формы, все шире внедрялись в учебные программы этих учебных заведений. С достаточной долей вероятности можно предположить, что эта ниша будет и далее заполняться системным подходом, поскольку финансирование этих программ неуклонно возрастает с каждым годом, хотя и невысокими темпами.

Литература:

1. Романов П.С. Эффективность управления библиотекой: методология оценки в зарубежном библиотековедении: дис... доктора пед наук / П.С. Романов // Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – М., 2013. – 368 с.
2. Canadian Engineering Accreditation Board. Accreditation criteria and procedures for the year ending June 30, 2000. Canadian Council of professional engineers.
3. Canadian Engineering Accreditation Board. Personal communication. - 2000.
4. Foster J.A. Understanding and improving undergraduate engineering education. Master of Applied thesis. University of Waterloo, Ontario, Canada. – 2001. – 262 p.